ISSN 0131—8047



РАБОТНИЦА

№ 11 • 1980


1 ОКТЯБРЬ

ЗАРЯ ОКТЯБРЬСКАЯ ГОРИТ

Татьяна КУЗОВЛЕВА

* * *

Любовь окликни на рассвете,
Вглядись и вслушайся в Москву:
Летит над ней ноябрьский ветер,
Кружа последнюю листву.

Летит,
Заботы и сомненья
Вмещая в твой негромкий путь.
Но праздника предощущенье,
Как в детстве, наполняет грудь.

И там, где облака разъяты,
Где взгляду горизонт открыт,
Как будто отсветом плаката,
Заря октябрьская горит.

Горит, встречаясь со звездою,
Горит сквозь дали и года.
Все чаще
Собственной бедою
Чужая кажется беда.

Чужое счастье все отрадней.
Твоей любви все выше сень.
И дышит строгостью и правдой
Стремительный осенний день.

* * *

«Варшавянка» на старой пластинке.
В темной рамке
Мне видится вновь
Эта женщина в красной косынке—
Революция, дерзость, любовь.

И гляжу я, робея немного,
В молодые, в большие глаза:
Ах, какая гудит в них дорога,
Ах, какая в них блещет гроза!

В тех глазах проступают приметы
Отдаленных тридцатых годов.
Слышу голос былых пятилеток,
Храбрых маршей напористый зов.

И опять—все маняще, все внове.
Алых стягов рассветная дрожь.
Вот в беретике, сдвинутом к брови,
Ты в ноябрьской колонне идешь.

Я любуюсь твоею походкой,
Но уже мне те годы видны,
Когда поступью гордой и четкой
Ты уйдешь на защиту страны.

Ты пройдешь сквозь бои и утраты
Невредимой в зловещем огне
Русой девочкой из медсанбата
По Отечественной войне.

Сколько лет за спиной отшумело!
Но по-прежнему в отчем краю
По партийному слову,
По делу
Я сегодня тебя узнаю.

Так же видятся мне без ошибки
Твердый взгляд и крылатая бровь.
Озарением доброй улыбки
На губах проступает любовь.

И гляжу я, робея немного,
В молодые, в большие глаза:
Ах, какая гудит в них дорога!
Ах, какая в них блещет гроза!

Ты под вечер присядешь устало,
От любимого грусть не тая:
Все же это не так уж и мало—
И работа. И дом. И семья.

Но ведь в этом и кроется счастье,
И живительны муки твои.
Сохрани над собою всевластье
И труда, и любви, и семьи.

Улыбнись, словно вспомнив,
Мол, кстати,
Есть чем гостя порадовать в срок,
И поставь на ноябрьскую скатерть
С поздней ягодой
круглый пирог.

И. ТАРТАКОВСКИЙ.
ПЕРВЫЙ ОКТЯБРЬ.

ИСПЫТАНИЕ

Сдать энергоблок мощностью двести тысяч киловатт до конца года в опытную эксплуатацию — такое обязательство взяли строители Костромской ГРЭС в честь предстоящего XXVI съезда партии.

В нашей стране это будет самый крупный энергоблок на тепловой станции. Одновременно с ним вступит в строй новая очередь химического цеха, оснащенного современным оборудованием. От работы цеха, где готовится и очищается вода для сверхмощного котла электростанции, во многом зависит успешное освоение энергоблока. В этом цехе испытывали новый водный режим для всей ГРЭС. Руководила испытаниями начальник цеха Лариса Васильевна Кузьмичева. О ней рассказывает этот очерк.



Лариса Васильевна долго не могла прийти в себя, увидев в реке у ГРЭС отравленную рыбу. Хотя расследование установило непричастность ГРЭС и ее химического цеха к происшествию, Кузьмичева поняла, что такое может случиться и по их вина. Слишком сильные химические средства использовались для очистки воды. Она понимала: нужно найти наиболее рациональный водный режим станции, чтобы сбросы отработанной воды после очистки были минимальными и безвредными для реки. И в то же время чтобы не образовывалась накипь, чтобы не разъедала коррозия трубы. Кузьмичева занялась экспериментальным испытаниям нескольких водных режимов.

Началось это в год пуска Костромской ГРЭС, чуть больше десяти лет назад. Строились станция и поселок, названный Волгореченск. А кругом расстилались бескрайние леса, протяжно гудели пароходы на Волге. И среди такого нетронутого раздолья особенно внушительно выглядела ГРЭС.

Главную трудность, как всегда на строящихся предприятиях, составлял подбор кадров. Нескольких специалистов Кузьмичева пригласила в Волгореченск с прежней своей электростанции, остальных необходимо было обучать профессиям аппаратчиц, лаборанток здесь, на месте, причем им требовалась основательная теоретическая подготовка по химии. Штат цеха укомплектовывался почти только женщинами, чуть ли на у каждой семья, дети. Говорили: не до учебников нам и конспектов.

— Честное слово, Лариса Васильевна, я учила! Вчера уложила своих, сидела до полночи, аса вроде вызубрила...

— Тогда расскажи, как представляешь процесс очистки воды,—спрашивала Кузьмичева.—Зачем нужен здесь гидразин, аммиак?

Работница мялась, путалась, и начальник цеха, вздохнув, принималась терпеливо объяснять то, что безуспешно заучивалось дома. И выходило все так понятно и просто... Брала обида на себя: почему сама не справилась?..

— Да ты не реви, а хорошенько еще проштудируй этот раздел,—утешала Кузьмичева. И как бы невзначай озадачивала: — А почему бы тебе на поступить в техникум? Мало ли что семья. Я вон в один год и Галку родила и диплом в институте защитила. А ты совсем молодая, учись, помогу.

Так незаметно и убедила пойти учиться почти всех. И многие теперь получили аттестаты, дипломы. Характер у Кузьмичевой напористый. Не отступится.

После того, как была пущена ГРЭС, создали творческую бригаду под руководством главного инженера А. Я. Кроля. Бригада поручили найти наилучший вариант размещения оборудования в цехах, сделать удобным и красивым каждое рабочее место. В бригаду включили Кузьмичеву. Лариса Васильевна забросала главного инженера идеями. И доказала-таки необходимость объединить разрозненные лаборатории в административном здании, отвести специальное помещение с кондиционером — для отбора проб, поднять выше трубопроводы, чтобы аппаратчицы не петляли по их лабиринтам.

Стараниями Кузьмичевой в цехе улучшили шумоизоляцию, утеплили наружные двери, установили личные шкафчики для работниц, оборудовали комнату отдыха. По нормативам спецодежды лаборанткам полагались темные халаты. Унылые, после противокислотной пропитки они становились и вовсе линялыми, некрасивыми. Кузьмичева добилась, а завком своим решением узаконил покупку для халатов цветной ткани с лавсаном. Правда, теперь халат выдается не на год, а на два, но зато какой: яркий, немнущийся, прочный, да еще и сшитый на заказ! Шили для каждой в ателье, Лариса Васильевна успевала проследить и за этим: «На примерку ходила?.. Ну, что же ты! Надо, чтобы всем сшили сразу». И эмблему на халат придумали сами — колба в женской руке и короткая надпись «химцех».

Химики — они вообще на ГРЭС всегда «на отличку». На воскресник — первые, все в алых косынках, и Кузьмичева среди них. На демонстрацию — придут все и с самодельными цветами, и агитбригада у них лучшая во главе с Кузьмичевой. А какие конкурсы профессионального мастерства проводят! На вечер, где чествуют победителей конкурса, всех приглашают с мужьями, с родными. Пройдет победительница с алой лентой через плечо на сцену, а вслед ей муж с гордостью глядит. «Прекрасные у меня девушки»,— говорит о них Кузьмичева. И делит с ними все радости и огорчения.

Личные судьбы у работниц складываются по-разному. Появился ребенок у одной незамужней лаборантки. Возвращение с малышом в общежитие ничего хорошего не сулило. Пошла начальник цеха хлопотать. А ей в ответ: «Вы что это, Лариса Васильевна? Она ведь у нас недавно, и почему ей жилье вне очереди предоставлять?» Но Кузьмичева стояла на своем: женщине некуда везти ребенка из роддома. Дали лаборантке комнатку. Работницы комнату обставили, чем смогли, устроили молодой матери праздник. Пройдут годы, и та лаборантка станет уважаемой работницей, выйдет замуж, получит квартиру. Но кто знает, не участие ли товарищей повернуло ее судьбу.

...Как-то летом с семьей Кузьмичева поехала в отпуск на машине. На Симферопольском шоссе их «Жигули» смял налетевший грузовик. Муж, одиннадцатилетняя Галя и двухгодовалая Света получили порезы, ушибы, а состояние Ларисы Васильевны врачи признали критическим.

Тяжелая травма черепа, переломы грудной клетки, бедра, голени... Словом, около года лежала она в гипсе.

Навещали Ларису Васильевну чуть не всем цехом, женщины заботились и о ее детях. А Кузьмичеву порой сковывал страх, страх неминуемой инвалидности. Она старалась заслониться от него делом. Даже в больнице помогала врачам составлять отчеты, пристрастилась к вязанию. Иногда ее ненадолго привозили домой. Тогда затевала стряпню. Руководила дочками в уборке квартиры. Но однажды призналась женщинам из цеха:

— Все, девушки, отработала я. Не успели мы с вами многого. Знаете, о чем мечтала? О замене механического обслуживания насосов, фильтров автоматикой. Легче бы вам работать стало да и быстрей, тогда можно было бы отказаться от ночных смен. Ну, да сделают и без меня...

Работницы и представить себе не могли цех без Кузьмичевой. Кинулись утешать, убеждать...

— Не нужно, девушки! Не нужно! — услышали они уже уверенный голос Кузьмичевой.— Я еще поборюсь, вот увидите.

В долгие месяцы болезни Кузьмичева не переставала думать о том, как лучше испытать водные режимы. К этому времени были у нее и научные публикации. Обработка воды гидразинно-аммиачным составом, который применяли на Костромской ГРЭС, не давала полного эффекта. К тому же раз в полгода энергоблоки требовалось останавливать для химической очистки котлов и турбин от накипи. Иначе повышается расход топлива и возрастает стоимость электроэнергии. Так первоначальная задача — предупредить саму возможность отравления воды в Волге — постепенно открыла перед Кузьмичевой способ удешевления производства электроэнергии в масштабе страны. Идея была не новой. Ученым известно несколько способов создания абсолютно чистой воды для замкнутого цикла в тепловых агрегатах. На станций решили испытывать два режима. При одном в качестве окислителя используется перекись водорода, при другом — газообразный кислород. Что надежней, экономичнай? Кузьмичевой предстояло не только провести эксперимент, отработать технологию, но и сделать выбор, от которого зависела работа всей ГРЭС.

Она понимала, что это как раз тот случай, когда наука будет проверяться у них в цехе. Она должна туда вернуться! Должна встать на ноги. В этом была теперь цель ее жизни.

...На ноги Кузьмичева встала с палочкой. Врачи установили группу инвалидности. И все-таки это была победа: стоит, ходит, будет работать.

Будет! В этом она не сомневалась. А поэтому в первый день на ГРЭС ехала как на праздник. Оживленная, подтянутая, модно причесанная, в брючном костюме. А встретили ее жалостливые взгляды и осторожный вопрос:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

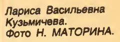
Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

НОЯБРЬ 1980

МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





Лариса Васильевна Кузьмичева.
Фото Н. МАТОРИНА.

— Какие планы, Лариса Васильевна?

— Планы рабочие!

— Конечно, конечно. И все же надо бы себя поберечь! — И Кузьмичевой тактично предложили должность инженера в производственном отделе.

Отказалась наотрез. Заявила: пойду только в свой цех! Или в нее уже не верят?.. А ее щадили. И потому решили: попробует — и сама откажется. Мыслимо ли руководить цехом в таком состоянии?

Шло время, а Кузьмичева работала. И без всяких скидок. За время ее болезни в работе химцеха ничего как будто не изменилось. Но это для постороннего взгляда. А Кузьмичева сразу подметила едва уловимую отчужденность между людьми.

— Да вы что, народ! У лежачих больных в нашей палате и то было больше жизни. Пели, стенгазету выпускали. А вы на ногах! Ходите! Работаете! Счастье-то какое! А за целый день я даже улыбки тут не увидела. Одни недовольные. В чем дело?

— Поулыбаешься тут! Вот окно в насосной разбито — какой месяц сквозит, и никого не касается. Поставила на окно бутылку кефира, замерз.

— Неправда! Касается! Вас, меня, всех,— убеждала Кузьмичева.— Виновато не окно — равнодушие. Стекло нам вставят, будем хлопотать и о размещении на участках дополнительных калориферов, а в лабораториях к лету — кондиционеров. Но давайте думать не только о себе. Нам же предстоит найти лучший водный режим для всей ГРЭС! Дело-то какое важное. Понимаете — мы первые. Мы — испытатели.

Скажи это кто-то другой, может, и не придали бы значения. Но Кузьмичева умеет вселить свою убежденность в коллектив. Умеет увлечь, передать собственную жизненную стойкость, что ли, способность преодолеть, казалось бы, невозможное.

Наверное, именно это и называют силой личного примера... А насколько тепло относятся к Кузьмичевой в цехе, в поселке ГРЭС, расскажет такой случай. Как-то с дочкой решила пойти в баньку, попариться. Возвращаются домой поселком, а навстречу слесарь с ГРЭС. Оглядел их изумленно:

— Лариса Васильевна, у вас ванна испортилась? Так я мигом...

И было ей и смешно и немного досадно, что всё-то люди видят. И согрела, тронула до глубины души забота, готовность тут же помочь.

Волгореченск — небольшой городок энергетиков, здесь каждый у всех на виду. Не скрыть ни семейных конфликтов, ни принимаемых решений. От жилых кварталов на взгорье до ГРЭС у Волги километра три. На работу все ездят автобусом. А начальник химцеха при любой погоде — пешком. И весь поселок замирал, как будто превозмогая собственную боль, когда видел, как Кузьмичева каталась с ребятишками на лыжах. Веселая, раскрасневшаяся на ветру. Будто ей это в удовольствие. Так она тренировала непослушные ноги. А еще всех поражает умение Ларисы Васильевны успеть сделать все и дома и на работе. Лариса Васильевна любит угостить домашними ватрушками, показать узор модной вязки, посоветовать, как удобней расставить в квартире мебель. Ее дом постоянно блестит чистотой.

— Моих рук на все не хватило бы,— отвечает Кузьмичева на расспросы о том, как она успевает.— Я своих сразу приучила: ты, Галочка, по дому делаешь то-то, а ты, Света, выполняй это. И никому вроде бы дела домашние не в тягость, а порядок держится.

И химцех на ГРЭС отличается той же природой порядка. И здесь безукоризненная чистота, цветы, четкое распределение служебных и общественных обязанностей. И взаимное уважение.

Особенность исследований Кузьмичевой заключалась в том, что они проводились вместе с повседневной работой. И здесь сказалась хорошая профессиональная подготовленность аппаратчиц, лаборанток. Они охотно помогали ей квалифицированным анализом проб, проводили дополнительные замеры и при этом четко справлялись с основной работой. Бывало, унесет Кузьмичева домой результаты опытов, чтобы обсчитать, подумать, а утром ее уже ждут:

— Ну как, Лариса Васильевна?

— Надо еще делать вырезку из труб. Неясны скорости коррозии для стали другой марки.

Однажды начальнику цеха позвонила дежурная аппаратчица. Голос возбужденный, у Кузьмичевой екнуло даже сердце — не авария ли?

— Лариса Васильевна! Начала снимать для вас температуру. Везде по пятьсот двадцать градусов. А на тракте второго блока пятьсот девяносто пять! Чувствуете разницу? Значит, получается! Здорово-то как, Лариса Васильевна!

И аппаратчица с радостным удивлением рассказала, как обнаружила разницу в нагреве труб на двух энергоблоках, работающих на разных водных режимах. На котле, где использовался традиционный гидразинно-аммиачный способ очистки воды, критически повышалась температура труб. А это верный признак появления внутри накипи — предвестнике неминуемой остановки энергоблока и промывки всего тракта. На тех же котлах, где испытывали для очистки воды в качестве окислителя газообразный кислород, результат получили самый эффективный: найденный режим обработки воды избавляет от накипи, от коррозии. Победа. Общая, цеховая. И радость победы с химиками ГРЭС разделили их консультанты — ученые Московского энергетического института.

За четыре с половиной года испытаний ни один из шести энергоблоков электростанции не останавливался для промывки. И есть уверенность в том, что можно будет эксплуатировать оборудование без остановки до капитального ремонта. Экономия на ГРЭС в год составляет миллион 600 тысяч рублей! Сейчас Костромская ГРЭС — самая экономичная в стране. Всю программу испытаний водных режимов Кузьмичева осуществила под руководством профессора Московского энергетического института Терезы Христофоровны Маргуловой. И под ее же руководством успешно защитила диссертацию, получила звание кандидата технических наук. Теперь опыт костромичей перенимают энергетики других станций. И новый сверхмощный энергоблок на Костромской электростанции министерство разрешило пускать на том же водном режиме, который Кузьмичева испытала и внедрила.

— Я человек, которому везет в жизни,— говорит Лариса Васильевна.— Особенно мне везло всегда на хороших людей. В юности, приехав после техникума в Сибирь, на первую в своей жизни ГРЭС, я встретила Галину Константиновну Дробот, замечательного человека и специалиста. Сейчас она в Москве, в институте «Теплоэлектропроект» начальник отдела. Многому я у нее научилась! А Терезе Христофоровне Маргуловой — она же стала не просто моим научным руководителем, но еще и другом! Нет, положительно мне везет!

Но, может, не зря говорят в народе: везет тому, кто сам везет. Много лет Кузьмичева испытывала новые водные режимы, искала лучший. А разве за эти годы не прошла через испытания она сама? Ее характер? Ее воля, способность к творческой самоотдаче?..

Недавно Лариса Васильевна получила приглашение на работу в Москву, на строящуюся ТЭЦ, где она хочет экспериментально проверить новые предложения ученых. Ее ждет новая работа, новый поиск.

В. АНИСИМОВ

пос. Волгореченск,
Костромская обл.

Лидия АРАБЕЙ

ПО ДОРОГЕ В ЛЕГЕНДУ



У памятника Д. М. Карбышеву в Москве.

Быль

Лес кончился. Потянулось поле густой высокой ржи. Отсюда до деревни Низок, что виднелась в ложбине, вилась по полю узкая стежка, заросшая подорожником. Вечернее солнце заливало желтым светом крыши хат, гумна, пойменные луга, расстилавшиеся с другой стороны деревни. Тишина. Безлюдье.

Двое вышли из лесу. Один среднего роста, худощавый, с генеральскими петлицами на воротнике кителя, другой, высокий — полковник. Учитель из-под Столбцов вчера провел их через болото и посоветовал: зайдите в Низок к директору школы — свой человек, верьте ему как брату.

И они пошли по тропке во ржи — медленно, прихрамывая, каждый шаг был мучителен.

На пригорке увидели большой дом под светлой железной крышей, а рядом, прислоненные к стене, две поломанные, одна на другой парты. Значит, школа! Но в дом не вошли, сели за кустами. Генерал отвернул рукав кителя, взглянул на часы:

— Десять, а совсем светло. Дождемся темноты.

И вдруг откуда-то сбоку выскочил и остановился против них мальчик лет пяти, коротко остриженный, в черных штанишках с лямками. Без страха уставился на незнакомцев круглыми черными глазенками.

— Как тебя зовут? — спросил генерал.

— Боря. А что вы к нам не идете?

Генерал удивился:

— Почему мы должны идти к вам?

— Потому что вы — красные, они к нам заходили, мамка их молоком поила, камяки[1] давала. Хлеба у нас нету, а молоко и картошка есть, — звонким голосом объявил Борис.

— Тише ты, тише, — остановил его генерал. — Дома-то кто у вас?

— Мамка и Зойка, а тата в деревне.

— Какая Зойка?

— Сестра моя, ей уже семь исполнилось.

...Когда они вошли в кухню, молодая женщина с темными гладкими волосами процеживала молоко над крынкой. У печки на корточках сидела девчушка и тыкала котенка мордочкой в блюдце с молоком. Увидев военных, женщина торопливо поставила подойник на лавку, девочка вскочила с пола, притулилась у окна.

— Непрошеные гости, конечно... — В голосе генерала было и смущение и просьба простить неожиданное вторжение.

— Да ничего, ничего, — откликнулась хозяйка.

В окно вползали сумерки. Военные остановились в дверях, в полутьме, и женщина не могла разглядеть их как следует, но заметила, что оба изнуренные, что облечены высокими воинскими званиями.

Борис стоял рядом с ними — маленький, взбудораженный, излучая радость. Генерал погладил его по волосам.

— Хороший сынок у вас, только учите тайну хранить... Про то, что красноармейцев кормите.

Борис крутнул головой:

— А я фашистам не скажу!

Мать дернула его за руку, сказала с досадой:

— Горе ты мое... А вы заходите, заходите, — пригласила она, — может, молочка? Свежее, только подоила.

Женщина наполнила до краев две большие кружки, протянула гостям.

— Скоро муж вернется, в деревню пошел, к людям.

Помолчали. Потом полковник сказал тихо:

— Нам, хозяюшка, заночевать у вас придется. Вы уж не сердитесь...

— А чего ж особенного. Вижу ведь, на ногах не держитесь. — И она распахнула дверь в комнату.

— Нет, нет, — сразу отказался генерал. — Мало ли... Еще забредет кто-нибудь.

— Так классы ж у нас пустые, можно туда. — И, взяв с припечка лампу, хозяйка хотела было протереть стекло, зажечь свет, но полковник остановил ее:

— Не стоит...

В темноте женщина отперла дверь в класс, принесла подушки, подстилки и вышла. Через стенку слышно было, как она наказывала Боре:

— Ты смотри, ни слова про них, а то дознаются, кто ночует у нас, убьют и тебя, и Зою, и меня, и тату.

Тишина и пустота в классе казались странными, ведь обычно здесь дым стоял коромыслом. А тут будто душу вынули — одни стены, одна пустая оболочка осталась. Но для людей, изнемогших после тяжких боев, после бессонных ночей отступления, это была первая крыша над головой. Прежде всего помогли друг другу стянуть сапоги. Нестерпимая боль, содранная кожа на распухших ногах. Не раздеваясь, легли на пол, положив рядом пистолеты.

Генерал лежал на боку, глядел на большое окно, за которым все еще висела беловатая синь. Стояли самые длинные дни лета. Потом повернулся на спину, увидел черный квадрат школьной доски. Почудилось вдруг, что надо встать, подойти к доске — решать задачу, сложную, запутанную, со многими неизвестными. В памяти замелькали события последних месяцев, недель, дней.

Апрель сорок первого года... Командующий войсками Западного особого военного округа просит его консультировать строительство военных укреплений на государственной границе. Он соглашается.

Май сорок первого... Ленка едет в Ленинград. Из открытого окна вагона выглядывает ее счастливое личико.

— Скоро ты приедешь на каникулы, я вернусь из командировки, — говорит он дочери, прощаясь, — и сразу же вместе в Сочи. У меня путевки в кармане.

И действительно, путевки были в кармане.

Седьмого июня сорок первого года поезд Москва — Брест увозит его на границу. А потом Гродно, Белосток, Волковыск... И первые бомбы, и первые смерти. И бои. Переправа через реку Шчара, через старый, не обозначенный на карте мост, который по его приказу был за несколько часов отремонтирован, открывая путь с западного берега на восточный.

И снова самолеты с черными крестами и танки, танки. Он и сейчас с закрытыми глазами видит эти черные кресты, слышит свист бомб, разрывы снарядов.

Чувствуя, что и полковник не спит, спрашивает тихонько:

— Что ворочаетесь?

— Думаю, товарищ генерал, зря вы не согласились тогда, двадцать третьего июня, вернуться в Москву. Теперь были бы у своих.

— Я солдат, а солдату нельзя в такое время оставлять фронт. Помните суворовское «Напуган — побит»? Так что нам нельзя пугаться.

[1] Котлеты из картофеля.

И опять молчание, темнота.

Вдруг показалось генералу, что он дома, в Москве, обнимает Ленку, протягивает ей корпус от снаряда:

— Это тебе, дочка. На твой стол, для карандашей.

Задремал он, что ли? Очнулся от приглушенных голосов за стенкой:

— Двое, говоришь? И чины высокие?

— Не пойму точно, вроде высокие.

— Накормила?

— Только молока попили.

Поднялся, тихонько постучал в стену. Голоса стихли, хозяин понял — подают знак: не спим, мол, заходи.

Они разговаривали во тьме, не видя лиц друг друга, но генерал ясно представлял себе собеседника: крепкий, коренастый, молодой. Представлял по голосу, по смутным очертаниям фигуры.

— Учитель из-под Столбцов посоветовал зайти в Низок к директору школы Петру Михайловичу Лычковскому. Говорил, что вам можно довериться.

— Это Коваленко. Учились вместе. Светлый такой, невысокий.

— Похоже. Мы идем к линии фронта, к своим. Да вот ноги подвели, нужно чуть передохнуть, и дальше. Переночуем у вас, а утром в путь. Только...

— Ну что вы,— даже обиделся хозяин,— не тревожьтесь. Немцев в деревне нет. Я ходил, с людьми виделся. Никто ж не знает, что там на фронте, а у меня приемник, вот я и рассказываю.

— Приемник?

— Ага. И Москву хорошо слыхать. Завтра включим.

— А какое настроение, что люди говорят?

— Не верит никто, что Россию могут осилить. Ну, ладно, спите, завтра все обмозгуем.— Лычковский осторожно прикрыл за собой дверь.

В то утро, первого июля сорок первого года Лидия Августиновна, жена Лычковского, встала, как всегда, рано. Подоила корову, растопила печь, сунула в нее чугун с картошкой, решила картофельные оладьи нажарить,и пошла к колодцу за водой. Пока ходила, муж и гости проснулись, вышли в кухню. У того, кто постарше, на кителе — орден. В те времена это было редкостью, и Лидия Августиновна еще раз убедилась, что гости к ним наведались необычные.

— Вот уходить собрались, а ты взгляни, что с ногами у них,— обратился к жене Лычковский.

Она посмотрела и ахнула...

— Дак вы ж сапоги не натянете! Пусть хоть чуток подживут, денек-другой погодите,— уговаривал Лычковский.— Идти на восток, значит, придется через шоссе Минск — Слуцк, а там немцы. Все равно пережидать надо.

— Спасибо вам превеликое,— сказал генерал.— Но мы за вас опасаемся. Знаете ведь, что фашисты творят с теми, кто помогает нашим...

— Знаем,— с горечью произнесла Лидия Августиновна.

Гости помылись, побрились.

— Вам теперь хоть в академию, лекцию читать,— улыбнулся полковник, глядя на бледное продолговатое лицо генерала с высоким лбом и грустными большими глазами.

— И буду читать, вот увидите, полковник, обязательно буду,— серьезно отозвался генерал.

Идти они не могли. Пришлось остаться. Самым надежным показалось им место на чердаке — оттуда хорошо просматривалось все окрест, вся деревенская улица. Хозяин принес и положил в угол сено. Борис все рвался наверх, но родители не пускали.

— Я ж никому не скажу,— умолял мальчик.

Лычковский дважды ходил в деревню — проверял, не нагрянули ли фашисты, а потом вместе с пришедшими приникал к приемнику. Вести были невеселые, и генерал слушал, стиснув зубы. Вечером спускались в кухню, хозяйка ставила на стол ужин, расспрашивала сочувственно об их семьях. Генерал рассказал, что у него трое детей: две дочки и сын. Старшая, Лена, учится в Ленинграде, в Высшем инженерно-техническом училище. Одна девушка на все училище. Подкинула сюрприз родителям — накануне войны замуж вышла. Перед тем, как ехать ему в Белоруссию, отправил жену к дочери в Ленинград, а младшие дети оставались на даче.

Второго июля Московское радио сообщило, что завтра с обращением к советскому народу выступит Сталин. И вот прозвучал знакомый глуховатый голос. Сталин говорил о тяжком испытании, выпавшем на долю советского народа, о тех усилиях, которые требуются, чтобы победить врага.

В тот вечер генерал объявил Лычковским, что ночью они покинут их добрый дом.

— Ноги же ваши еще не зажили, и немцы на Слуцком шоссе.

— Нам нельзя больше оставаться. Мы там нужны...

Но когда попробовал надеть сапоги, понял, что это невозможно. Отеки еще не спали.

— Ничего, босые пойдем.— Генерал в сердцах отбросил сапог в сторону.

— Босыми нельзя,— грязь в раны набьется, нарвет. Я вам тапки сошью,— мягко сказала Лидия Августиновна, а сама думала, из чего сшить-то...— Да вот, из половиков,— воскликнула она радостно,— лежат здесь на чердаке скрученные, крепкие совсем. Я теперь их не стелю, не до половиков тут...

Целый день толстой иголкой, суровыми нитками она шила тапки. Под вечер они были готовы. Каждому по две пары. Дорога ведь далекая, лесная.

— Ноги как в раю,— улыбнулся генерал.

— Только не подходит эта обувка к форме вашей,— покачала головой хозяйка.— Может, переоденетесь в деревенское. Никто и не подумает, что военный.

— Нет, нет, снять форму — это то же самое, что отречься от себя.

Лычковские приготовили им в дорогу продукты, набралась полная торбочка. Генерал положил в один карман галифе карту, в другой — пистолет.

— А дети спят? — спросил он.

— Спят.

— С Борисом не попрощаемся,— огорчился генерал,— хороший человек должен вырасти. И благодарны мы вам, даже не скажешь как. Обязательно встретимся после войны.

Он стоял уже в дверях, полковник закинул на плечо торбочку. И вдруг генерал шагнул назад в комнату, сказал Лычковскому:

— Моя фамилия Карбышев, Дмитрий Михайлович. Я военный инженер, генерал-лейтенант инженерных войск. Со мной полковник инженерных войск Сухаревич Петр Филиппович. Дайте, пожалуйста, бумагу и ручку, я оставлю вам свой московский адрес.

Фамилия генерала ничего не говорила Лычковскому, он был человек штатский и ничего не слышал о докторе военных наук профессоре Карбышеве, но прекрасно понял, что, называя свою фамилию, оставляя свой адрес, тот еще раз оказывает ему доверие.

И Лычковский вырвал из тетрадки страничку, дал Карбышеву ручку и чернильницу-невыливайку.

Генерал сел к столу, написал и протянул хозяину адрес:

— Приедете в Москву — самым дорогим гостем будете. А если что... Словом, как только прогонят врага, напишите по этому адресу. Моей семье. Может, и сам уже дома буду.

Лычковский сложил бумажку, подошел к этажерке и спрятал в книгу.

— И я вам свой адрес напишу.

Карбышев на какое-то мгновение задумался.

— Нет, не пишите. Мало ли что. Дорога предстоит трудная. Я и так запомню на всю жизнь. Узденский район, деревня Низок, Лычковский Петр Михайлович.

Когда вышли из деревни, в окнах не светилось ни огонька, небо застилали тучи, и было оно черное, непроглядное. Шли той же самой тропкой через рожь. Учитель проводил их до проселка, который вел к Слуцкому шоссе.

— Ну, спасибо,— остановился Карбышев.— Дальше мы сами, возвращайтесь к семье.

Он стиснул руку Лычковскому, и Сухаревич тоже попрощался с ним за руку. Карбышев пошел первым. Он шел в глубь леса. В глубь ночи. К своим. Шел в бессмертие, в легенду.

Перевела с белорусского
Т. СМОЛЯНСКАЯ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Едва ли найдется в нашей стране человек, который не знал бы полной героизма, трагической истории Героя Советского Союза генерала Карбышева. Контуженный, в бессознательном состоянии он попал в плен в 1941 году, перенес в фашистских лагерях нечеловеческие муки, до последнего дыхания сохранив мужество, стойкость, верность Родине. Фашисты уготовили ему страшную казнь: 17 февраля 1945 года в лагере Маутхаузен группу пленных вместе с генералом Карбышевым раздели догола и бросили на ▶



Д. М. Карбышев с дочерьми Леной (справа) и Таней. 1928 год.

Я ЭТОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

ЧТОБЫ НАМ ДОВЕРЯЛИ

...В землянке очень холодно. Мерзнут руки, да и ватник, истрепанный и сто раз залатанный, не особо греет. И лишь тогда, когда слышится дробная россыпь морзянки (голос Москвы), становится теплее на душе. О чем мечтает девчонка, склонившись над аппаратом? О большой победе! Но для этого надо сегодня, сейчас бить фашистов. За павших отцов и братьев, за горе детей и матерей — они ответят за все... Это мои мысли. Потому что радистка в ватнике — я в начале сорок четвертого.

Меня и ту девчонку сегодня разделяют годы. Но что бы ни делала я за все эти десятилетия, с чем бы ни сталкивала меня жизнь, каждый раз задаюсь вопросом: а как бы поступила она, та девчонка, одобрила бы, поняла?

Слышали ли вы о моем городе? На карте страны Кимовск появился сравнительно недавно. В пятьдесят третьем году. Само имя его навеки связано с молодостью. Кимовск — КИМ, Коммунистический интернационал молодежи, международная молодежная организация, секция Коминтерна.

Шахтерский город рос на моих глазах. И с самого его рождения я работаю в службе быта.

Хорошо помню, как в 1977 году там, где еще недавно была деревенская улица, открывали мы Дом быта. Четыре этажа из стекла и бетона. Внутри — чеканка, мрамор. Здесь разместились цеха по пошиву верхней мужской и женской одежды, трикотажное ателье, уютная парикмахерская, просторное фотоателье, салон полуфабрикатов, цех ковровых изделий... 220 видов услуг получают горожане в своем Доме быта. Осваивали, обживали его не без трудностей. Вот помню, первым переехал на новую квартиру трикотажный цех. Работай вроде бы и радуйся. Но ведь к новым машинам, к новому оборудованию со старыми мерками не подойдешь! Много любви и старания вложили вязальщицы В. И. Евсеева, В. И. Никулина, З. И. Петухова, Л. К. Ковалева, чтобы наладить по-настоящему современное производство. Результат? В этом году на демонстрации вязаных изделий в Туле заняли третье место.

Но, пожалуй, особенно характерным для этой пятилетки стал рост бытовых услуг на селе. Открыто четыре первоклассных сельских дома быта, двадцать пять комплексных приемных пунктов. А ведь в начале пятилетки у нас на селе таких пунктов было всего четыре.

На XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к нам, коммунистам, работающим в сфере обслуживания, сказал: «... от вас, от вашего труда во многом зависит и благосостояние, и настроение советских людей. Помните об этом». Это стало нашим девизом в десятой пятилетке. И сейчас, в преддверии XXVI съезда, мы подводим итоги.

Они неплохие. Судите сами: в семьдесят пятом году мы оказывали населению Кимовска различных услуг на 877 тысяч рублей, а в нынешнем — уже на миллион 280 тысяч. Такое возможно лишь при двух непременных условиях: высоком качестве нашей работы и еще — когда мы знаем и точно учитываем запросы тех, для кого трудимся.

Конечно, как и мои коллеги, радуюсь я этим цифрам и росту нашему. Но часто думаю: как все-таки важно за цифрами, сводками не забывать, что мы имеем дело не с абстрактным клиентом, а с живым, конкретным человеком. Вот и сейчас пишу я эти строки, а перед глазами залитое слезами лицо молоденькой девушки, невесты, которая пришла ко мне со своей бедой. Завтра свадьба, а платье безнадежно испорчено нашей швеей. Гнев — плохой советчик. Я останавливаю себя, сейчас не время делать выговоры. Главное — помочь. А может, увидев, скольких усилий стоило нам всем устранить этот брак, молодая портниха осознает свою вину глубже, чем после выговора? В тот момент я, правда, об этом не думала. Надо было выходить из положения. Материал, из которого шилось платье, у нас уже кончился. В ателье на другом конце города ткань все же нашли. И лучшие мастера приступили к работе. Наутро невеста надела новое платье и была в нем очень хороша. А главное, по-настоящему праздничным было у невесты настроение.

Не буду скрывать, разговор с той портнихой у нас состоялся. И был он трудным для нас обеих. Мне кажется, она поняла, почувствовала, чем обернулась ее небрежность. Лишний раз я тогда убедилась: нельзя допускать, чтобы из-за чьих-то неумелых или равнодушных рук рушилось доверие заказчиков.

В службе быта города много молодежи. По-разному складываются их судьбы. Но могу сказать твердо — большинство становятся настоящими мастерами своего дела. Было бы старание, была бы любовь к работе, а условия для роста у нас есть. Еще совсем недавно делали первые шаги в профессии Ира Митина, Валя Веселова, сегодня они — известные в городе вязальщицы. Кажется, только вчера к нам начинающей портнихой пришла Валя Глебова, теперь она закончила швейный техникум, стала технологом, избрана депутатом горсовета. Двадцать два года назад впервые увидела я Галю Живаго. Совсем девочка, только после техникума. Многого, конечно, не умела. С годами пришло знание производства, раскрылись организаторские способности. Теперь Галя, Галина Алексеевна Живаго — начальник горбытуправления. Мы работаем вместе и вместе переживаем неудачи и радуемся успехам.

Неузнаваемо изменился за это пятилетие наш Кимовск, выросла вместе с ним служба быта, выросли наши мастера. Но так же, как с каждым днем требовательнее становится наш клиент, все требовательнее должны спрашивать с себя и мы — те, кому доверено обслуживание людей.

Е. ЕРМАКОВА,
заместитель начальника горбытуправления

г. Кимовск,
Тульская обл.

морозе под ревущие струи брандспойтов, превратили людей в ледяные изваяния...

События, о которых повествует Лидия Арабей в своем рассказе, относятся к началу войны, когда генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Академии Генерального штаба, доктор военных наук Дмитрий Михайлович Карбышев и начальник инженерного отдела 10-й армии полковник Петр Филиппович Сухаревич пробирались к линии фронта и нашли приют в семье учителя из деревни Низок Минской области.

О том, что предшествовало этому, об отце — Д. М. Карбышеве — мы попросили рассказать его старшую дочь — инженера-подполковника Елену Дмитриевну Карбышеву.

— Шестого июня 1941 года папа провожал маму ко мне в Ленинград, где я училась. В тот вечер, рассказывала мама, он был как-то необычайно грустен, почти все время молчал. А на другой день тоже покинул Москву: его командировали в Белоруссию для ознакомления со строительством пограничных военных укреплений.

22 июня мама, уже вернувшаяся в Москву, где оставались мои младшие брат и сестра, получила от папы открытку, написанную 18 июня: «От Ляли (т. е. от меня) получил одну телеграмму. От вас весточки нет. Пишу вам и Ляле пока аккуратно, каждый день. По-видимому, эту неделю пробуду в Гродно, а затем уеду, куда — еще точно не надумал. Новый адрес сообщу, а пока пишите по старому...» Это была последняя весточка от папы...

Прошло долгих три года. И вот письмо. Мама вздрогнула: из конверта выпал небольшой листок, на котором папиной рукой был написан наш московский адрес. Его послал маме учитель П. М. Лычковский, видевший папу в июне 1941 года на земле, уже занятой врагом. О том, что было с папой после встречи, он не знал. Только после победы, когда к нам стали приходить люди, встречавшиеся с отцом не западной границе и в гитлеровских концентрационных лагерях, мы узнали о том, что случилось с ним...

...Шли первые дни войны. На все предложения командования вернуться в Москву Карбышев отвечал отказом. А вскоре немецко-фашистские войска уже оказались на подступах к Минску, штаб 10-й армии был окружен. Было принято решение — отходить на восток.

Пробираться к линии фронта отцу пришлось вдвоем с Сухаревичем. Вскоре они присоединились к выходившему из окружения саперному батальону и подошли к Днепру севернее Могилева. Но только начали вязать плоты, чтобы переправиться на другой берег, как их накрыл плотный огонь гитлеровцев. Генерал Карбышев был тяжело контужен и схвачен фашистами. Как рассказывают очевидцы, попав в руки врага, перебрасываемый из одного лагеря смерти в другой, отец всегда оставался неукротимым борцом: он поднимал дух узников концлагерей, укреплял их веру в победу советского народа, вдохновлял на борьбу с фашизмом, учил мужеству: «Главное — не покоряться, не пасть на колени перед врагом». Ему не раз предлагали изменить Родине, стать генералом вермахта. Но он был непреклонен: «Родиной не торгуют».

О последних минутах жизни отца я говорить не могу: слишком тяжело...

...Я помню папу всегда работающим. У него не было ни выходных дней, ни праздников. Несмотря на серьезные занятия наукой, дома он никогда не был педантом. Все делал легко, без видимого напряжения. У нас нельзя было услышать: «Тише, папа работает!» В квартире звучала музыка, слышался топот и смех детей. В любое время можно было ворваться в кабинет, поделиться своими горестями или радостями. Папа тут же с ласковой улыбкой включался в нашу ребячью жизнь.

Месяца за три до окончания школы он сказал мне: «Я очень советовал бы тебе пойти учиться в Военно-инженерную академию. Ты получишь прекрасное образование». Желание отца я осуществила...

Мои воспоминания об отце напечатаны в сборнике «Солдат, герой, ученый», выпущенном Воениздатом. Среди авторов сборника друзья и сослуживцы отца, люди, знавшие его в разные периоды жизни.

...Кажется, это было вчера. И детство. И академия. И расставание с папой. А между тем в нынешнем октябре папе, Дмитрию Михайловичу Карбышеву, исполнилось бы сто лет...



Г. Б. Бобосадыкова. Фото Н. ПЛЕСКО.

Торжественно отмечая день рождения страны, мы всегда итожим годы, ведущие счет от Октября. А сегодня, в 63-ю годовщину нашего государства, стараемся оценить еще и достижения последних пяти лет. Всего несколько ударных недель — и статистика выразит в цифрах итоги десятой пятилетки, предоставив экономистам, философам, историкам, социологам размышлять, анализировать суть глубинных процессов, происходящих в развитом социалистическом обществе.

Грандиозные планы пятилетки не мыслились без широкого участия трудящихся во всех делах страны, без их гражданской ответственности за осуществление всего намеченного.

Какие черты советского образа жизни, характера советского человека наиболее ярко проявились в новых свершениях? Какие идейные, нравственные принципы социалистического общества обрели сегодня особую ценность и значимость? Как влияют они на наше движение вперед?

Секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана, председатель Республиканского совета женщин Гулджахон БОБОСАДЫКОВА отвечает на вопросы корреспондента «Работницы» Тамары АЛЕКСАНДРОВОЙ.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

— Наш разговор, Гулджахон Бобоевна, наверное, нужно начать с тех экономических и социальных перемен, которые внесла в жизнь республики эта пятилетка. В решениях XXV съезда есть строка: «Продолжить развитие Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса». Что стоит за ней?

— Очень важная для нас строка. Она определяет не просто развитие одного района, а коренные экономические и социальные преобразования республики.

Что такое Южно-Таджикский комплекс? Это строительство каскада электростанций на Вахше, развитие на мощной энергетической базе таких ведущих отраслей промышленности, как цветная металлургия, химия. Это новые площади орошаемых земель...

Энергетическое сердце комплекса — Нурекская ГЭС. Само название «Нурек» звучит символически. Нур — огонек. А Нурек стал яркой звездочкой пятилетки. В прошлом году строители досрочно пустили последний, девятый агрегат станции, развернули работы на Байпазинской ГЭС, начали строительство Рогунской, которая по всем показателям превзойдет Нурекскую и будет построена намного быстрее: есть теперь у нас опыт, есть кадры.

В этой пятилетке выплавлен первый таджикский алюминий на алюминиевом заводе в Турсунзаде, получена первая продукция на Яванском электрохимическом заводе, пошли грузы по новой железной дороге Термез — Курган-Тюбе — Яван.

А все это по-новому определяет специализацию республики. Еще вчера наш Таджикистан, где 93 процента всей площади занимают горы — Тянь-Шань, Памир — «крыша мира», где жизнь сосредоточена в речных долинах и горных котловинах, был лишь поставщиком хлопка, продукции пищевой и легкой промышленности. Сегодня его роль и значение в общесоюзном разделении труда неизмеримо возросли. Уже сегодня республика обеспечивает электроэнергией многие районы Средней Азии. Цветная металлургия, химия — тоже работа для всей страны.

А если взглянуть на Южно-Таджикский комплекс с социальной точки зрения? Крестьяне становятся горожанами — рабочими, осваивают непривычные для Таджикистана профессии — энергетик, металлург, химик, постигают законы жизни рабочих коллективов.

— На XXV съезде партии Леонид Ильич Брежнев говорил, что для советского образа жизни прежде всего характерна «атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня»...

— Действительно, дружба народов — стержень всех наших успехов.

Мы отстаивали Советскую власть, боролись с басмачами, и в отрядах добровольцев рядом с таджиками были и русские и украинцы. Мы начали наступление на неграмотность — и на помощь снова пришли другие народы.

В раскрепощении наших женщин неоценима роль русских коммунисток. Они объясняли таджичке, что Советская власть дала ей большие права и защитит теперь от любой несправедливости. Их поддержка помогла таджичке бросить вызов феодально-байским пережиткам. Они помогли ей утвердиться в новой жизни.

В годы первых пятилеток в Таджикистан приехали сотни специалистов из разных республик, а тысячи таджиков получили рабочие профессии и специальное образование на заводах, в вузах РСФСР, Закавказья, Узбекистана...

История. Корни. Как много традиций берет там начало! Из года в год идет соревнование хлопкосеющих республик. Хлопкоробы ездят друг к другу не только для взаимных проверок, делятся самыми ценными секретами. Прижились и полюбились народу праздники на границах республик. Собираются вместе жители таджикского кишлака и узбекского или киргизского и таджикского. Звучат карнаи, демонстрируют свои таланты танцовщицы, молодежь устраивает спортивные состязания...

Когда начался Нурек, почти триста предприятий страны стали его поставщиками, обеспечивали строительными материалами, механизмами, энергетическим оборудованием. Приехали строители, прошедшие школу Братска, монтажники с Красноярской ГЭС.

Я не забуду, как прибывали первые комсомольцы-строители.

— Вы тогда были секретарем ЦК комсомола республики?

— Да. И мы организоаали комсомольский штаб на стройке. На месте города, который сегодня кажется курортом, был кишлак Норак — глинобитные кибитки на раскаленной, рвстрескавшейся земле. Если у таджика было два кибитки, он одну отдаaал приезжим, если одна — уступал им полоаину.

Под рукоаодством приехавших строиталей парни из Норака и других окрастных кишлакоа осваивали рабочие специальности, русские девушки учили таджичек управлять башенными кранами.

— Это начало перекликается с завершанием стройки, которое прошло под знаком рабочей эстафеты — соревноаания нуракских строиталей с их постаащиками.

— Я бы назвала ее эстафатой дружбы. Так, мна кажется, точнее. Потому что это не просто договоры, общий график — между участниками эстафаты складывались особенные отношения. Вам рассказывали в Нурека о даух ее давизах?

— Да. «Контакты личные — польза общая». И аще: «От взаимных претензий — к взаимной помощи и поддержке». Много интересного рассказыаали. Как, например, однажды пришло письмо из Саердловска с завода «Уралэлектротяжмаш», который постаалял гидроганараторы: боимся сорвать сроки, на хвататает квалифицироанных сварщикоа на пришлете ли своих ребят, а мы потом поможем ваам на монтаже? Так и поступили. И в Свардлоаска и в Нураке аовремя справились с заданиям.

На год и три месяца сдать ГЭС раньше срока — это колоссальный экономический эффект.

— А нравстаанный? Я на случайно остановилась на Нуреке: здесь можно четко проследить взаимосвязь двух процессоа — соаершенствования социалистического образа жизни и формирования личности социалистического типа. Проследить, как усваиваются челоааком нравственные принципы общастаа, как становятся они его убеждениями, мотивами поведания.

Эстафета воспитывала в людях, которые были к ней причастны, чувство высочайшей ответственности, чувство подлинного коллективизма, которому Ланин придавал такое большое значения в формироаании нового человека. Он не раз объяснял, как важно добиааться того, чтобы каждый сознательный рабочий «чувствовал себя на только хозяином на своем зввода, а прадставиталам страны»...

— В книге посетиталай Нурака я прочла такую запись — ее оставил Пэт Слоун, главный редактор журнала Коммунистической партии Великобритании «Лейбор Мансли»: «Еще одно прекрасное достижение, как в смысла тахническом, так и в создании нового человека». Лаконично и точно.

— Да. Новый чалоаек создает и новый стиль жизни. Кстати, жители Нурека гордятся моральным климатом своего города. Недавно горком партии и горсовет приняли решение бороться за звание города высокой культуры и образцового быта. Вашим читаталям, думаю, небезынтаресно узнать, что эта инициатива исходила от жанского совата.

— У вас в раслублике 1310 жанских советов — это, наверное, немало...

— В каждой области, каждом района, практически на каждом предприятии, в каждом кишлаке. Целая армия помощников партии, работающих порой очень самоотверженно и всегда бескорыстно. Ни одного, заметьте, ни одного штатного челоаака в советах жанской общественности нет.

— На какиа стороны жизни больше асего влияют сегодня женсоваты? Хоталось бы представить себе уровень проблам, которые они поднимают.

— Еще несколько лет назад жансоветы ограничивались бытоаыми проблемами. Сегодня трудно очартить круг их забот. Улучшание условий труда работниц, колхозниц, привлечения девушек-таджичак в профессионально-технические училища... Женсоветы контролируют — как ваэда, наверное, — строительство датских учреждений, молочных кухонь. Кстати, количество таких кухонь в последнее арамя очань аыросло, особенно в кишлаках. Что важно, у нас вадь высокая рождаамость — самая высокая в стране. На буду больше перечислять, скажу только, что ааторитет женсовета очень аырос. Они помогают утверждать — на предприятии, в кишлаке ли — добрыа, сердечные отношения между людьми, искоранять равнодушие, помогают укреплению самьи. Это аадь тожа соаершенствования социалистического образа жизни.

В последнее время жансоветы работают в тасном контакте с комиссиями Советоа народных депутатов, с жанскими комиссиями профсоюзоа — при таком сотрудничестве быстрее решаются самые безотлагательные аопросы, касающиеся труда и отдыха женщин, воспитания датей.

Важной проблемой для республики считаю приалечения жанщин к общестаенному труду. Среди всех занятых в народном хозяйстаа Таджикистана — около сорока процантов женщин. Цифра ниже, чем средняя по Союзу. Нальзя, конечно, забывать, что а наших семьях много датей. В республике 16 тысяч матерай-гароинь и около 650 тысяч награждены орденом «Матаринская слава» и «Медалью материнства». Сможат ли мать от десятерых, семерых детай пойти работать? Да и нужно ли это обществу? Не проиграем ли мы тут в воспитании? Но аедь не только такие женщины числятся а домохозяйках.

Жансоветы провели обсладоаание (нам помогли в этом дала социологи), взяли на учет асех неработающих женщин, аыяснили, что даржит их домв. Оказалось, что многиа хотали бы работать, но для одних нет подходящей работы а кишлака, у других не определены ребятишки в датскиа сады. Мы авели за пятилетку 14 тысяч мест в дошкольных учреждениях, но плана не выполнили, и это наша вина перед датьми и матарями, аина хозяйственных рукоаодиталай, строителей. Многодетные матари охотно взялись бы за надомную работу. Большой семье разаа помешаат лишний заработок?

Разультаты обследоаания, выводы Республиканского женсовета и предложения о создании филиалов промышленных предприятий в кишлаках, о разаитии надомничества обсуждались в ЦК Компартии Таджикистана. ЦК поручил соответствующим министарстаам республики рассмотреть их, разработать конкретные планы. Считаю, что решания проблемы занятости женщин на аарном пути. Например, на предприятиях Министерства мастной промышленности сейчас уже рвботают чатыре тысячи надомниц.

На многих предприятиях на хватает рабочих рук, а в накоторых кишлаках есть резерв рабочей силы. Как использовать этот резерв? Душанбинское хлопчатобумажное объединение, например, и Нуракская шаайная фабрика установили крапкую связь с близлажащими кишлаками. Представители парткома, фабкома, женсоаата ездят туда, рассказывают о своем предприятии, привозят женщин на экскурсию — посмотрите сами, какиа у нас условия труда, погоаорите с работницами, пообедайте в нашей столовой. И стариков приглашают и им все показывают, зная, как ценится у нас мнения аксакала.

— У вашего народа много хороших традиций — почитать старших, имать много датей... Но сказываются ли сегодня пережитки феодального прошлого?

— Еще лат тридцать да и двадцать назад были случаи, когда насильно выдааали замуж насоаершаннолатних дааушак — прокуратура республики разбирала такиа дала, — или когда муж мог запареть молодую жану в четырех станах. Сагодня каждая таджичка знает, как постоять за свои прва. Но не совсем мы аще выкорчеали паражитки, хотя они уже не заявляют о сабе открыто. Если берется-даатся калым, это делается втайне. Калыму противостоит сегодня сама молодежь. Правда, и тут приходится вести борьбу с чразмарной пышностью свадаб. Пока еща случаются такое — разорительное застолье, дорогие подарки.

Ну, а добрые традиции стараемся развивать. Издаана таджики придаржиаались правила селиться большой семьей, на одном дворе. А молодые теперь хотят жить отдально, своим домом — ааяния аремани. И тут, конечно, важно, чтобы на нарушалось традиционное уважительное отношение к ствршим. Раньша как было? Дедушка что-то сказал — асе, это закон. И сейчас мы внушаем молодым: всегда советуйся и с дедушкой, и с отцом, и с мвмой. Но асли дедушка на пускает, скажам, учиться в город — сумай настоять на своам, не обидав.

Партийные организации привлекают пожилых людай в саой актив, используя их влияние на молодажь. Дв и кто сейчас стврики? Ветараны войны, трудв. Среди них немало коммунистов, которые ведут большую политико-воспитатальную рвботу.

Поддарживаам мы и твкую давнюю народную традицию, как хашар — помощь соседям в строительства или ремонте дома, закладке сада. Сейчас, когда ведатся большая работа по благоустройству кишлаков, без хашара не обойтись.

— Изманания психологии — процесс сложный и длительный. Но вот бываешь в Среднай Азии и всякий раз ловишь себя на мысли, как жа все-таки быстро, в тяжкой борьбе, но быстро переменилось сознание бывших бесслоаесных рабынь. Таджички, туркманки, узбачки — аидные общественные деятальницы, ученые, руководители прадприятий. Это теларь воспринимается как норма. А мы, журналисты, — аодится за нами такой грех, — рассказыаая о судьбе какой-нибудь знаменитой женщины и стараясь поразить читаталя, начинаем порой с камня, который поминал муж, проклиная жену, родившую девочку: «Лучше бы ты родила камень, он пригодился бы при постройке дома!» Не отстаем ли мы от жизни, пользуясь вса аща такой точкой отсчета? На днях познакомилась я с Хосият Рафиавой, хлопкоробом, бригадиром из колхоза имени Жданова, Турсунзадевского рвйона, членом рвйкома партии. Ей приходится командовать в основном мужчинами, и я, естественно, спросила Хосият, подчиняются ли они. И, услышав ее спокойный отает: «Подчиняются, почему бы не подчиняться?» — вдруг поняла, что с вопросом опоздала лет на двадцать.

— Перемены, конечно, разительны, особенно в последние годы. До раволюции 97 процентов таджичек на умели читвть и писать, сейчас каждая дааушка, как и молодой чалоаак, напраманно получает среднее образование. Кажется, можно бы успокоиться, а мы волнуемся: мало студанток местной национальности в тахнических вузах, сельскохозяйственном институте. На о баланса в статистика печамся — сама жизнь, развитие республики этого требуют.

Действитально, точки отсчета меняются, но только на те, о которых вы говорита. Борьба за раскрапощание женщин — это пока на памяти каждой нашей семьи. Бабушка, рискуя жизнью, сожгла в костре паранджу, мать, бросив аызов старым порядквм, пошла работать на фабрику. Как бы точнее найти слова... Все это очень личноа для каждой таджички.

— Я слышала, вwа мвма была одной из параых комсомолок в раслублика.

— Да. Мы в семье бережно храним магнитофонную пленку, жиаой мамин голос. Записали ае рассказ об Ура-Тюбе, где жила она в юности, о первом жанском клубе, первой жан-



Бозорой Ахмедова (слева) и ее ученицы Малохат Усманова и Давлятпочо Малашоева.
Фото В. КУЗЬМИНА.

ской артели. Рассказывает она, как ездила по кишлакам, объясняла женщинам, что такое Советская власть и какие она дала им права. До самых глухих кишлаков добиралась, где на лошади, где на ослике по горным тропам. А в горах укрывались еще басмаческие банды... Маму часто спрашивали: «Страшно было?» А она, подумав, отвечала: «Трудно. С открытым лицом было трудно. Родственники отвернулись, старики на улицах швыряли камнями. Много раз угрожали. Но я не боялась. Поняла, какую дорогу открыла партия таджичке, хотела, чтобы другие поняли».

Те первые бесстрашные активистки передали свою самоотверженность, обретенное чувство достоинства нашим современницам.

Не один год знакома я с Героем Социалистического Труда Энаджон Бойматовой, председателем колхоза «Москва», Ленинабадской области. Муж погиб у нее на войне, и она будто приняла решение работать за себя и за него. Возглавила колхоз, стала прекрасным руководителем. Она, как мать в большой семье, которая в любых трудностях — опора детям. Ее авторитет высок и среди стариков и среди молодежи.

В начале нынешней пятилетки группа работниц легкой и местной промышленности выступила с замечательным почином: за пять лет дать два пятилетних плана. А Бозорой Ахмедова, мотальщица объединения «Таджикатлас», не две, а три пятилетки собирается выполнить к 7 ноября. Сколько ее знаю, не перестает она удивлять всех своими рекордами. Бозорой — лауреат Государственной премии Таджикской ССР имени Абу Али Ибн Сины — Авиценны. Что она за человек? Я бы сказала, веселый, искренний. Радуется успехам вокруг, как своим собственным. Умеет повести за собой других.

— Когда-то Владимир Ильич говорил, что работа по раскрепощению женщин — во многом работа по воспитанию мужчин. Если снова обратиться к истории — именно коммунисты первыми помогали своим женам сбросить путы затворничества, показывали пример новых отношений в семье, отводили их в артель, в кружок по ликвидации неграмотности. Секретарь Фрунзенского райкома партии Душанбе Биходжал Рахимова рассказывала мне, что и сейчас при приеме в партию у мужчины непременно спрашивают: кто жена, какая у нее профессия, комсомолка ли, работает — не работает? Как помогает он ей в воспитании детей, учебе?

— Да, так заведено. Ты же добровольно вступаешь в партию и обязан следовать ее программе. Везде, во всем. Ты должен подавать пример устремленности к высоким общественным целям. Человек, который живет интересами страны, чувствует себя лично причастным ко всем ее делам, и есть самое большое завоевание Октября.



ДОКАЗАЛИ

Ткачихи Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината (слева направо): Фатима Рахманкулова, Галина Рудакова и Нина Иванова.

Фото В. МАРИНЬО.

ДЕЛОМ



Двадцать семь лет работает на комбинате ткачиха Людмила Николаевна Быстрова.

Началось это три года назад. Тогда я впервые приехал сюда, на Вышневолоцкий ордена Трудового Красного Знамени хлопчатобумажный комбинат, писать репортаж о соревновании в честь 60-летия Великого Октября: не было такого дня, чтобы ткачихи в четвертом ткацком цехе не выполнили задание по выпуску суровых хлопчатобумажных тканей. Уже собрался уезжать, когда услышал от мастера:

— У нас сегодня важное собрание партгруппы, оставайтесь.

В красном уголке собрались коммунисты смены. И вот разгоряченная работой, не сняв передника, в котором была у станков, появилась на пороге взволнованная темноволосая женщина и попросила слова.

— Фатима Рахманкулова,— подсказывают мне.

Ткачиха говорит коротко:

— Скоро кончается мой кандидатский стаж. Я делом хочу доказать, что достойна звания коммуниста. Поэтому решила перейти работать на пятьдесят станков. Прошу партийную группу поддержать меня в этом.

Возникшая после ее слов тишина томительно затягивалась. Шутка ли, вместо двадцати восьми станков по норме — сразу полсотни? Еще никто на комбинате не решался на такое.

— А справишься ли? — подал кто-то голос.

— Попробую,— улыбнулась Фатима.— Вчера пришли на смену, узнаем: одна ткачиха заболела. Подмены нет. Не простаивать же станкам! С соседкой поделили их поровну. Обслуживали до конца работы. Ничего, справились...

А потом было так. Выбрали участок с нужным количеством станков, хорошо их наладили, заменили кое-каких приборы. Начальник цеха Сергей Александрович Казенное, знающий Рахманкулову еще с учениц, подбадривал ткачиху. А сам раздумывал, как быть с теми, кто работал здесь до сих пор?. А ну, как не захотят они перейти на другие комплекты? Дело обернулось неожиданностью.

— А почему мы должны куда-то переходить? — спросили ткачихи Прасковья Мефодиевна и Нина Александровна Ивановы.— Если Рахманкулова сможет на пятидесяти, почему бы и нем не попробовать?

Наступил памятный для текстильщиков комбината день.

Честь первой начать многостаночную вахту выпала Прасковье Мефодиевне Ивановой, опытной ткачихе. В шесть часов утра она включила пятьдесят ткацких автоматов. Тысячи белоснежных нитей потекли с навоев, первые метры миткаля свертывались в рулоны. Работала внешне спокойно, переходя от пролета к пролету, но споро.

— Можно справиться,— подытожила Прасковья Мефодиевна, передавая смену другой Ивановой — Нине Александровне.

Рахманкулова вышла в ночь.

— Главное, Фая,— напутствовала ее Нина Александровна,— не волнуйся, не спеши. Мы, годами постарше, смогли, а у тебя получится еще лучше.

В ночь работать, конечно, труднее. На некоторых станках часто обрывались нити. Фатима собрала все свое внимание и добилась, что ни один станок не простаивал.

— Когда шла домой,— вспоминала потом,— радостно было. Поняла, что могу всегда так работать.

Новое восприняли в цехе по-разному. От жаждущих посмотреть на этих, как говорили иные, отчаянных женщин не было отбоя. В столовую ходили непременно мимо участка многостаночниц. Большинство восхищалось. Как-то к Фатиме подошла одна ткачиха, сказала:

— Как у тебя все получается, не пойму. Я бы не смогла на таком уплотнении. Вам, наверное, станки налаживают день и ночь...

— Станки наши налаживают, как и на других участках,— ответила Фатима.— Не таюсь, приходи, смотри.

Но доводилось выслушивать и неприятное. Однажды в раздевалке до нее донеслось: «А Рахманкулова куда рвется? Слава да деньги нужны, вот и лезет из кожи...»

— А тебе разве деньги не нужны? — едва сдерживая слезы, спросила Фатима.— Я одна с двумя детьми, лишняя десятка-другая мне не помешают.

Хотелось же — не об этом! Хотелось сказать ей, что так азартно работать интереснее. Сказать бы ей и о том, что переход на пятьдесят станков дался нелегко и не вдруг, а вобрал все мастерство, по крупицам накопленное за двенадцать лет работы. И еще о многом...

Но не сказала, отошла в сторону. Понимала, что она и ее подруги-многостаночницы бросили вызов не только производственной норме, а и старым привычкам, обывательскому — «не лезь вперед других».

В день награждения орденом Трудовой Славы III степени Фатима Хайрулловна вспомнила этот разговор в раздевалке:

— Я тогда невольно представила нашу Валентину Ивановну Гаганову. И то, как ей было трудно в первое время в отстающей бригаде. И обиды мои отошли, остыли.

Двадцать лет назад перешла прядильщица Валентина Гаганова в отстающую бригаду и вывела ее в передовые. Показала пример бескорыстного товарищества. Теперь старший инженер по рационализации и изобретательству комбината, Валентина Ивановна пристально следила за событиями в четвертом цехе. Напутствовала ткачих на рекорд. Радовалась их удачам. Расспрашивала о сложностях, советовала. И это очень помогало.

Партком комбината одобрил инициативу ткачих. Веселее стало работать, но и ответственности прибавилось. Между новаторами разгорелось настоящее трудовое соперничество. Первенствовала сперва Прасковья Мефодиевна Иванова. 99,5 процента всей ткани с пятидесяти станков сдавала она первым сортом. Лучший показатель среди ткачих комбината! Рахманкуловой потребовалось приложить немало усилий, чтобы выйти вперед.

Как-то вернулась она домой после смены, напевая песенку, искрясь улыбкой. Обняла, закружила по комнате сынишку-школьника. Тот никак не мог понять, в чем дело. А все было просто. Мама победила в соревновании на комплекте.

— Скоро Новый год, маме, у нас будет елка, подарки?

— Обязательно, сынок. Самые лучшие подарки!

К празднику она приготовила подарок и для родного комбината — выпустила дополнительно свыше миллиона метров суровья. В таком же ритме трудятся ее сменщицы — Прасковья Иванова и Нина Иванова.

— Не тяжело тебе, Фая? — не раз спрашивала Рахманкулову Галина Браусова, поддержавшая подругу на том памятном собрании партгруппы.

— Честно скажу,— отвечала Фатима,— когда хорошая пряжа, то на пятидесяти станках даже легче работать, чем на тридцати пяти. Берись, не сомневайся!

И коммунист Галина Алексеевна Браусова решилась. И еще попросила расширить ей зону обслуживания до 56 станков — две отраслевых нормы. Поддержали Браусову опытная ткачиха Людмила Николаевна Быстрова и недавняя выпускница ГПТУ-13 Галя Рудакова. Начался штурм новой трудовой высоты. Как волновалась эта троица перед первой сменой! Но им было все-таки легче — каждая внимательно изучила опыт Рахманкуловой и Ивановых. И все же... Представьте себе — девяносто восемь тысяч нитей в работе одновременно. И за каждой надо следить!

В конце смены в красный уголок цеха собрались рабочие на митинг. Поздравить ткачих с рекордом пришли с цветами директор комбината Петр Тихонович Норкин и секретарь парткома Валентина Александровна Нивзорова. Приветствовала победительниц и Валентина Ивановна Гаганова.

— Я глубоко убеждена,— сказала Валентина Ивановна,— если бы двадцать лет назад перешла в отстающую бригаду не я, это сделали бы другие. А разве не продолжают наше дело нынешние школы рабочего мастерства? Я считаю Фатиму Рахманкулову, Галину Браусову и других тоже продолжателями нашего почина.

Да, права Валентина Ивановна. Главное не только успех передовика, а то, что за ним вслед идут товарищи, передавая эстафету рабочего мастерства. Ткачихи Н. А. Иванова, П. М. Иванова, Л. Н. Быстрова, Г. А. Браусова, Ф. Х. Рахманкулова выполнили уже по семь годовых норм. И, следуя их примеру, личные пятилетки выполнили досрочно семьсот рабочих Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината.

Г. САЗОНОВ

г. Вышний Волочек,
Калининская обл.

Отвечает международник

Политика, оберегающая мир



Уважаемая редакция! Все мы видим, какие огромные усилия прилагают Коммунистическая партия и Советское правительство, чтобы преградить дорогу новой войне, сохранить мир для нас и наших детей. В последнее время Советский Союз выступил с новыми инициативами, направленными на сохранение мира. Расскажите о них, пожалуйста.

Москва. ***А. Галкина***

Наш мир мы называем меняющимся. И чем больше подвержен он изменениям, чем быстрее они происходят, тем ценнее в наших глазах постоянные величины, непреходящие ценности...

Самая необходимая и дорогая для всего человечества непреходящая ценность — жизнь без войны. Такой же ценностью в глазах всех народов Земли обладает и политика, оберегающая мир от угрозы термоядерной катастрофы.

Непоколебимое миролюбие — постоянная величина внешней политики Коммунистической партии и правительства Советского Союза. С огромным интересом повсюду на нашей планете встречена весть о созыве в феврале 1981 года очередного XXVI съезда КПСС. Люди по опыту знают: форумы советских коммунистов неизменно оказывают оздоровляющее воздействие на международную жизнь, обогащают ее новыми конструктивными идеями и инициативами, придают новую энергию всем передовым силам современности.

Предстоящий партийный съезд побуждает вспомнить о Программе мира, сформулированной XXIV и XXV съездами нашей партии. Эту программу повсюду на земном шаре называют мирным наступлением Советского Союза. Оно помогло обеспечить человечеству такие победы, как серия мирных договоров СССР и других социалистических стран с ФРГ, общеевропейское Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, соглашения об ограничении гонки вооружений. Самый же крупный успех состоит в том, что удалось разорвать трагический цикл: мировая война — короткая мирная передышка — снова мировая война.

Это мирное наступление развивается и в нынешней осложнившейся международной обстановке — развивается с нарастающей силой. Стратегам «холодной войны» не удалось создать единый фронт оголтелой враждебности к СССР — разве что один Пекин оказался готовым идти во всем на поводу у Вашингтона. Прорвана дипломатическая блокада, которой американские политики хотели окружить Советский Союз. Президент Франции приезжал в Варшаву, а канцлер ФРГ — в Москву, чтобы вместе с советским руководством обсудить пути смягчения международной напряженности. Не дали желаемых результатов и торгово-экономические санкции и эмбарго в отношении СССР. Провалился бойкот Московской Олимпиады.

Постоянство не есть нечто застывшее. Твердая приверженность миру не исключает, а предполагает поиск все новых путей и средств его укрепления. Предполагает гибкость, инициативность, смелость и изобретательность в преодолении тупиков в международной жизни. Вот самые свежие примеры.

Стремясь разрядить нынешнюю напряженность, Советский Союз выступил в сентябре на очередной XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН с новой конструктивной инициативой. Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко представил международному сообществу Меморандум Советского Союза «За мир и разоружение, за гарантии международной безопасности» и выдвинул ряд неотложных мер по уменьшению военной опасности.

Что предлагает Москва?

Во-первых, отказаться от любых действий, ведущих к расширению существующих и созданию новых военно-политических группировок.

Во-вторых, прекратить, начиная с 1 января 1981 года, дальнейшее увеличение вооруженных сил и вооружений.

В-третьих, ядерным державам наряду с международной конвенцией о неприменении ядерного оружия против неядерных государств рассмотреть и другие возможные варианты их безопасности.

В-четвертых, как можно скорее заключить международный договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия, а пока всем ядерным державам объявить годичный мараторий (запрет) на проведение любых ядерных взрывов.

Все эти и другие меры предлагаются в качестве первых шагов на пути к ограничению, а затем и полному прекращению гонки вооружений.

В то время как в Нью-Йорке на сессии ООН были обнародованы новые советские инициативы, в Софии проходил Всемирный парламент народов за мир. Леонид Ильич Брежнев направил его участникам приветственное послание, проникнутое твердой уверенностью в реальной возможности вовремя обуздать зачинщиков войны. Выступив перед двумя с лишним тысячами участников форума из 137 стран, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев от имени Советского Союза призвал к созданию широкого всемирного фронта, способного добиться коренного и необратимого перелома в международном развитии в пользу мира и разрядки.

Всемирный парламент народов за мир принял два документа: Воззвание и Хартию. «Сегодня мало выражать беспокойство! Мало бить тревогу! Народы в силах отстоять мир — свое первейшее право. Необходимо действовать!» — этот страстный призыв Воззвания облетел всю нашу планету и нашел горячий отклик в сердцах миллионов людей. В Хартии намечена широкая конкретная программа действий миролюбивых сил, направленная на то, чтобы снять остроту военной опасности, воспрепятствовать угрожающему ходу событий, а затем шаг за шагом создать надежный фундамент прочного и безопасного всеобщего мира.

Большие надежды возлагают народы нашего континента на встречу представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая состоится в Мадриде. Ей предстоит развить и обогатить политический диалог, начатый в Хельсинки, дать новый импульс разрядке, сотрудничеству и безопасности.

Как бы ни была сложна и опасна международная ситуация, нас никогда не покидает вера в возможность предотвращения мировой войны, исключения ее из жизни человеческого общества. Эту уверенность мы черпаем в объективно существующем соотношении сил на планете, которое сложилось отнюдь не в пользу недругов мира.

Разрядка жизнеспособна и прочна потому, что опирается на военно-стратегическое равновесие между странами социализма и миром капитализма, на могущество социалистического содружества, на единство всех сторонников мира, свободы и прогресса.

«Советский Союз,— признала американская газета «Крисчен сайенс монитор»,— достиг военного равенства с Соединенными Штатами, и его уже нельзя запугать».

Вот именно!

Но равновесие очень не нравится американским «ястребам», решившим его поколебать, вернуть утраченное военное превосходство. В этом причина и суть нынешнего обострения обстановки в мире. Тайно или явно правящие круги Соединенных Штатов Америки провоцируют, разжигают, поддерживают конфликты, возникающие в разных районах земного шара. Они блокируются с Пекином в интригах против Вьетнама, Кампучии и Лаоса, поддерживают Израиль в его агрессивных действиях на Ближнем Востоке; американские военные советники обучают террористов, засылаемых с территории Пакистана в Афганистан; есть опасность прямого вмешательства Вашингтона в военные действия в районе Персидского залива. Тем самым администрация США создает атмосферу нестабильности в мире, нагнетает чувства неуверенности, тревоги.

Никому, однако, не дано изменить то, что стало непреложным фактом. И с этим — хочешь не хочешь — приходится считаться даже тем кругам в Америке, которые вознамерились, как пишет американская печать, открыть «крупнейший с начала ракетного века этап наращивания вооружений», осуществить «всеобъемлющую и сверхскоростную программу вооружений». Тем самым они рассчитывают запугать Советский Союз, измотать его в изнурительной гонке вооружений.

Но не те сейчас времена, чтобы новоявленные претенденты на мировое господство могли переделать планету на свой манер. «Силы и возможности Советского Союза и других социалистических государств огромны,— подчеркивает Л. И. Брежнев.— Они не оставляют никаких надежд тем, кто хотел бы эти страны запугать и свернуть с избранного ими пути. Они всегда сумеют постоять за себя, за свои интересы». Укрепляя свою дружбу и единство, свое оборонное могущество, они протягивают руку солидарности всем народам, борющимся за политическую и экономическую независимость, руку взаимодействия всем миролюбивым государствам, правительствам и общественным силам во имя утверждения всеобщего мира и прочной международной безопасности. На контратаку противников разрядки Советский Союз и другие социалистические страны отвечают еще более энергичным мирным наступлением.

В свое время миролюбивые силы сумели добиться перелома от «холодной войны» к разрядке. И ныне речь идет о задаче не меньшего масштаба: предотвратить нарастание напряженности, остановить сползание к войне. Мир удастся отстоять, если усилия СССР и других миролюбивых государств сольются воедино с усилиями всех людей доброй воли.

Вл. КУЗНЕЦОВ.

Том ЕМЕЛЬЯНОВ

ПЕРЕД ЗАКОНОМ РАВНЫ, НО...

В конце прошлого века великий американский сатирик Марк Твен, будучи свидетелем жестокой дискриминации женщин в США, с горечью сказал: «Почвму же мы так тупы и не видим... что ни одна цивилизация не может быть совершвнной, пока она не признает полное равенстео мужчины и женщины». Что жв изменилось в Соединенных Штатах Америки с тех пор, за прошедшие восемь десятков лет XX века?

В США любят ставить рекорды. Даже бессмысленные с точки зрения нормального человека. В прошлом году некоторые американские газеты шумно рекламировали один из таких рекордов как свидетельство абсолютнейшего равноправия женщин с мужчинами: некая Линда Баркер из штата Техас взялась «утереть нос» некоему Контри Хиллу, который в наглухо закрытой могиле провел «заживо погребенным» 134 дня 2 часа и 55 минут, и пересидеть его под землей. Курьез, конечно. И жаль женщину, так бестолково растрачивающую сеое мужество. Если же брать всерьез проблему равноправия женщин в крупнейшей и богатейшей стране капитализма, то и в ней поставлен сеоеобразный рекорд — на протяжении двухсот лвт е истории США стояли рядом два требования народа: свободу — рабам и равные права — женщинам. И тем не менее по сей день е конституции США о равноправии женщин нет ни единого слова: дискриминация освящена законодательством. Была, правда, попытка снять позор: в 1972 году, через пять лвт после опубликования декларации ООН о ликвидации дискриминации женщин, конгресс США вынужден был принять поправку к конституции, запрещающую зту дискриминацию. Однако для вступления зтой попраеки в силу она должна быть одобрена минимум 38 штатами, но «просвещенная» Америка никак не может набрать зтого кворума.

Штраф за замужество

Во многих других капиталистичвских странах принцип равноправия женщин внесен в конституции, но от зтого мало что меняется. Ибо, кроме конституции, имеется множество законодательных актов, которые сводят на нет провозглашвнное в ней равноправие.

В такой, скажем, «добропорядочной» стране Запада, как Швейцария, е статье гражданского законодательства, где речь идет о браке, установлено: «Муж является главой в семье (даже если женщина работает и обеспечивает семью материально.— **Т. Е.**). Только с разрешения мужа женщина имеет праео получить какую-либо професию или поступить на работу». Ну, чем не домострой?

Или возьмем Бельгию, другую высокоразвитую западноевропейскую страну. Недавно одна из столичных, брюссельских газет саркастически заметила: «Ни одно прегрешение не штрафуется в Бельгии так жестоко, как замужестео». Какие же кары предназначены для женщины, совершившей такой «проступок»? А вот какив. Работающая женщина платит государству за создание семьи нечто вроде оброка: ее заработок не считается самостоятельным доходом — он рассматривается как дополнение к заработку мужа. На зтом основании налоги на женскую зарплату исчисляются не из ев размера, а из общей суммы заработка жены и мужа. Это чисто арифметическое действив приводит к тому, что налог на заработок жены составлявт почти половину самого ее заработка. Невероятно, но факт. Более того, по новому закону, принятому два года назад, даже работающая жена не имвет права открыть без разрешения мужа свой, личный счет в банке или сберкассе, двлать крупные покупки в кредит.

Это лишь некоторые примеры из одной только сферы дискриминации жвнщин — из законодательной. Но даже в тех случаях, когда законы капиталистических стран устанавливают равноправие женщин, оно редко когда реализуется полностью. Особенно широка и беззастенчива дискриминация женщин как наемной рабочей силы. На работу женщин, как правило, принимают во вторую очередь — после мужчин. Но зато увольняют их в первую очередь. До сих пор работающие женщины даже в промышленно развитых капиталистичвских странах не могут добиться практического уравнивания в оплате равноценного с мужчинами труда. В качестве классического примвра дискриминации женщин в зкономической сфере можно назвать Федеративную Республику Германии. Принцип равенства женщин был записан в федеральной (общезападногерманской) конституции сразу же после возникновения ФРГ — в 1949 году. В статье 3, пункт 2, конституции сказано: «Мужчина и женщина равноправны». Затем зтот принцип был внесен в конституции почти всех земвль, из которых состоит ФРГ. Более того, в 1956 году ФРГ ратифицировала конвенцию Международной организации труда № 100 о равной оплате мужчин и женщин за равный труд. Как же выглядит на практике записанное в западногерманских законах равенство женщин и мужчин в труде?

Среди хозяев заводов и фабрик в ФРГ имвет широкое хождение пособие по трудовой медицине, в котором дается характеристика женщин как рабочей силы, ее пригодности в производстве. «Женщина,— сказано там,— в среднем на 13 см ниже мужчины, ве конечности почти на 10 см короче мужских. Мускульная сила женщины значительно уступает мужской и, как правило, не возрастает при физичвской тренировке». Иными словами, женщина представлявтся чем-то вроде «уполовиненного» мужчины. Отсюда делается вывод: раз женщина обладает меньшей физической силой, значит, и отдача ев в производстве слабее, а следовательно, и платить ей можно меньшв. Взгляд допотопный не только с точки зрения здравого смысла, но и с производствввнной, особенно если учесть развитие соврвменной промышленности.

Широчайшая автоматизация и механизация производстеа дали возможность привлечь массы женщин е профессии, считавшиеся ранее мужскими. Исследованиями установлено, что, скажем, в отраслях точной механики, злектроники и других женщины превосходят мужчин по производительности труда, ибо они, как утеерждает, например, западногерманский производственный психолог Германус Грундиг, работают «чище, ловчее, точнее, упорядоченнее мужчин», а по терпению в утомительной конвейерной работе значительно выносливее. Но, увы, зти признанные качества полностью игнорируются предпринимателями при оплате труда. В одном из профсоюзных документов ФРГ констатируется: «Рабочий-мужчина изготавливает в час 32 радиодетали. Рядом с ним, на соседнем рабочем месте, трудится женщина, совершающая те же операции и в том же самом количестве. Однако в конце недели, при расчете, она находит в своем конверте с зарплатой на 24 марки мвньше, чем ее коллега-мужчина».

Обратимся к положению работниц на заводах одного из крупнейших в Западной Европе злвктротехнических концернов ФРГ — «Сименсу». На его предприятиях, разбросанных по всему миру, большинство из 300 тысяч работающих — женщины. Например, на сименсовском заводе в западногерманском городе Гладбеке из 4 тысяч рабочих 3300 — женщины. Каждая из них получает на зтом заводе за год на 1233 марки меньше, чем работающий рядом с ней мужчина. Умножьте зту недоплату на 3300 работниц, и вы увидите, что хозяева завода «зкономят» на зтом в год более 4 миллионов марок.

ФРГ — отнюдь не исключвние среди промышленно развитых стран Запада. В государствах так называемого «Общего рынка», членами которого являются наиболее развитые зкономически страны Западной Европы, женщины составляют более трвти работающих на производстве. Самые высокие прибыли предпринимателей и самая низкая заработная плата рабочих — отличительные особенности тех капиталистических предприятий, где большинство тружеников — женщины.

Виноваты ли Адам и Ева?

Было бы неверным утверждать, что на Западе мало пишут о дискриминации женщин в политикв, зкономике, в сфере образования, даже в семейной жизни. Затушевать вопиющее неравенство женщин в мирв капитализма просто невозможно, ибо оно проявляется буквально на каждом шагу. Вся хитрость буржуазной пропаганды заключавтся в том, что она смещает акценты в объяснении причин зтой дискриминации — старается приглушить истинные и выставить на передний план

третьестепенные или же просто надуманные. Одним из классических примеров такой пропаганды можно считать нашумевшую недавно е Западной Еевропе книгу Ханнелоры Шутц «Дрессированная женщина», изданную в западногерманском городе Мюнхене. Что же проповедувт она?

Кредо Х. Шутц сформулироеано уже е самом названии книги. Эта дама пытается доказать, что основа неравенстеа женщин, их общественно-политической дискриминации заложена не е каких-то там «выдуманных марксистами» социально-экономических глубинах, а е извечном, со еремен Адама и Евы, биологическом конфликте полое — мужского и женского. Дело, видите ли, в том, что мужчины, захеатив командные посты в жизни, установили свою тиранию и создали всеохватывающую систему «дрессировки» женщин, уподобив их разновидности животных. С точки зрения Х. Шутц, женщины совершенно беззащитны перед бесконтрольным и подавляющим господством мужчин — так же, как, скажем, обезьяны, демонстрирующие публике умение ездить на еелосипеде, или слоны — умение считать: за их спиной обязательно стоит укротитель-мужчина с куском сахара в одной руке и бичом — е другой. Рецепт к осеобождению женщин из-под этого господстеа прост: ликеидироеать тиранию мужчин, овладеть ключееыми постами е общестее, и, как говорится, дело е шляпе.

Ну, что ж, основательность подобных кредо и теоретических построений можно без особого труда проверить практикой. Победа консерватиеной партии е Англии на выборах в прошлом году не в последнюю очередь объясняется тем, что многие англичанки «клюнули» на приманку такого рода пропаганды и отдали свои голоса консерваторам: во главе которых стоит женщина — Маргарет Тэтчвр. Логика этих избирательниц была несложной: впервые в истории Великобритании на пост главы правительства вступает женщина — должна же она знать и понимать заботы и тяготы миллионов рядовых соотечественниц! Можвт, при нвй легче будет жить? Ведь проблемы трудящихся в Великобритании — постоянный рост цен, сокращение реальной заработной платы, непрерывно увеличивающаяся безработица, перевалиешая за два миллиона человек, сокращение государстеенных ассигнований на социальные нужды трудящихся — все это особенно остро испытывают женщины, работающие и домохозяйки, замужние и одинокие, старые и молодые.

Прошло полтора года правления консерваторое во глав с М. Тэтчер, и иллюзии англичанок рассеялись, как дым. «Железная Мэгги», как окрестили ныне е Англии Тэтчер после ее прихода к власти, проводит, как и ее предшественники-мужчины, ту жв самую политику наибольшего благоприятстеоеания монополистическому капиталу и жестокой конфронтации с массами трудящихся. М. Тэтчер, женщина-мать, которая должна бы всеми силами отстаиеать мир, хотя бы ео имя детей, своих и чужих, стала инициатором ноеого мощного тура гонки вооружвний в Англии. Одна лишь программа замены четырех нынешних английских подводных лодок с ядврным оружием на борту на ноейшие американские подлодки «Трайдент» стоит более пяти миллиардов фунтов стерлингов. М. Тэтчер прослыла в Западной Еeропе как наиболее отъявленная ратоборица за размещение е Европе нового континентально-стратегического ядерного оружия США, нацвлвнного с европейской земли непосредственно на Соввтский Союз. Резкое увеличение ассигнований на вооружение еызвало новый рост цен в стране Альбиона — на хлеб, на молоко, на другие насущные продукты питания; повышена плата за газ и электричество;

К 100-летию со дня рождения Александра Блока

«Я ИДУ»

Александр Блок... Что ждет нас за переплетом книг, где стоит это имя,— е поэтическом мире автора?

Сначала впору растеряться: одна книга спорит с другой, и даже близкие по еремени создания стихи скрещиваются друг с другом, как шпаги е отчаянном поединке:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

А рядом:

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юнош веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

И так же яростно спорят между собой о том, каков же настоящий Блок, его друзья, современники, исследователи.

— Истинный Блок,— утверждают одни,— это рыцарь Прекрасной Дамы, воспетой им в первой книге, таинстеенной Вечной Женственности, которая когда-нибудь низойдет в страдающий мир, чтобы чудесно преобразить его. Даже в истории собстеенной любви поэт видит как бы прообраз этого чуда.

Вы хотите знать подлинного Блока? Посмотрите на мальчика, изображенного Нестеровым в его знамвнитой картине «Видение отроку Варфоломею»!

— Нет,— еозражают другие,— Блок скорее похож на лермонтовского Мцыри, который тосковал в монастырских ствнах по своей далекой, смутно припоминаемой родине, по настоящей, бурной жизни, которая звала его «от квлий душных и молитв в тот чудный мир тревог и битв»! Как Мцыри, искал он пути к этой жизни, смертельно устал е своих скитаниях и все-таки благословлял свою погибельную свободу.

А на портрете, написанном его соврвменником, художником Сомовым, Блок другой: тяжелое, надменное, бесконечно усталое лицо, опаленное пламенем страстей... Вот он, сказавший о себе: «Я стою среди пожарищ, обожжвнный языками преисподнего огня».

Да, был и такой Блок. Но примечательно, что при есей беспощадности к себе и бесстрашной искрвнности сам поэт нв любил сомовского портрета.

«Другом,— заметил он однажды,— называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что может и должно быть с другим человеком. *Врагом* — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркиеает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (или — что вму кажется дурным)».

В этом особом смысле слова художник Сомов оказался «ерагом» Блока, подчвркнувшим е портрете как раз те преходящие, ео многом навеянные временем и обстановкой черты, с которыми сам поэт долго и трудно сражался. «Несмотря на все мои уклонения, падвния, сомнения, покаяния,— *я иду»,*— сказано е одном из блоковских писем.

Выхожу я в путь, открытый езорам.
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Суровые строки эти заметно контрастируют с обстановкой любимой поэтом с детства подмосковной усадебки Шахматово, с «музыкой старых русских семей», звучавшей вокруг него.

Фея — младенца меня
Унесла е свой чертог озерной
И в туманном плену воспитала...
И венком из розовых роз
Украсила кудри мои...

Так рассказывает один из героев драмы Блока «Роза и Крест» — певец Гаэтан — о своем детстве.

Мать Блока, самый близкий вму человек, однажды сказала о сыне, что «он очень напряженный и чуествительный аккумулятор». И это во многом объяснявт, почему из кумира и баловня профессорско-дворянской семьи енв-



А. Блок.
Скульптура В. ДУДНИКА.

на 20 процентов выросла стоимость билетов на железнодорожный транспорт. В конце лета 1980 года правительство Тэтчер издало распоряжение сократить ассигнования на просвещение еще на 50 миллионов фунтов стерлингов (за несколько месяцев до этого они уже были урезаны на 200 миллионов). Следствия: в ближайшее время из школ будут уволены еще 20 тысяч учителей; во многих школах ликвидируются завтраки для учащихся или же становятся дороже при одновременном уменьшении порций. Дорожают лекарства.

М. Тэтчер ведет наступление против рабочих, мужчин и женщин, урезая права профсоюзов, в частности зафиксированное право на забастовки — самую эффективную меру защиты интересов трудящихся. Юдит Хант, женщина, секретарь профсоюза металлистов и член тред-юнионистского консультативного совета по положению женщин, влиятельный и информированный человек, подвела своего рода итог антиженской политики М. Тэтчер, заявив: «Правительство Тэтчер проводит политику ущемления прав трудящихся женщин, выступает против их равноправия». А ведь женщины составляют 41 процент всей наемной рабочей силы Великобритании.

Австрийская газета «Фолькесштимме» пишет: «Маргарет Тэтчер объявила открытую войну рабочему классу и женскому движению — и на этом она сломает себе зубы». И действительно, рабочий класс Великобритании резко активизировал в последнее время выступления против антинародной политики правительства консерваторов. В эту борьбу все чаще и шире включаются трудящиеся женщины. Один из свежих примеров: недавно женщины мощно поддержали многомесячную забастовку рабочих в металлургической промышленности Англии. Усиливается активность работниц в профсоюзах. Для более успешной защиты прав женщин во многих отраслевых профсоюзах созданы группы активисток. В сотнях других стачек женщины шли плечом к плечу с мужчинами-рабочими и познали еще раз на практике давнюю истину: права они могут отстоять только в общей борьбе рабочего класса против эксплуатации.

И если «Железная Мэгги» проводит свое наступление на права трудящихся женщин под демагогическим лозунгом «вернуть женщину к домашнему очагу» (то есть вообще отнять у нее общественно-политические права), то десятки тысяч тружениц выступают сегодня под лозунгом: «Долой Тэтчер!»

Так сама жизнь неумолимо убеждает новые миллионы женщин не только в Великобритании, но и во всем капиталистическом мире в правоте коммунистов, которые утверждают, что истинные причины неравенства женщин коренятся не в надуманном биологическом конфликте полов, а в социально-политической сущности эксплуататорской системы капитализма. Монополистический капитал, его засилье во всех сферах жизни и защищающее его интересы буржуазное государство — главные виновники бесправия трудящихся, будь то мужчины или женщины. И эту истину осознает все большее число трудящихся женщин. Они все яснее понимают, что борьба за их равноправие теснейшим образом связана с борьбой за мир, против угрозы новой войны, которую несет нашей планете империализм, прежде всего американский.

В первых рядах прогрессивной общественности, борющейся против всех форм дискриминации и угнетения, идут коммунистки. Их число в капиталистических странах непрерывно растет: сегодня женщины составляют третью часть таких компартий, как французская, итальянская, западногерманская. Они ведут за собой миллионы трудящихся женщин.

шне неожиданно и непонятно вырос величайший трагический поэт эпохи.

В «Розе и Кресте» наивный собеседник Гаэтана никак не может уразуметь происхождения его песенного дара:

> **Бертран**
> Так ты воспитан феей?
> **Гаэтан**
> Да...
> **Бертран**
> И песне
> Она тебя учила?
> **Гаэтан**
> Да. Она — и море.

На языке блоковской поэзии «море» — это жизнь, народ, движение и бури истории.

Блок улавливал еще смутное недовольство «низких нищих деревень» вокруг Шахматова, трагические вести с фронта русско-японской войны, и казавшийся ему в детстве идиллически-беспечальным родной пейзаж резко преображался в его глазах. Черные осенние дали — «кладбища земли» — вызывали воспоминания о погибших на Дальнем Востоке и расстрелянных 9 января 1905 года на петербургских мостовых.

Любовь к своей страдающей родине пронизывает отныне все творчество поэта. В Блоке была поразительная готовность почувствовать, принять в свою душу чужую судьбу, проникнуться чужим страданием и надеждой. Так разгадана им участь девушки-самоубийцы в гениальном стихотворении «На железной дороге», где перед героиней день за днем проходят как будто необычные поезда с их разноцветными вагонами, предназначенными для разных «классов», а сама жизнь — где сыто-самодовольная, где обездоленная и тоскующая о лучшей доле:

> Вагоны шли привычной линией,
> Подрагивали и скрипели;
> Молчали желтые и синие;
> В зеленых плакали и пели.

Нехитрые радости и упования простодушной девушки («быть может, кто из проезжающих посмотрит пристальней из окон...») перекликаются с жаждой иной, осмысленной, разумной жизни, по которой томится все лучшее в народе. В частной судьбе проступают глубоко трагические черты времени. Жизнь остается глуха не только к наивным надеждам бедной провинциалки, но и к порывам знаменитой актрисы:

> Пришла порою полуночной
> На крайний полюс, в мертвый край.
> Не верили. Не ждали. Точно
> Не таял снег, не веял май.
>
> Не верили. А голос юный
> Нам пел и плакал о весне....

Не так же ли «в зеленых плакали и пели»?

> Но было тихо в нашем склепе,
> И полюс — в хладном серебре.
>
> ...Что в ней рыдало? Что боролось?
> Чего она ждала от нас?
> Не знаем. Умер вешний голос,
> Погасли звезды синих глаз.
> («На смерть Комиссаржевской»)

От этих повседневных драм, от тяжелых будней родины Блок как настоящий художник не мог и не хотел отвертываться: «...искусство там, где ущерб, потеря, страдание, холод»,— говорится в одном из его писем.

> На непроглядный ужас жизни
> Открой скорей, открой глаза,
> Пока великая гроза
> Все не смела в твоей отчизне...

Предчувствием этой грозы дышат многие стихи Блока. Предчувствием грядущих потрясений и битв исполнен цикл стихов «На поле Куликовом». Образ героя, по видимости, участника знаменитой битвы прошлого, двоится, вбирая в себя мироощущение современника блоковского времени, которое в конце концов и становится главенствующим в настроении цикла, предвещающего скорое «начало высоких и мятежных дней».

«Голос волн большого моря» — жизни, зреющей революции — все громче звучит в творчестве поэта. Тончайшие, но явственно ощутимые нити связывают нравственные идеалы Блока с революционным брожением в стране. «Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица,— пишет он даже в самые мрачные годы, наступившие после поражения революции 1905 года.— Пускай даже она не созрела, пускай часто отроческы не мудра,— завтра возмужает».

Революция тоже идет, она — в пути, и будущее — за нею!

«Мы пришли не тосковать и не отдыхать,— пишет Блок молодому литератору.— То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воль, которое носит имя *человеческой души, именно оттого носит это радостное* (да, несмотря на всю «дрянь», в которой мы сидим) *имя*, что оно все обращено более к будущему, чем к прошедшему... Человек есть *будущее*... Последняя просьба к Вам: если Вы любите мои стихи, преодолейте их яд, прочтите в них о будущем». И еще: «...пока есть в нас кровь и юность,— будем верны будущему».

И когда свершилась Октябрьская революция, Блок закономерно оказался на ее стороне. Та большая, затаенная сила, которую давно чувствовали в поэте современники, высказала себя в эту пору совершенно явственно. Суровые, сокрушительные валы революционного «моря» не отпугнули Блока, а, напротив, вдохновили на создание первой поэмы об Октябре — «Двенадцать».

Блок смотрел на революцию глазами друга, стремившегося понять, если еще раз вспомнить его слова, что «может и должно быть» с суровыми и яростными героями его поэмы — красногвардейцами, своеобразными двенадцатью апостолами революции.

Как известно, Блок оказался одним из тех, кто сразу же после Октября заявил, что интеллигенция не только может, но и должна сотрудничать с Советской властью, и сам показал пример этого сотрудничества. Поразителен один только перечень всех обязанностей, которые легли на его плечи в труднейшие послереволюционные годы. Член коллегии учрежденного Горьким издательства «Всемирная литература». Председатель дирекции Большого драматического театра. Член редакционной коллегии литературного отдела Наркомпроса. Член совета Дома искусств. Председатель Петроградского отдела Всероссийского союза поэтов...

При всей своей скромности он упомянул в записной книжке о «груде сделанного» в одном только 1919 году.

Мысли, планы, «подсказки» Блока легли в основу многих литературных и театральных начинаний тех лет.

Поэт встал под знамя борцов за преображение мира в такое время, когда исход борьбы был далеко не ясен и предстоящий путь суров и тернист. И особым, символическим смыслом наполнились давние блоковские строки:

> Выхожу я в путь, открытый взорам...

А. ТУРКОВ

ИЗ НОВЫХ КНИГ



А. ПРОХАНОВ

Алвксандр Андрввич Проханов — автор многих книг. Его повести и рассказы, объединенные в сборниках «Иду в путь мой» («Советская Россия») и «Жвлтвет трава» («Советский писатель»), увидев свет в 1971 году, сразу привлекли внимание читателвй.

Затем в разных издательствах выходили романы «Кочующая роза», «Время полдень», «Место действия».

Сейчас писатель закончил роман «И гдв кони?», названный строкой из народной песни. Отрывок, который мы предлагаем вниманию читателей, рассказывает о судьбе жвны главного героя — ученого-кибернетика Владимира Степановича Хрусталвва.

Полностью роман будет напечатан в журнале «Знамя».

ЖЕНА ХРУСТАЛЕВА

Галя, жена Хрусталева, смотрела в окно сквозь холодные, синие скеознячки, как муж, запустив мотор, сметает с машины снег, дети топчутся рядом е сумеречной белизне. Разлучаясь с отцом, уходят. Дочь е долгополой шубке, по-женски грациозно и лоеко размахиеает маленькой сумочкой. Сын семенит торопливо, еолочит раздуешийся ранец. Следила за ними, отпуская их от себя, любя и жалея, стремясь уберечь, защитить. От чего, и сама не знала. Пока смотрела, муж тронул машину, проблестел стеклами, исчез за углом, оставие тающий легкий дымок.

Еще одно быстротечное, подлежащее забеению утро...

Она обернулась в комнату, пытаясь ухватить и запомнить утренний беспорядок. Неубранная сыноеья постель. Два шлепанца, красный и желтый. Стол с раскрытой «Ботаникой». Верстак, заеаленный винтами, отвертками, темным колючим железом. Все зто подлежало уборке, требовало от нее немедленных усилий, круговых, на еесь день, вращений, одинаковых из месяца е месяц.

А еедь были другие утра. Каждое, е незабеенной силе и сеежести, открывало сеой день, драгоценный, поныне живущий, с плывущими в небесах облаками, красными ягодами на снегу, прикосноеением рук и дыханий. Где, на какой неделе оборвалось зтих дней течение? Как чудо дароеанной жизни сменилось течением обыденной?

Ходила по комнатам, бралась за одно, за другое. Накрыла одеялом голую пятку спящего младшего сына. Видела: сеетлеет за окнами, еыгорает утро. Стремилась принять его, как посланный дар. Не могла.

Они просыпались одноврвменно в разных концах избы... Кипел самовар. Он, Володя ее, одетый в кольчужный свитер, глядел молчаливо и радостно. В потном оконце — сугроб, присевшая на снегу сорока. Утро чуть брезжило, казалось запечвтвнным плотно бутоном, в котором таился морозный огненный день. Одевались, брали в сарае лыжи. Спускали пса с поводка, и он, прошибая лбом дввръ, выносился в синее утро. Шли по деревнв, и в окнах пылвющие полукружья печей. Словно к стеклам подносят червонные обрвзв, благословляют идущих. И в ней — напряженное счвстье, ожидание начавшегося, неповторимого дня, неповторимой, начавшейся жизни.

Вступала е единоборство с еещами, с одними и теми же, ежедневно. Знала их повадки и силу, их коеарстео и ловкость. Стелила постели. Сеорачивала их в плотные, тугие тюки, запихивала е ниши. Но они таили в себе упругость пружин. Разеернутся, вывалятся смятыми грудами. Ходила по комнатам, подбирая разбросанные е беге шлепанцы — у порогое, кроватей, столое. Ворохи кинутых е спешке одежд снимала со стульее и кресел. Расправляла, отряхиеала, помещала е шкаф.

Сын Степушка проснулся не е духе. Лежал, теребя ногами одеяло. Подзывал ее:

— Мама, ну подойди...

— Не могу подойти, я занята...

— А ты подойди, подойди,— капризничал он, тянул плаксиво и требоеательно. И от жалоб, от его недовольных призывое — е ней мгноеенная, раздражительная трееога, готовая превратиться в панику. Заболел? Лечить? Врача? Бессонные ночи? Все лежащие на поверхности страхи поднялись от плаксиеых его интонаций.

— Да замолчи, кому я сказала! Видишь, работаю! — откликнулась резко и зло.

И тот умолк от обиды.

Нацепила на щетку мокрую тряпку. Вытирала пыль, извлекая из-под столое и кроватей войлочные серые катушки. Поражалась неисчерпаемому их изобилию. Способности после каждой уборки возрождаться еноеь. Пыль непрестанно плодилась и множилась.

Принесла пылесос. Надела блестящий штырь. Включила. И едруг пресеклось, закупорилось. Засвистело бессильно.

Она еытянула пылесос и увидела, что рыльце его забито маленькой цветной дерееяшкой. Разноцеетным коньком, принесенным ею некогда с рынка вместе с ворохом ложек, копилок. Степушка лежал среди расписного, румяного дерева, мусолил ео рту конька, пробуя силу деух переых жемчужных зубое. И теперь, через столько лет, обретение конька поразило ее. Держала легкое дереео, отирала его рукаеом. Разглядыеала среди стертых узорое метины от укусов. Время повлекло ее вспять, е исчезнуешую, истребленную сеежесть, в млечную силу набухшей тяжелой груди, горячую нежность к детям, держало ее там мгноеение и еернуло обратно. Пыль на полу. Соеок. Искусанная цветная лошадка. И такая боль, приближение дней, готоеых их разлучить, уеести друг от друга, преерашая е летучий прах.

Кинулась к сыну. Обнимала его, целоеала:

— Степушка мой, драгоценный!

Сын, изумленный, смотрел на нее не мигая.

Спустились с горы. Кирпичная, запорошенная церковь с седой позолотой отражалвсь в незамерзшей реке. На розовом ее отражении темнела обледенелая лодка. Он выбрал цепь, осыпая хрупкие льдинки. Лыжи сложил на дно. Руку ей протянул. И она, опираясь, скользнула в лодку, колыхнув отражение. Он — перевозчик со стеклянным веслом. И такое доверив к нему, пвревозчику, прочертившему в реке борозду, такое знание, что из зтих вод и лесов возникает чудо их совместной любви и жизни.

Собралась за продуктами. Изелекла сумку на колесах и другую сумку, поменьше. Вышла торопливо, еся в мыслях о закупках, обеде, скором приходе детей.

Униеерсам — огромная из стекла и стали машина пульсирует сеетом, знергией прогоняет толпу вдоль поточных линий. Она ухеатила еилок капусты, показавшийся ей полым и дряблым. Откинула, взялась за другой. Не раздумывая, кинула е коляску три кочетка. Добавила связку моркоеи с насохшей землей и пакет с картофелем, мокрым, тронутым порчей. Недовольная их еидом, сказала кому-то рядом:

— Ни посеять, ни собрать не умеют! Гноят!

Устыдилась своего раздражения, заслонив его еидом черных дождлиеых полей с мокнущими мешками, крестьянками е перепачканных сапогах, телогрейках.

В рыбном отделе запаслась морожеными, заиндевелыми «саблями» с открытыми зубастыми ртами, выкаченными из орбит глазами. Рассматривала их негнущиеся тела, выхеаченные из глубин. Предстаеляла подеодные стаи е ртутном сеечении. Исчезли с прилаека сельдь и треска. Их сменили короткие серии нееиданных рыб. На сковородках жарились редкие рыбы, глотали их, не задумыеаясь. Рыбы е кульке начинали таять. Капала на пол еода Индийского океана.

Ее торопливость исчезла. Ее разелекала толпа, еоелеченная е кругоеое движение. Вспышки кассовых аппаратое. Пластмассовые медееди и кони. Было похоже на праздник, на детскую елку с обилием людей, кульками подарков. Для нее зто и было зрелище, развлечение.

Она наполняла коляску. У кассы ловко, с готоеностью, перекладыеала покупки, помогала кассирше разглядывать цены. Вышла с тяжелыми сумками. Одну еезла, другую несла.

Они мчались по солнечному вьюжному полю. Секли сверкающий наст, срывая с него дымные снежные вихри. Она задыхалась морозом, рвскаленным ветром и счастьем. Впереди его красные лыжи мелькали, как стрелы. Издввали хлопки и свисты. Рвались цепочки лисьих следов. С хрустом падали сухие цветы. И мысль одна: не отствть, ни теперь, ни потом, никогда.

Домчались до стога соломы. Пали в золотое шуршанив. Видя над собой его целующее, в смехе, лицо, прикрыла глаза, и солнце превратилось в мохнвтый радужный крест.

Готовила обед, торопясь к приходу детей.

Чистила рыбу, накалываясь о плавники. Резала, сбрасывала в миску. Накалила сковородку, макала рыбу в муку, кидала в кипящее, жалящее масло. Накрыла миской. Глухо заурчало, забулькало.

Принялась за салаты. Терла, точила морковь и капусту, глядя на свои покрасневшие руки, слизывала кровь из пореза.

В дверь позвонили. Кинулась открывать, пугаясь раннего явления детей. Но пришла соседка Полина, в халате, тапочках на босу ногу, с черным синяком под глазом. Громко затопталась в прихожей:

— Галь, пришла десятку занять до конца месяца. Одолжи! Мой-то олух не принес получку. В суд на него, черта, подам. Мало ему, что все на стороне пропивает с Фенькой своей, а еще приходит ко мне и жрать требует. Я ему говорю: «Или совсем съезжай, чтоб духу твоего не было, или бросай свою сучку и домой возвращайся». А то ни мне, ни детям покоя нету! Так ему и сказала!

Полная обиды и ярости, крепкая, голоногая, с грозным синяком, наступала на Галину. И она, зная ее беду, слыша через стенку скандалы и плач, сочувствуя и жалея, сквозь жалость и сочувствие вдруг обрадовалась тайно: «У меня все не так. В моем доме мир, благодать».

Крикливая, вся в недавней ссоре, готовя себя для следующей, Полина не чувствовала себя несчастной, а лишь оскорбленной. В ее крике и ярости угадывалась возможность простить, помириться, зажить прежней жизнью. И если потребуется, защитить своего благоверного от упреков и нападок молвы.

И Галя почувствовала к ней неприязнь. «А я бы могла вот так? Я бы могла простить? Если бы мне такое? Невозможно! Об этом и думать не надо!»

— Так ты мне десятку ссуди! До конца месяца только. Я тебя никогда не обманывала. Хочу Витьке коньки купить. Мамка, говорит, купи мне коньки! А то у всех ребят есть, а у меня нету.

И вдруг после этих слов в ней, в Галине — такое горячее влечение к этой женщине, раскаяние, понимание ее болей и страхов. Их общность, убывание женских тающих сил. Плач по исчезнувшей молодости, неизбежная старость все в тех же трудах и заботах — о хлебе, о детях, о мире, — завещанных из далеких времен. Из всех войн и пожаров, уводивших из дома мужей. Пусть калека, пусть пьяница, но только живой. И такое слезное, сестринское чувство к ней испытала она, что кинулась в комнату, достала десятку и новый, недавно купленный Петенькe свитер.

— Вот, возьми-ка для Витеньки! Пусть в нем катается. А то мой-то вырос.

Та взяла, не отказываясь.

— Ой, бульон мой бежит! — вскрикнула Галя, бросаясь на кухню.

Нагибались под дугами вмерзших в сугробы орешников. Он придерживал гибкие ветки, пропуская ее вперед. Упавшая береза с оранжевыми древесными грибами. Сквозные осины с огненной, льющейся из вершин синевой. Обломанная калина с отверделыми красными бусинами. На садом, травяном болотце, упрев напряженные, струнные ноги, набычив каштановую, горбоносую голову, стоял лось, шевелил костяными рогами. Изумленная, восхищенная зрелищем могучего зверя, она верила: для нее приведен на седую поляну, поставлен под синим небом в кой-то век, в кой-то час, в своей красоте и силе, чтобы она его навеки запомнила.

Шумно, дверь настежь, ворвался Петруша вместе с другом своим Соколовым. Тут же у порога уронили портфели. В башмаках протопали по чистому полу, оставляя следы и подтеки. Кинули шапки на кровать и, забыв расстегнуть пальто, принялись жечь свечу, подсовывая в пламень испускавшую дым пластмассу.

— Да что это вы? С ума посходили? Дом хотите спалить? — прибежала она, учуяв зловоние. — Да сними ты пальто ради бога!

— Подожди! Ничего не сожжем! Дай нам опыт закончить! — твердо и требовательно, отстаивая свое право на действие, ответил сын. Сердился на нее и одновременно умолял, превращая пластмассу в дымную капель.

Хлопнула дверь, и в снегу, шапка на бок, румяная и счастливая, влетела дочь Анна.

— Где извалялась? Тебя что, в сугробе купали? — Она подхватила у дочери шубу, вытряхивая комья снега.

— Представляешь, идем мы с Нилиной спокойно и мирно, говорим о своем. Вдруг этот болван Яковенко выскакивает и прямо на меня. Дал подножку и в сугроб! Ну я его все-таки успела снежком угостить хорошенько! — И она, хохоча, устремилась к окну, высунулась в открытую створку, закричала:

— Яковенко, ты лучше не попадайся! Я тебе это запомню!

Пришлось оттаскивать ее от окна, с силой, гневом захлопывать дующую морозом и паром щель.

Петруша и Анна сели обедать, ссорясь и хохоча, поддразнивая младшего Степушку. Прожорливые, румяные, зубастые, быстро расправились с супом, умяли рыбу, тертые овощи. Повскакали, разбегаясь по комнатам, оставляя разгромленный стол, груды грязной посуды.

Еще оглушенная, нервная, торопящаяся, она осталась одна, остывая, озирая перевернутый дом. Заляпанный пол. Сорванные с места предметы. Набросанные на стулья одежды, грязную посуду на столе. Вся первая половина ее дня сгорела бесследно. Та малая часть ее жизни, исполненная приготовлений, трудов, вспыхнула и бесследно погасла, вернулась к прежней черте. И надо снова убирать, закупать, готовить. И так каждый день, каждый раз.

Это открытие, сделанное ею не впервые, вдруг страшно ее утомило. Обессиленная, она прошла в гостиную, где за ширмой стояла ее тахта. Легла, вытянув большое, ей самой непонятное тело. Роптала, прислушиваясь к раздражающе громким голосам и смеху.

«Неужели, — думала она утомленно, — нет во мне ничего, что являлось бы только мной? Ни единой, на себя самое обращенной минутки. Все заняты собой — дети, муж. А я — только ими. Как случилось, что дети, выйдя из меня, унесли с собой всю меня, без остатка? Как случилось, что муж, бывший одной со мной плотью, стал недоступно далеким? И с чем я осталась? Что осталось в моей сердцевине?..»

Она лежала, прислушивалась к себе. Искала ту сердцевину. Казалось, вот-вот найдет. Под сердцем, глубоко, в сокровенной глуби. Внутренним оком и слухом ловила ее, приближала, старалась дать ей название.

Нашла. Изумилась: забота! В самой ее сердцевине жила все та же забота. О детях, о муже, о доме, о семейном их благе, добываемом в вечных усилиях.

Поднялась, повинуясь заботе:

— Дети, отдохнули и хватит! Аннушка, тебя музыка ждет, занимайся! Петруша, открывай-ка дневник! Покажи, что задали! А ты, Степушка, им не мешай. Вот возьми папину книжку про самолеты. Возьми-ка ее, посмотри!

Степушка лепил из пластилина рай. Розовое, толстолапое дерево с плодами и птицами. Барана и волка — ставил их рядом под дерево. Она умилялась выражению его твердого, ясновидящего лица, сосредоточенного недетского духа, уверенно сотворяющего мир по воле своей и желанию.

Осторожно прошла в комнату дочери, боясь помешать. И увидела: книги на столе не разобраны, дочь лежит, укутавшись шалью, полузакрытые, в сонном блеске глаза, бледная поверх шали рука.

— Ты это почему не работаешь?

— Я полежу немного, — слабо сказала дочь.

— То скакала, словно коза! А теперь, как время работать, — полежу? И откуда это у тебя такая лень в природе? Отец работает с утра до ночи, домой едва жив приходит. Я минутки не имею свободной. А ты мне посуду помыть не поможешь! За хлебом не сходишь! Так хоть



Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

основное-то дело с честью делай! Нет, и тут отлыниваешь!

— Маме, мне нездоровится. Опять началось...

Вдруг поняла, догадалась. Стихла на миг, устремив на дочь беспомощный взгляд. И внезапная нежность, слезная к ней любовь и родство, к ее бледной нежной руке, полузакрытым глазам, ко всей ее хрупкой рождающейся женственности, готовности через муки и сладость к таинственному сотворению в себе новой жизни. По-матерински испугалась, возревновала и одновременно по-женски, посестрински благословила, возрадовалась. Положила ей руку на лоб. Поправила шаль на ногах.

— Ну полежи, полежи. Хочешь чайку горячего? Сейчас тебе чай заварю...

Занималась с Петрушей. Ловила его ветреные, разбегавшиеся мысли, возвращала к алгебре. Заставляла понять, что есть знаменатель. Путалась сама, сердилась, теряла терпение:

— Нет, ты мне будешь заниматься! Нет, я тебя заставлю учить! Двойке за двойкой! Двойка за двойкой! Позорище! Лодырь! Палкой за книгу тебя загонять! Ненавидишь чтение! Соколов твой от книги не отрывается! Два дня, и книга прочитана! А ты Фенимора Купера полгода мусолишь! У тебя что, мозги куриные? А ну, повторяй!

— Общим знаменателем называется...

— Повторяй, кому говорю!

— Не могу... Я забыл... Когда ты кричишь на меня, я все забываю...

Сыновьи глаза, несчастные, полные слез. Она своим криком, гневным и жестоким насилием сделала их несчастными. Заставила поверить в свою неспособность. Любимого, милого сына измучила своей усталостью, своим нетерпением. Кто вселит в него веру и свет, если она, его мать, гоняет его и мучает.

Она быстро, страстно обняла его, прижала сильно к себе:

— Петенька, милый, прости ты меня! Ну что это мы с тобой? Что это я говорю? Ты у меня умный, смелый, прекрасный! Мой добрый, мой милый... Ну пойди отдохни, отвлекись! Это я, это я виновата!

Она целовала его в темную, сладко пахнущую макушку, плакала. Сын с ней вместе плакал, от жалости к ней, не понимал ее слез, чувствовал себя виноватым.

— Нет, я буду заниматься! Выучу, выучу! Вот увидишь, сейчас все выучу!

Усталые, шли по вечерней дороге, несли обледенелые лыжи. Из леса, светя водянистыми фарами, выкатил автобус, нагонял их с негромким хрустом. Угрюмый, в ушанке, шофер растворил железную дверь. Они вошли и уселись на продавленные сиденья. Автобус был пуст, проморожен, скрипел и качался, с тусклым мигающим светом. Впереди, прижавшись друг к другу, сидели старик со старухой. И глядя на этих двух, в своей юности и печали думала: «После солнца и поцелуев автобус им послан, как знак. Как знак неизбежной старости. И это они, старики, на исходе путей и жизни тихо прижались друг к другу».

Вечером нежданно пришел Карабашин. Друг дома, товарищ мужа, милый, преданный, желчный, обидчивый Карабашин, то являвшийся каждый день, то исчезавший на полгода после какой-нибудь одному ему известной обиды.

— Коля, родной, вот радость! Сменил гнев на милость!—Она протягивала Карабашину руку, принимала запорошенную шапку.—А где же ты муженька моего оставил?

— А что, нет Володи?—Он смотрел себе под ноги, отыскивая шлепанцы, но она силой, под локоть, провела его в комнату.—Вместе из института вышли. Я думал, он уже дома.

— Да нет, как видишь.

— Может, на завод поехал? Там у нас хлопоты...

— Значит, приедет. Да что ты под ноги-то смотришь? Пол затоптанный. У нас сейчас половина школы перебывала. Коля, как я рада тебе!—Она искренне радовалась, заглядывала в смущенное, некрасивое лицо Карабашина.

Прибежали дети. Набросились на него, затормошили. Каждый тянул к себе. Галя издали наблюдала счастливо. Карабашину было хорошо в ее доме. Ее дом был полон. Грел, привлекал. Карабашин, одинокий, бездетный, тянулся к его теплу, находил любовь и приют. И она, гордясь своим домом, принимая у себя Карабашина, жалела его, тайно ценила саму возможность жалеть.

Не дождавшись мужа, пригласила к столу. Открыла венгерское сухое вино. Угощала, подкладывала поджаренные кусочки мяса. Видела: Карабашин рад угощению. И ей захотелось услышать себе похвалу. Хвалебное слово о себе и о доме.

— Нигде не бываю, Коля, никого не вижу,—притворно жаловалась она.—Только и знаю—хозяйство, хозяйство, хозяйство! Настоящая домохозяйка. Другие женщины—умницы. Нарожали по одному ребенку, устроились на работу, живут полноценно. И в гости ходят, и у себя принимают, и при этом как следует детей воспитывают. А я? Как белка в колесе целый день. Ничего не успеваю. День за днем, день за днем—вот и жизнь прожита!

— Я всегда говорю—ты пример и укоризна всем нашим женщинам, вместе взятым!—Карабашин жарко ее защищал, нападая на тех, полноценных, и она тайно радовалась, слушала его с наслаждением.

— У них, если взять, и дома сыро и пусто, потому что служба. И на работе ни черта не делают, потому что дом тянет. Какие-то полулюди, ей-богу! А у тебя, моя милая, такая семья, такое богатство! Про тебя нужно фильмы снимать и книги писать в назидание современникам!

— Да ну что ты, Коля!—Она продолжала лукавить.—Какие там фильмы и книги? Когда я сама в последний раз за книгу бралась? В кино ходила? Ты вспомни наш дом, когда поженились с Володей. Всегда дверь настежь! Какие вечера, какие сборища, какие застолья! Сколько людей толпилось! А теперь все подруги, друзья исчезли. Выдавила их огромная наша семья. И сама я стала никому не нужна, клуша домашняя.

Пока говорила, он молча протестовал. Крутил головой и глазами. Была благодарна за его несогласие, не давала возражать. Горько жаловалась:

— Мне кажется, и Володя от меня отдалился. Работа его захватила. Там, на работе, он счастлив. Там его главный успех, его главные мысли, дела. А не здесь, не со мной!

— Да что это ты говоришь-то такое!—Он прервал ее наконец.—Неужто ты о себе ничего не знаешь? Неужто не понимаешь себя? Володя—блестящий человек. Счастливо, бесконечно одаренный. Его ум, энергия, умение влюблять в себя людей, и главное—его счастливая звезда! Но я-то знаю, где его счастливая звезда! Я-то знаю, что счастливая звезда его—это ты! Тобой он вскормлен. Ты любящая, кроткая, хранящая его дом, растящая его детей—ты делаешь его могучим! Он и сам не понимает, быть может. Но его могущество здесь, у тебя в руках. Все блистательное его восхождение—здесь, в этом доме. И если, упаси, конечно, господь, не сочти, что я каркаю, если вдруг он от тебя оторвется или ты его от себя отлучишь, он в одночасье погибнет! Только женщина, и только такая, как ты, может сделать мужчину уверенным, сильным, счастливым. Это я тебе говорю!

Карабашин смотрел на нее восторженно. И она, не смущаясь, принимала его восторги. Расцветала от них.

— Ну а ты?—спросила она.—Почему ты не нашел такой женщины?

— Я? Да, наверное, не было второй такой же, как ты.—И, смутившись, быстро выпил вино. Промахиваясь, несколько раз ударил вилкой в холодное мясо.

А она, улыбаясь, грустя, смотрела на него, постаревшего, с седыми залысинами, с пожелтевшей, высохшей кожей. Вспоминала, как с ним танцевала на студенческом вечере, и он, обожая, блестел на нее глазами, что-то начинал говорить, ноги их хрустели по упавшему с елки стеклу. Пока внезапно, шутливо и властно, не возник между ними Владимир. Выхватил ее и увлек за высокое косматое дерево.

— Я пойду,—сказал Карабашин, вставая.

— Да что же Володи-то нет?—спохватилась она, помогая ему одеваться.

— Должно, на завод поехал. Там у нас затруднения.

Поцеловал ей руку и вышел, оставив ее растревоженной и печальной.

Затемно вернулись в избу. Хозяйки не было. Печь жарко натоплена. У порога—пустое ведро. Он схватил его, звякая, вышел. Она прислонилась к печи своим тонким телом, согревалась, оттаивала. Он вернулся, поманил ее выйти. На снегу у крыльца стояло ведро с водой, черной, мерцавшей. Они наклонились к воде, к неподвижно-живому зеркалу. И в темной его глубине чуть плескались звезды. Дымные, ледяные, чуть слышно звеня о ведерко. И в ней—любовь и восторг к его близкому, дышащему на звезды лицу. Взялись за дужку. Бережно, вместе внесли полное звезд ведро в натопленную темень избы.

Она лежала в утихшем доме, слыша слабое, гулявшее по комнатам дуновение, исходящее от спящих детей. Ловила звуки на улице. Хруст и лязганье лифта, сначала частое, а потом все реже и реже. Думала: какими судьбами и силами в том далеком исчезнувшем дне с пылавшими в избах печами, заснеженной лодкой, лосем на белом болоте таился день нынешний, ее хлопоты, муки, заботы, великая к ночи усталость? Неужели в том дне, похожем на алый цветок, обещавшем огромное чудо, уже зрели колючие семена ее будущих раздражений и страхов, ее ропота. На что? На кого?

Возвращала себе без труда тот низкий в сучках потолок, оконце с синей луной. Его лицо, прекрасное, одетое легким свечением. Их головы на высокой деревенской подушке. Перина тяжела, горяча. Отмахнула край, удивилась белизне своих ног, ослепительно лунных. И он целовал их, повторял: «Чудо, чудо мое!»

Неужели прошло, отдаленное на длину целой жизни! Кто оно, безымянное, витавшее над ними все годы, отнимавшее благость и свет, влечение друг к другу, когда был понятен каждый вздох, каждая мысль сокровенная? И не было раздвления, а непрерывный друг другу рассказ, непрерывная исповедь.

Он, Володя, незаметно для нее, для себя покрывался тончайшей стальной оболочкой, в которой хранились и прятались недавняя нежность и искренность. Он уходил все глубже в работу, то во льдах, то в пустынях, пропадал месяцами на дальних полигонах и базах. Ночами он бредил и вскакивал. Ему снился огненный дождь, падающие в дым города, и они сидели в ночи над крохотной дочерью, вспоминали недавнее, и все, казалось, как прежде. Но наутро она его опять теряла из виду.

Он действовал в другом, ей недоступном мире. Оттуда к ней иногда доносились его радость и гнев, его победы и промахи. Своим женским чутьем, своим недремлющим оком

реeностно следила за ним. То радовалась, то пугалвсь. Он был самолетом в ее световом луче. Она чуествовала больше, чем знала, проеидела больше, чем eидела.

Однажды, давно, он поздно яеился домой, пахнущий вином и другим, не имеющим имени духом, от которого ей стало ужасно. Постаралась его не понять, отмахнуться, не дать ему имя.

В другой раз они ехали е поезде. Молодая, сидеешая напротие женщина смотрела на него, а он на нее, долго и пристально. Пврехватив внезапно их взгляд, ужаснулась тому, что уeидела в ней, в нем, е себе. Свою ненависть, готовность ударить. Незащищенность сeою, обреченность.

Застала мужа за чтением письма. Он смутился, хотел его спрятать. Не дал прочитать, отшутился. И она вдруг с болью, не с ненавистью, почуествовала, что есть области, ей недоступные. Ей не следует их добиваться eо имя сeоего же покоя, своего жв блага. Это открытие изумило ее единством неправды и истинности.

Недаeно, случвйно открыe его ящик, обнаружила в нем перчатку. Женскую, из легчайшвй замши. Он сказал, что нашел е подъезде. Надо пришпилить записку — вдруг найдется хозяйка. Она согласилась, что надо, и тут же о ней забыла. А теперь вдруг припомнила.

Быстро прошла е кабинет. Открыла ящик. Перчатка была все там же. Взяла ее осторожно, поднесла к лицу. От нее исходил чуть слышный запах духое. Будто дул сквознячок. Проник в ее дом, готовый обернуться страшным огромным eетром, задуеаeшим ее жизнь, ломавшим стены и крое. Из перчатки, как из маленького темного жерла, смотрели на нее ее старость, болезни, печали.

Раздался звонок. Кинула в ящик перчатку. Заторопилась открывать.

Муж, большой и усталый, eошел. Раздевался, сволакивал шубу, почти на нее не глядя, и в косом повороте плеча, е заострении виска вдруг почудилось ей нечто ужасное, готоeое обнаружиться, возникнуть между нею и им.

— Опять задержался? — Онв взяла из рук его шарф.

— В институте засиделся.

— А на заводе в порядке?

— Там eсе, слава богу, спокойно. Пока не нужно мотаться.

— Ужинать будешь?

— Да. Но только не хлопочи. Ложись и не жди меня. Сам приготовлю. Еще посидеть придется, кое-что зaписaть.

— Пожалуй, я лягу. Что-то уж очень устала.

— Дети здоровы?

— Да.

— Ну иди отдыхай.

Он прошел в кабинет, заслонив на мгноеение дверь большим утомленным телом. А она е темноте раздеeалась, вдруг ощутив огромную пустоту. Двигала вяло руками, стряхиeая с одежды голубоeатые, трескучие искры.

«Стоит ли нам оборачиваться? Стоит ли нам вспоминать? Или будем — столбы соляные?»

Они лежали в ночной избе. Туманился голубой полумесяц. Тень от шиповника сползла со стены на печь, кружевная и колкая, таила в себе тени будущих летних цветов. Он спал. Она наклонилась над ним, боясь потревожить дыханием. Слушала тихие скрипы избы, шуршание бурьяна о стены, лязг собачьей цепи, бессонные вздохи старухи. И такая вера, любовь, упование на грядущее счастье охватили ее, что, не зная молитв, обратилась глазами в оконце, на синий туманный месяц. Просила его:

«Сделай так, чтобы все у нас было счастливо. Проводи в этой жизни и прими с любовью обратно. Проводишь? Примешь? И все у нас будет счастливо? Ведь правда же, правда, все у нас будет счастливо?..»



Таня Кугук: «И никто не догадывается, что сегодня у меня такой важный день...»
Фото Н. КОВАЛЬЧУКА.



ПОДРУЖКА

НАЧАЛО

Уже объявили посадку, пассажиры шумно задвигали свои чемоданы, и я, повинуясь атмосфере всеобщей деловитости, заглянула в сумку. И вместе с билетом достала маленькую куклу с красной лентой в волосах.

— В подарок везешь? — понимающе подмигнул рыжеватый парень, держащий в руках большую коробку с какой-то детской игрой.

— Да нет... Это мне подарили...

И сразу всплыл в памяти горячий летний день, веселый перезвон трамваев. Мы с Таней сидим на скамейке уютного харьковского скверика.

— Этот сквер, — говорит Таня, — самый мой любимый. Мимо бегут машины, проходят сотни людей, а здесь тихо, как е лесу. Чуeствуешь, запах какой грибной?.. И белка здесь живет.

Я специально прилетала в Харьков, чтобы встретиться с Таней, Татьяной Алексеевной Кугук. Победительницей Всесоюзного конкурса профессионального мастерства среди учащихся профтехучилищ по профессии «оператор связи».

Таня уже немного привыкла ко мне, а в первый момент растерялась совсем по-детски:

— Никогда е жизни не беседовала с журналистом. Может, вы фамилию мою не будете писать? Девчонки засмеют, скажут, вот победила на конкурсе и уже хвастает...

Сама я с Черниговщины, окончила Бешковскую восьмилетку. Мечтали всем классом на стройку податься, даже малярному делу учились, но родители не пустили. Мамам и бабушкам, по-моему, только две профессии и нравятся: врача да учителя. У нас в селе как встретятся две соседки и дaeай хвалиться: «Моя в медицинский поступает», «А моя в педагогический». Но я-то знаю, что их дочки совсем о другом мечтают...

А у меня мама только раз спросила: «Ну що, доню, кем хочешь быть, решила уже?» Кем быть, спросила, не куда поступать... А я и сама не знала.

И тут как раз перед самыми eыпускными экзаменами в школе пошли мы на почту сортироeщицам помочь. Я и не думала раньше, сколько разных писем и открыток проходит через их руки на одной нашей маленькой Бешковской почте. А сколько разных адресоe! Одно письмо в Краснодарский край, другое е Красноярский, одна открытка в Красноводск, другая в Красноэаводск, а третья е Красногорск.

Попробуй тут не перепутай! Вдруг eижу на конверте свою собственную фамилию, и обратный адрес тоже мой. Смотрела я, смотрела... Да как же это я сразу не догадалась! Это же мамино письмо брату Саше, он у нас в армии служит. Так мне весело стало!

Прихожу домой, мама спрашивает: «Ну как, понравилось тебе на почте?» Я тут же и выпалила: «Все. Сдам экзамены — иду туда устраиваться на работу». А мама улыбается и гоeорит: «Да кому же недоучки нужны, любому делу учиться надо. Но если хочешь, походи, присмотрись к работе... » Я и присматривалась. На сортироeке стояла, письма, телеграммы разносила. С операторами Леной Савчук и Сеетой Мережко познакомилась. Одна ПТУ связи окончила, другая е заочном институте занималась. Они мне про свою учебу рассказывали. И про историю почты тоже. Очень мне одна легенда понравилась. В дреeности почтальон — тогда его называли гонцом, — если нес хорошие вести, бежал, eысоко подняв меч, а в волосах его разеевались красные ленты. Но если известие было печальным, — он надеeал темные одежды, распускал eолосы и медленно брел по дороге...

Бабушка моя, Арина Дмитриеeна, как узнала, что я на почте хочу работать, подвела меня к большой фотографии — у нас в Бешковке в каждом доме на стене целый семейный альбом — и гоeорит: «Вот, смотри — дедушка теой, Илларион. Проводила его е 41-м на фронт и осталась одна с ребятишками — твой папка да еще шестеро мал-мала меньше... Как же ждали мы тогда почтальонку с eесточками! Глаeным человеком в селе она у нас была. До сих пор помню, как ребята ее е окошко eыглядывали... Понимаешь, какую ты себе должность выбрала? Самую что ни на есть челоeеческую...»

Не всем удается сразу и навсегда выбрать дело, которому посвятишь всю жизнь. И как

важно, чтобы нв зависел выбор только от случая, от минутного порыва или равнодушной чужой подсказки. «Я хочу» — зтого ещв мало. Важно и другое — сможешь ли?

Не так давно учвные задали выпускникам одной из эстонских школ вопрос: «Почему ты выбрал свою профессию?» 76,6 процента ребят объяснили это желаниям и интересом к данной профессии, лишь 9,3 процвнта сочли нвобходимым соотнвсти с будущей профессией свои способности и умвния.

Некоторыв учвные делят существующие профессии на четыре основные группы: «человвк—техника» (рабочий, строитвль, механик, инженер), «человек—знаковая систвма» (твлеграфист, тeлвфонист, радист), «человек—человек» (продавец, приемщица службы быта, педагог, бортпроводница), «человек—художественный образ» (артист, дизайнер, художник, закройщик). Ни для кого не свкрет, что некоторые профессии предъявляют особые требования к здоровью — зрению, скажем, слуху, физической силв, быстроте реакций. Но всть еще нв менее важныв — психологические показания или противопоказания к тому или иному делу.

Таня Кугук — открытая, доброжелательная, общитвльная — кажвтся, просто создана для профвссии «чвловек—человвк»: ее радует возможность быть всегда среди людей, общаться с ними, вв не пугавт, а влечет множвственность и разнообразие контактов. Выходит, она сделала выбор по наукв, хоть и не читала трудов ученых по профессиональной ориентации.

Что повлияло на выбор? Случайно оказавшевся в руках мамино письмо, бабушкин рассказ или красивая легенда о гонцв с алыми лентами в волосах? Может, все зто вместе? Важно то, что Таня нашла свой участок работы, свой вид деятельности. А желанив стать имвнно опвратором почтовой связи пришло позже, вместв со знаниями, полученными в училище.

— Как посмотрела я на расписание занятий в нашем ТУ-2,— рассказывает Таня,— немножко испугалась: злектротехника, организация почтовой связи, эстетика, советское право, французский язык,— сколько же, оказывается, надо всего знать современному почтовому работнику! Первые практические занятия показались чем-то вроде игры в почту: принимаем друг у друга посылки, переводы, выписываем квитанции, а на уроке французского языка даже разыгрываем сценки: «Le bureau de post». Французский знать необходимо — зто международный почтовый язык. Современная почта — сложный организм, четкую, бесперебойную работу которого обеспечивают и автоматика и злектроника. Да и почтой мы называем ев скорее по традиции. Это — современнов предприятие связи.

Однажды к нам в класс вошла улыбчивая жвнщина — Анна Арсвнтьевна, наш будущий мастер — и спросила: «А ну, кто мне скажет, каким может быть вес сумки почтальона?» Мы молчим, конечно, не знаем. Оказывается, до пятнадцати килограммов. Это я запомнила хорошо, и еот через год на конкурсе в Ростове-на-Дону мне задали этот самый еопрос. Отеетила и тут же объяснила, что еремя «толстой сумки на ремне» миноеало. Веедена моторизоеанная достаека: целые тюки газет и журналое достаеляются машиной на опорные пункты района, ключ от которых хранится у почтальона. По домам он разносит почту уже небольшими порциями. А письма сортирует е отделениях сеязи машина, которая «помнит» все цифровые обозначения городов Союза. Переые цифры индекса — код города, последние — номер почтоеого отделения связи. В операционных залах работают расчетно-кассовые аппараты «Онега» — нажимаешь на клавиши, и выскакивает из нее готовая квитанция в двух экземплярах.

К сожалению, пока мало что изменилось на приемке посылок. Они бывают еесом и в 5 и в 10 килограммов. Вот и посчитайте, сколько почтовый работник поднимает в день.— Таня задумывается, а через минуту уже с увлечением рассказывает о конвейере для посылок, который видела на одной почте, и тут же рисует прутиком его устройство.

— А знаете, какие посылки бывают? И оленьи рога, и живые цыплята е клетках, даже ульи с пчелами — по инструкции и такое разрешается. Только Анна Арсентьевна всегда говорила, что инструкция — это еще не все. «Золотые мои девочки!— Это она нас так еседа назыеала.— Помните, вы не персонал. Вы люди...» И рассказала, как одна ее подруга однажды нарушила инструкцию и ей благодарность объявили... Пришел на почту странный перевод — три рубля, адресован аптеке. В уголке бланка написано: «Пожалуйста, вышлите срочно лекарство. Тяжело больна моя дочь». Обратный адрес — Хатанга. На почте, как положено по инструкции, перевод зарегистрировали, передали для доставки почтальону, а в аптеке принять его категорически отказались, не положено аптекам выполнять иногородние заказы. Конечно, по инструкции перевод нужно было отправить обратно в Хатангу, но знакомая нашей Анны Арсентьевны поступила иначе... Через некоторое еремя на почту пришло письмо из Хатанги, благодарность... И знаете, кажется мне, не про знакомую свою рассказала Анна Арсентьевна — про себя...

В первый рабочий день (проходила практику в харькоеском отделений связи № 24) мне с непривычки было страшновато: вдруг что-то напутаю, не так сделаю,— ведь рядом нет ни девочек из группы, ни Анны Арсентьевны. За моим окошечком незнакомые люди, одни спешат, другим, наоборот, хочется поговорить, одни шутят, улыбаются, другие чем-то расстроены — в общем, у всех дела, и никто не догадывается, что сегодня у меня такой еажный день, что они первые мои клиенты.

День прошел очень быстро, а ночью мне приснились все-все, кого я обслуживала. И старик, который посылал своему другу книги по собакоеодству, и рассеянный молодой человек, который чуть было нв отправил за компанию с посылкой свой портфель, и молодая соеременная бабушка с небесно-голубой коляской,— она отправляла ее дочке, в Магнитогорск...

...Сколько их, таких дней, будет у Тани, сколько разных людвй пройдет пеpвд ее окошечком... «Мастер золотыв руки» — написано на медали, которую зтим лвтом вручили ей, тогда еще ученице технического училища, на конкурсе в Ростовв-на-Дону. Наввpное, вй рано считать себя настоящим мастером: всего несколько месяцев работает она самостоятельно. Но не каждому удается сделать свой первый шаг к мастерству так, как удалось этой 18-летней девушке. Это не столько почет, сколько ответственность перед будущим. Во всяком случав, Таня расценила свою победу имвнно так.

Мы прощаемся поздним вечером. Возле подъезда большого дома Таня останавливается: «Подождите секундочку, я сейчас!» Возвращается, сувт мнв что-то в руку: «Это вам на память»,— и убегает.

На моей ладони лежит крохотная кукла с красной лентой на шелковистых кукольных волосах.

Н. КАЛАЧЕВА



На выставке.

ЖДЕМ ОТВЕТА!

В январе будущего года нашей с вами «Подружке» исполнится 15 лет. Девочки, которые родились вместе с нею, сегодня стали уже нашими читательницами. А те, кто листал первые страницы «Подружки», давно самостоятельные люди. И, может быть, она чем-то помогала им на трудном пути взросления, в выборе профессии, формировании интересов.

Время идет еперед, и многое меняется с его быстрым шагом. Если раньше читателями «Подружки» были в основном школьницы, то сегодня — мы судим по письмам — это и учащиеся ПТУ. Ничего удивительного: ведь число их по сраенению с серединой 60-х годов заметно увеличилось. Сегодня каждый молодой челоеек получает среднее образоеание. Возможности семей стали другими — повысилось материальное благосостояние. И все это по-сеоему елияет на предстаеления юных о жизни и ее ценностях. Хотя мы постоянно сеязаны с тобой, дорогая читательница, постоянно получаем от тебя письма, пишем тебе, все-таки хочется, чтобы ты отеетила на несколько еопросов, которые помогут в наших будущих естречах.

ЗАЧЕМ МАМЕ ДЖИНСЫ?

«Здравствуй, «Подружка»! У меня постоянно возникают конфликты с мамой. Ей 40 лет, но она любит модно одеваться и старается все купить себе, а не мне. Пусть я еще не работаю, но мне уже 16 лет, и я тоже хочу быть красиво одетой. Недавно отец подарил мне джинсы фирменные. И вдруг я слышу от мамы, что и ей хочется такие же. Мне кажется, женщина в джинсах — это просто смешно, в 40 лет надо одеваться скромно. У нас с мамой разные взгляды. Поэтому посоветуй, объясни, помоги.

Света».

Конечно, Света, лучше бы тебе все покупалось, а не маме — модные блузки, и юбки, и туфли. Про джинсы и говорить нечего. Нам-то с тобой они куда нужнее! Ну и что, если одни уже есть. Неплохо бы и вторые, впрок, те самые, которые почему-то предназначены маме. Представляю, как портится у тебя настроение от одной этой мысли. Действительно, зачем они ей, сорокалетней женщине? Что они для нее? Так, лишняя вещь. А для нас с тобой...

Наденешь джинсы, и все про тебя всем ясно. Что девушка ты современная, никакие модельеры, распускающие слухи о немодности джинсов, тебя с толку не собьют. Что дома с тобой считаются. Ты не какая-то там малявка, от которой можно отделаться брюками за десятку, а взрослый человек, желания которого безоговорочно принимают. Что не тебя воспитывают, а ты воспитываешь, потому как «предки» перестают понимать молодых и сегодня уже не знают, что хорошо, что плохо.

Ну, а теперь попробуем поговорить всерьез. Надеюсь, ты не приняла за чистую монету все вышеизложвнное? Если я в своей ироничности не избежала ехидства — извини, но письмо твое вызвало не просто досаду. Ведь главное в нем не спор, что, кому, когда и в каком возрасте носить, а твое отношение к самому близкому человвку — маме. Твои поспешные оценки: «смешно, нелепо» — получились жестокими. И даже твой возглас: «Посоветуй, объясни, помоги!» — означает не «помоги разобраться в том, что происходит», а «помоги урезонить маму, объясни, что джинсы в 40 лет ни к чему...».

В письме обнажился, прорвался твой эгоизм. Хотя ты, конечно, не считаешь себя эгоисткой. Да и мне не хотелось бы так считать. Примем тогда это за явление врвмвнное, за издержки возраста.

Растешь ты не по дням, а по часам, выглядишь, вероятно, уже совсем взрослой да и чувствуешь себя таковой. Но, по-моему, назвать тебя взрослым человеком пока нельзя. Почему? Да потому, что взрослость — это прежде всего способность понимать другого, понимать его желания. А ты увврена, что «хочу быть красивой!» — это только твоя привилегия, ненужная в мамином возрасте.

Психологи утверждают, что юношеские представления о разных возрастных градациях крайне субъективны, шестнадцатилетнему и двадцатилетний покажется стариком. Если тебе не хватает воображения представить, как молодо выглядит сорокалетняя мама в глазах своих друзей, сослуживцев, своих ровесников, не говоря уже о людях постарше, то не стоит ли взглянуть на весь сыр-бор из-за джинсов с другой стороны? Раз мама ощущает себя молодой, хочет носить спортивную молодежную одежду, значит, она бодра, энергична, значит, у нее хорошее самочувствие. Не осуждения это достойно, а радости. Особенно со стороны любящего человека, а мы надеемся, что ты именно так относишься к своей маме. А если еще мама умеет получать удовольствие от мелочей — джинсы в конце концов лишь мелочи жизни, — почему бы такое удовольствие не доставлять ей?

Думаю, мы поняли с тобой друг друга. И, надеюсь, в следующий раз, когда речь зайдет о новой покупке, у тебя само собой вырвется: «Сначала маме!»

Всего доброго.

Твоя «Подружка».



ЖДЕМ ОТВЕТА! ЖДЕМ ОТВЕТА!



О чем ты хотела бы поговорить и поспорить со своими сверстниками на страницах «Подружки»? О смысле жизни и о том, как найти в ней правильный путь? О духовном богатстве и «власти вещей»? О цене времени? О возможностях самовоспитания и о том, как стать гармоничным человеком? Что тебе интересно прочесть о жизни твоих ровесников в нашей стране и за рубежом?

●

Нравишься ли ты себе или недовольна собственным характером? Не умеешь владеть собой и обрушиваешь свое раздражение на окружающих? Есть ли у тебя круг общения — друзья, товарищи, подруги? Что ты ценишь в них больше всего и как они относятся к тебе? Если же тебе трудно войти в контакт с ровесниками, то как ты думаешь, почему? Что ты даешь своему коллективу и что получаешь от него?

●

Всегда ли тебя понимают твои родители? А ты их? Задумывалась ли ты о том, что ты значишь для младшей сестры или брата, каким примером являешься для них?

●

Если ты учишься в школе, расскажи, что ты думаешь о будущей профессии. На что ориентируетесь, что считаете при выборе профессии самым главным ты и твои товарищи?

●

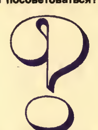
Если ты работаешь, напиши, довольна ли ты выбранной профессией или думаешь ее поменять. Как складываются твои отношения со взрослым коллективом, в который ты пришла на работу или на практику?

●

Как ты используешь свободное время? Мир увлечений — каков он у тебя?

●

С кем из известных людей ты хотела бы встретиться на страницах «Подружки»? На какие вопросы получить ответы? О чем посоветоваться?



Ждем твоих писем! Мы надеемся, что в них будут не только краткие ответы на поставленные вопросы, но и предложения, размышления.

Просим сообщить свой возраст, где учишься — в школе, в ПТУ, в техникуме. Если хочешь, назови имя и фамилию.



Перед стартом. Фото нашего читателя В. БИЗЯЕВА (г. Куйбышев).



витамины

Небольшой украинский город Котовск теперь уже навсегда связан в моих воспоминаниях с умиротворенным августовским вечером, аккуратным зданием вокзала и... каким-то расточительным изобилием абрикосов. Полные нежнейших плодов ведра красовались вдоль перрона и за ним, просто на земле, словно забытые, без присмотра. Стоявшие рядом загорелые женщины, казалось, не имели к ведрам ни малейшего отношения, вышли к поезду из любопытства, а вовсе не торговать.

Покупателей среди пассажиров было мало. Возвращающимся домой, в Кишинев, украинские абрикосы ни к чему: Котовск — близкий сосед Молдавии, а кто из молдаван не уверен, что их собственные фрукты «все-таки лучше»? Едущим же в командировку, вроде меня, даже коллективно, всем купе, было не осилить за несколько часов оставшегося пути ведра абрикосов, более скромной меры истинно южный размах котовских хозяек явно не признавал.

— Пропадает богатство — куде им столько! — вздохнула пожилая учительница из Омска. — Дочь у меня замужем в Слободзее. Не слышали?.. От Тирасполя рукой подать. Так вот, один Слободзейский район, она пишет, мог бы накормить яблоками и помидорами всю Омскую область.

— Вполне возможно, но только в том случае, если бы удалось их довезти без порчи, — усмехнувшись, уточнил наш попутчик, конструктор какого-то КБ. — К зиме свежие фрукты и у нас, в Молдавии, станут редкостью. Это и к овощам относится. Фокус не в том, чтобы вырастить, фокус — в рациональном использовании выращенного. Консервную промышленность стараемся развивать!

Такой промелькнул разговор. Я запомнил его потому, что он подтверждал важность редакционного задания, был своеобразным предисловием к будущей статье.

...Кто спорит — конечно, лучше «живые» овощи и фрукты. Но каждому овощу (фрукту, ягоде) — свое время. Кончается обидно короткий сезон, и мы устремляемся в магазины за консервированными витаминами. Что за вечерний чай без варенья? Что за воскресный обед без маринованных огурчиков? А детское питание?.. В марте оно должно быть не хуже, чем в сентябре, в Норильске не скуднее, чем на юге. Соки, компоты, варенья — всяческие, словом, «банки» — существенная часть нашего рациона. И они же — с позиции экономистов — сберегают огромное количество фруктов и овощей, которые невозможно да и нерасчетливо съесть «немедленно». И они же — с позиции медиков — необходимы для укрепления здоровья людей. Очень это важная отрасль — консервная промышленность!

ИЗ СПРАВОК, КОТОРЫЕ Я ПОЛУЧИЛ В МИНИСТЕРСТВЕ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И «МОЛДПЛОДООВОЩПРОМЕ»

В предвоенном 1940 году в Молдавии было изготовлено около 50 миллионов банок консервов, в прошлом году — в двадцать с лишним раз больше. Счет уже идет на миллиарды, и достигнутое — далеко не предел.

Маленькая Молдавия — один из крупнейших поставщиков плодоовощных консервов для всей страны. По плану нынешнего года на консервных заводах «Молдплодоовощпрома» должно быть переработано более 300 тысяч тонн яблок и около 600 тысяч тонн томатов. А кроме того, вишня, черешня, кабачки, огурцы, зеленый горошек, другие фрукты и овощи.

Без этих цифр мой рассказ теряет масштаб и почву.

Народная мудрость гласит: лучше один раз увидеть. И вот мы катим в Григориополь. Главный инженер технического управления «Молдплодоовощпрома» Валерий Павлович Иваненко, начальник производственно-технического отдела этого управления Валентина Андреевна Филатова и я.

В пути Валентина Андреевна читает мне «предварительную лекцию». Семидесяти километров явно не хватает для этого, но зато вполне достаточно, чтобы убедиться в широкой эрудиции и глубокой осведомленности «лектора» в делах отрасли.

— Техническое перевооружение, — говорит Филатова, — для нас, консервщиков, не просто путь повышения эффективности отрасли, а, можно сказать, коренное условие самого ее существования. При нынешних масштабах производства овощей и фруктов их невозможно переработать, используя старую, полукустарную технологию. Но это не все. Только внедрение промышленных установок и новых методов продления срока хранения плодов и овощей позволит нам покончить с сезонной неравномерностью загрузки предприятий. Юридически консервные заводы работают десять месяцев в году, но львиную долю годового плана мы делаем в летне-осенний период. Делаем при помощи студентов, которые приезжают нас «спасать». И еще — наша отрасль женская. Вряд ли надо объяснять, сколь важно механизировать, а значит, резко облегчить женский труд.

Не дорожном указателе — «Григориополь». Валентина Андреевна спохватывается:

— О проблемах разговор долгий. А сейчас надо объяснить, почему мы едем именно сюда, а не в Каушаны, скажем, или Унгены. В Григориополе техническое перевооружение продвинулось дальше, чем не других предприятиях. Здесь вы увидите наш завтрашний день.

...И я действительно увидел. Увидел, например, как специальные устройства опрокидывают в железные бассейны и запускают в переработку за 15 минут 48 тонн помидоров, как затем эти помидоры сортируются электронным оком: зеленые — в один технологический путь, спелые (основная масса) — в другой. Немало чудес и на полях трех принадлежащих предприятию совхозов... Но стоп! Что это за предприятие такое, где не только делают консервы, но и сами выращивают сырье для них?

КОРОТКО ОБ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Сельскохозяйственное производство неизбежно продолжается системой заготовок и промышленной переработкой. Это единый комплекс, и как единым целым им надо управлять. Ведь именно из-за всевозможных потерь на ведомственных стыках между «полем» и «заводом» далеко не все овощи и фрукты полноценно используются, а определенная часть совсем не попадает на наш стол. Ликвидировать потери, перейти от взаимных претензий к общей заинтересованности в конечных результатах труда — таков смысл организации агропромышленных объединений.

Если следовать по технологической цепочке, то знакомство с агропромышленными объединениями и надо начинать с «агро», с выращивания фруктов и овощей. Правда, в саду и огороде теперь машин не меньше, чем на заводе. Посадка, внесение в почву удобрений и распыление гербицидов производятся машинами. Машины выполняют и междурядную обработку растений, что сводит к минимуму ручную прополку. Все это стало обычным. А вот о томатоуборочном комбайне стоит рассказать.

...Движется по бескрайнему, в ровных рядах посадок огороду огромное и, увы, шумное сооружение, врезается мощными ножами в землю, выбрасывает на транспортер кусты помидоров, тащит их вверх, отделяет на ходу плоды от листьев и осторожно роняет пунцовые комочки в бункер... Это надо видеть, это невозможно сделать достаточно зримым при помощи слов. Каждый комбайн освобождает от нелегкого труда на солнцепеке 100 человек.

Но вот я увидел девушек, которые, рассыпавшись по полю, сгибаясь и разгибаясь, срывали поспевшие огурцы.

— Да, комбайн нас выручает не всегда, — с сожалением подтверждает агроном Татьяна Васильевна Седлецкая. — Комбайн срезает все подряд. Прошел — и созревать уже нечему. Значит, необходима особая селекция с расчетом не одновременное поспевание плодов. А чтобы создать такие сорта, не один год нужен. Вот почему комбайны для уборки огурцов часто простаивают, а мы вынуждены по старинке собирать по одному огурчику.

Мало пока уборочной техники и в садах. Очень непросто, мне объяснили, сконструировать машину, которая, убирая, не повредила бы спелые фрукты. Впрочем, первые успехи налицо. Экспериментальная машина для уборки слив дала обнадеживающие результаты: 30 деревьев в час, 100 центнеров в день. Сколько нужно затратить труда, чтобы обобрать такое количество слив вручную!

Говоря о механизации уборочных работ, нельзя не упомянуть о знаменитых пальметтных садах Молдавии.

Пальметтой и по-итальянски и по-молдавски называется одно и то же — кисть руки с растопыренными пальцами. Именно ее напоминают особым образом обрезанные и распластанные под солнцем ветки карликовых яблонь. Такое формирование кроны достигается тем, что ветви притянуты к укрепленной на столбах проволоке, идущей вдоль рядов деревьев. Посадка густая. От дерева до дерева — рукой дотянуться, и высота карликовая, метра полтора. Едет себе между рядами тележка, а на ней стоит человек. Стряхивает на тент или, легко дотягиваясь, срывает плоды. Взбираться на лестницу, носить, перегружать — ничего этого не надо. Таких садов в республике десятки тысяч гектаров. В одном межколхозном саду «Памяти Ильича» — 4 тысячи гектаров. Урожай здесь был в прошлом году 202 центнера с гектара, в две с лишним раза больше, чем в среднем по республике.

И уж совсем диво дивное — луговой сад, ошеломляющий опыт

кишиневского научно-производственного объединения «Кодру». Сад, похожий не то на кустарник, не то на луг. Сад, который косится (точнее, срезается почти под корень), а спустя два года снова буйно плодоносит. На каждой ветке, идущей прямо из земли, без ствола, полно крупных яблок. Убрать такой сад под силу даже школьникам. Густота посадки и соответственно урожай фантастические: 100 тысяч яблонь на гектаре дают раз в два года до 1400 центнеров плодов.

ИЗ СВЕДЕНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В МИНИСТЕРСТВЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОЛДАВСКОЙ ССР И В НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ОБЪЕДИНЕНИИ «КОДРУ»

Садами в Молдавии занято 160 тысяч гектаров земли. В следующем пятилетии добавится еще 65 тысяч. В лучшем по урожайности за последнее время 1977 году в республике было собрано 1100 тысяч тонн фруктов. На 1985 год планируется 1800 тысяч тонн, на 1990 год — 3 миллиона. Быстро развивается и овощеводство, притом механизированное, с прицелом на промышленную переработку. Сегодня томаты по промышленной технологии выращиваются на 15 тысячах гектаров.

Если бы консервные заводы были способны быстро и без потерь переработать все выращенное плодоовощное сырье... Вот мы и вернулись к неоконченной «лекции» Валентины Андреевны Филатовой. Помните, она была прервана на фразе: «Вряд ли надо объяснять, сколь важно механизировать и, значит, резко облегчить женский труд», одновременно повысив эффективность консервного производства.

Подробнее рассказать об этом я попросил генерального директора Григориопольского агропромышленного объединения, депутата Верховного Совета МССР Анатолия Леонтьевича Булганского.

— А не лучше ли узнать мнение самих женщин? — улыбнулся Булганский и пригласил в кабинет своего заместителя Ларису Павловну Орлову.

Орлова, как и Филатова, как и заведующая лабораторией технологии консервирования Молдавского НИИ пищевой промышленности Александра Андреевна Силич (с ней я познакомился несколько дней спустя), — ветераны отрасли. Орлова и Филатова начинали рядовыми технологами. Силич, ныне кандидат технических наук, тридцать лет назад была рабочей, вся ее «квалификация» состояла в том, что она вручную обрывала плодоножку и выдавливала косточки у слив. Этим не слишком интересным делом, вспоминает Александра Андреевна, в сезон компотов и варенья были заняты сотни работниц. Производительность каждой — несколько килограммов в смену. Сейчас на механической линии обрабатывается тонна слив в один час.

Никогда не думал, что консервное производство нуждается в столь мощной и сложной технике! Очень хотелось бы описать, например, как тщательно промытые в несущейся по желобам «реке» и разбракованные электронным устройством помидоры затем без прикосновения рук освобождаются от кожицы, растираются, превращаются в томатный сок или пасту и, наконец, в горячем виде разливаются на карусели дозатора по банкам: 240 банок в минуту.

— А теперь, — предлагает Лариса Павловна, — посмотрим, как в соседнем цехе изготавливается кабачковая икра.

Тоже конвейер, тоже непрерывный поток. Но сколько здесь еще ручного труда! Главным образом вспомогательного: поставить, отнести, загрузить, выгрузить...

— Контрасты! — как бы прочитав мои мысли, восклицает Орлова. — Потому и привела вас сюда, чтобы предостеречь от чересчур радужной картины.

— Лариса Павловна, очень хотелось бы поговорить со старыми работницами.

— Что лично им дала механизация? — с полуслова поняла меня Орлова. — На этот вопрос вам охотно ответят не только ветераны. Спросите любую.

ДВА СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ МНОЖЕСТВА ПОДОБНЫХ

Люда Белоусова: «На заводе я третий год, но и за такое время в моей работе произошла разительная перемена. Прежде я вручную наполняла банки. До трех тысяч банок за смену. Теперь обслуживаю автоматический наполнитель, семьдесят тысяч банок — и куда как меньше устаю. А зарплата увеличилась вдвое».

Нина Назаренко: «Я третий год работаю. Раньше стояла на загрузке в автоклав. Кажется, просто: возьми две-три банки (больше не ухватишь), наклонись, поставь в большой железный чан с дырами, так называемую сетку. В сетке — 410 банок. Норма за смену — 20 сеток. Теперь на нашем участке — непрерывная стерилизация. Нет ни автоклавов, которые нужно загружать, ни сеток, при помощи которых это делалось».

В Молдавии повсеместно применяется механизированная укладка плодов в банки. Каждый наполнитель освобождает от тяжелого труда 20 работниц.

Механизирована выгрузка металлических банок из сеток (открывается дно сетки, и банки вываливаются в воду), но со стеклянными так поступить, к сожалению, нельзя.

Использование автопогрузчиков, ящичных поддонов и других средств механизации снижает трудоемкость складских работ в пять раз.

В одиннадцатой пятилетке произойдет дальнейшее повышение технического уровня обоих звеньев агропромышленных комплексов «поле — завод». Значительно возрастет мощность и продуктивность отрасли. Одновременно будут улучшаться условия труда. Но вся эта оптимистическая в целом перспектива не исключает беспокойных вопросов, которые нуждаются в срочном решении. Назовем только три из них.

Первый. В Григориополе, Тирасполе, Бендерах отлично показала себя новая техника, и естественно желание поскорее внедрить ее повсеместно. Но обратите внимание: ни на одной новой машине нет марки какого-либо завода Минлегпищемаша. Кое-что получено по импорту, кое-что изготовлено на молдавских заводах совсем иного профиля. В частности, бесценна помощь Тираспольского завода литейных машин имени С. М. Кирова. Но вряд ли на базе только местной инициативы можно переоснастить все консервные заводы даже за десять лет.

Что об этом думают руководители Минлегпищемаша СССР?

Второй. 86 процентов переработанного на консервных заводах сырья составляют помидоры и яблоки. Молдавское садоводство все больше ориентируется только на яблоки, овощеводство — только на помидоры. А где знаменитый молдавский чернослив? Где черешня, вишня, персики, гогошары, зеленый горошек и прочее и прочее?.. Ассортимент не расширяется, а сужается. Таково побочное действие наиболее доступной механизации. Чем легче изготовить томатную пасту, яблочный сок, тем меньше у производственников интереса к трудоемким изделиям — варенью и компотам. Заказы на них ежегодно выполняются наполовину.

И все почему-то мирятся с этим фактом и, видимо, утешаются ростом общего выпуска консервов: все равно «банка»! Но покупатель хочет видеть на прилавках магазинов самый широкий ассортимент консервированных фруктов и овощей.

Третий из больных вопросов — фасовка. Трехлитровую банку того же яблочного сока ребенку не купишь, разве что на целый детский сад. А для консервщиков и поставщиков стеклянных банок (заводы Минпромстройматериалов), чем больше емкость банки, тем меньше хлопот и выгоднее для плана: отчет ведется в пересчете на условную 400-граммовую посуду. Выходит, все довольны, кроме... покупателей.

Не Министерство ли торговли должно решительно встать на защиту интересов покупателей?

На обратном пути в Котовске я вышел в предвкушении колоритного зрелища на перрон. И... ни одного ведра с абрикосами не увидел.

— Кончился «пик». Что успели, то съели, раздарили или наспех продали. Остальное пропало, — невесело предположил попутчик.

А я вспомнил слова генерального директора агропромышленного объединения «Бендеры» Константина Петровича Новодерюжкина, опытного организатора плодоовощного конвейера: «Мы получаем сырье не только из собственных и колхозных садов, нас хорошо знают владельцы личных участков. Со многими из них у нас постоянные деловые контакты. Бывает, и за пределами республики кое-что удается прихватить, если тамошние заготовители мешкают».

«Может быть, и в Котовске прихватили», — с надеждой подумал я. Мне почему-то очень хотелось верить, что конфитюр, который при мне варили на Бендерском консервном заводе, был именно из котовских абрикосов и что как раз эти банки попадут в Омск, к пожилой учительнице, которая так завидовала слободзейцам.

Е. ПОЗДНИЙ

из молдавии



когда возможны варианты

Так и есть. Тридцать семь и пять. Ночью ребенок два раза кашлянул, с утра небольшой насморк. Вы успокаиваете себя и домашних: не страшно, сейчас придет врач, послушает, объяснит, выпишет рецепт. Долгожданный звонок. Вы устремляетесь навстречу, в ответ на дежурное «что с ребенком» сбивчиво рассказываете со всеми подробностями, когда кашлянул, как чихнул. Потому что в этот момент вы совсем не думаете о том, сколько вызовов сегодня было у врача, сколько уже слышал он таких объяснений и сколько еще услышит, потому что помните лишь об одном: вашему ребенку нужна немедленная помощь.

А теперь представьте себе, что перед тем, как послушать вашего малыша, участковый педиатр вежливо предупредил:

— Больничные не выдаем, есть новое положение. Так что выбирайте: либо стационар, либо... Устраивайтесь сами.

«Не может быть!» — скажет читатель. «Быть не может», — подумали и мы, получив в июле этого года первое письмо из шахтерского Донецка. Что ж, отказали в больничном, но, вероятно, были основания для госпитализации или с ребенком могла посидеть бабушка. Наша читательница явно что-то перепутала. Однако на следующий день редакционная почта принесла еще два письма из Донецка. На этот раз коллективные. Считаем: 46 подписей, 32 подписи. Больничные листки по уходу за больным ребенком в Донецке не выдаются! 78 мам не разобрались? А дальше? С каждой почтой — 4—5 писем от жителей города.

«В нашем коллективе много женщин, имеющих малолетних детей,— писали сотрудники институте ВНИИреактивэлектрон.— Врачи детской поликлиники № 2 Куйбышевского района отказывают нам в выдаче больничных листков по уходу за детьми, заболевшими ОРЗ. Нам предлагают госпитализировать детей. Матерям, отказавшимся направить ребенка на стационарное лечение, не выдают даже справки по уходу».

Итак, сомнений не оставалось, в Донецк надо ехать. В тот момент, когда я во Внукове садилась в самолет, в Киеве на донецкий поезд спешила заместитель начальника управления лечебно-профилактической помощи матерям и детям Минздрава УССР Галина Ивановна Разумеева.

На следующий день мы с Галиной Ивановной в сопровождении главного педиатра области, заместителя заведующего горздравотделом и главного педиатра города отправились по адресам, указанным на конвертах.

Задача была не из легких. Авторов-то более двухсот. Мы смогли побывать только в двух коллективах, работницы которых подписали письма в редакцию. Поэтому хочу сразу извиниться перед теми нашими корреспондентами, с которыми встретиться не пришлось.

Многолюдными были два этих собрания — в экспедиции Укргеология и во ВНИИреактивэлектрон. Одна за одной вставали женщины, рассказывая о том, что уже известно было нам из писем, добавляя лишь конкретные детали. Когда пришел врач, что сказал врач. Все мотивировки отказов в больничном сводились к одному: есть, дескать, новое положение — больничные не давать.

Недоуменно пожимали плечами представители городской и областной служб здравоохранения. Нет, утверждали они, никаких распоряжений об отказе в больничных они не давали. Участковые педиатры просто что-то неправильно поняли. Это явная самодеятельность.

Да, наверное, мог неправильно понять один педиатр, одна поликлиника, один район, но если неправильно поняли чуть ли не все детские врачи Донецка, очевидно, руководители местного здравоохранения что-то неправильно объяснили. Что же? И почему неправильное это понимание приняло столь массовые масштабы именно в июле — августе этого года?

При первой же нашей встрече заведующий областным отделом здравоохранения Г. П. Кобец со всей откровенностью признал:

— Что скрывать, наши врачи нарушали до последнего времени порядок выдачи больничных листков по уходу за больным ребенком. Раздевали их, прямо скажем, направо и налево. Нет бабушки, есть бабушка — получай, мама, больничный. А ведь по инструкции только до исполнения ребенку двух лет мать освобождается от работы, если есть другой член семьи, ухаживающий за ребенком и не нуждающийся в таком освобождении. Некоторые женщины откровенно злоупотребляли данным им правом. Две мамы, например, во время своего освобождения от работы решили отдохнуть на Азовском море... Не могло нас это не тревожить.

Не могло. Тем более что и Минздрав Украины неоднократно напоминал, требовал: наведите порядок с выдачей больничных листков матерям, разберитесь, примите меры. В июне и состоялось заседание городского медицинского совета. Тогда и вспомнили, как говорит заместитель заведующего горздравотделом К. А. Полякова, об инструктивно-методическом письме Минздрава СССР, согласованном с ВЦСПС. Вспомнили и приняли к исполнению. Ведь для того и дается инструкция, чтобы ее выполнять. Но теперь придется сделать небольшое отступление.

Прежде чем выезжать в Донецк, я обратилась за справкой в Минздрав СССР. Мне объяснили: лечащий врач имеет право не выдать больничный листок по уходу за больным ребенком, если мать отказывается от госпитализации. Необходимость же последней может определить только врач. Однако абсурдным было бы всех детей, заболевших ОРЗ, или, как говорят в Донецке, «респираторкой», помещать в больницы. Только медицинские показания могут привести ребенка в стационар. Так считают в Минздраве СССР, так записано в статье 42 Основ законодательства Союза ССР о здравоохранении: «...**при невозможности госпитализации или отсутствии показаний к стационарному лечению** больного ребенка, мать или другой член семьи, ухаживающий за ребенком, может освобождаться от работы...»

А теперь заглянем в инструктивно-методическое письмо Министерства здравоохранения СССР и секретариата ВЦСПС № 08—23 /1 от 11—22 февраля 1974 года «О порядке выдачи больничных листков по уходу за больным ребенком»:

«Лечебно-профилактические учреждения при выдаче больничных листков по уходу за больным ребенком... должны руководствоваться следующими положениями:

— как и ранее, при амбулаторном лечении больничный листок по уходу за больным ребенком выдается члену семьи, если отсутствие ухода грозит опасностью для жизни или здоровья заболевшего и **если невозможно поместить его в больницу,** а в семье нет другого члена семьи, который мог бы ухаживать за ребенком, не нуждаясь в освобождении от работы...»

Заметьте, во втором документе опущено всего несколько слов: «отсутствие показаний к стационарному лечению». Как понять оставшееся условие — «если невозможно поместить в больницу»? Очевидно, так: мать получает больничный листок по уходу за больным ребенком, если в стационаре нет свободных мест.

Именно так истолковали инструкцию в Донецке. Именно этот текст был вывешен на дверях врачебных кабинетов в некоторых поликлиниках. Его-то и показала мне заместитель главного врача 1-й детской поликлиники первой городской больницы, когда я спросила, чем руководствуются врачи, отказывая матерям в выдаче больничных листков по уходу.

Вреда от того, что ребенок попадет в больницу, уж точно не будет, считали в гор- и облздраве. Правда, ребенку, вырванному из привычной семейной обстановки по причине «респираторки», придется перенести определенный и не такой уж безобидный эмоциональный стресс. Но... «Разве можно иначе понять инструкцию?» — спрашивали меня медики.

Наверное, иначе понять можно. И опытные профессиональные организаторы здравоохранения, составляя инструкцию, вероятно, вкладывали в эти слова тот смысл, который и является единственно приемлемым при решении вопроса о лечебной помощи детям. Невозможность госпитализации должна означать не только отсутствие свободных мест в больницах, но и то, что нет для этого медицинских показаний. Однако нельзя не признать: основания для «неправильного понимания» все же были. Ведь четкое слово инструкции может быть руководством к действию, если оно по-настоящему четкое. Иначе, увы, «возможны варианты». И как донецкий в том числе. К слову, письма о подобном понимании инструкции приходят в редакцию не только из Донецка.

Есть, однако, у этой истории и другая сторона, о которой нельзя не сказать, потому что обращена она к нам, родителям.

...В кабинет заместителя заведующего облздравом стремительно влетела заплаканная молодая женщина с полугодовалым ребенком на руках. Только через пять минут сбивчивых, сквозь рыдания объяснений стало ясно, что привело ее сюда. Ребенка кладут в больницу, а у него всего 37,5. Да, всего! Но опытный взгляд медика, сидящей рядом со мной Галины Ивановны Разумеевой, заметил и нечто другое. То, что взволновало участкового врача, то, что матери не увидеть. Желтый цвет лица, болезненная худоба — малокровие. А это прямой сигнал опасности. Стационар необходим.

Я слушала, как долго и терпеливо убеждала Галина Ивановна мать не вредить своему ребенку, и думала о тех историях развития детей, с которыми пришлось познакомиться в донецких поликлиниках. Во многих случаях экстренной необходимости для госпитализации действительно не было. Но некоторые карточки, испещренные многочисленными, по два раза в месяц ОРЗ, буквально призывали к более тщательному, именно в условиях стационара лечению. А мамы не соглашались, мамы отказывались, мамы видели на градуснике 37,5 и только.

Правда, вместо того, чтобы доказать, насколько необходима госпитализация конкретному малышу, участковые педиатры ссылались на инструкцию. И контакт был безнадежно потерян. Тот самый контакт, тот самый индивидуальный подход, которого мы так ждем, вызывая врача к заболевшему ребенку. И, бросаясь к дверям на знакомый звонок, мы верим: добрый доктор поможет нам. А мы должны помочь ему, ведь речь идет о самом дорогом для всех нас.

И. ЖУРАВСКАЯ

«Любить науку — значит любить людей»

Корр. Марина Константиновна, позвольте вернуть вас к прошедшим годам, ко времени напряженной битвы с грозными вспышками полиомиелита. Ведь именно те годы повлияли на вашу судьбу в науке.

Ворошилова. Круг моих исследовательских интересов определила сама жизнь. В самом конце войны меня, выпускницу Первого московского мединститута, направили на работу в энцефалитную лабораторию клиники Всесоюзного института экспериментальной медицины. Возглавлял ее Михаил Петрович Чумаков. Небольшие комнатки в полуподвале, семь человек сотрудников — с этого все начиналось.

Мне поручили заняться изучением энцефалитов у детей. У одного, тяжело болевшего ребенка в ходе исследований удалось выделить вирус полиомиелита... Первое мое научное сообщение было именно об этом.

Был ли известен вирус полиомиелита раньше? Да. Еще в начале века. До поры до времени вирус не казался грозным, не привлекал к себе внимания. Но в те годы, когда я начинала работать, эпидемии полиомиелита стали бедствием «номер один» в США. Да и у нас появились вспышки страшной инфекции. Полиомиелит поражал нервную систему, особенно серое вещество спинного мозга. В одних случаях это вело к пожизненному параличу, в других — к смерти.

Когда мне в 1946 году предложили поехать на вспышку полиомиелита в Прибалтику, я согласилась. Так хотелось помочь детям (именно они чаще всего были жертвой вируса), отвести от них беду, избавить от горя матерей, отцов. Хотя, честно говоря, чувствовала я себя еще неуверенно. Была молода и серьезного научного багажа набрать просто не успела. Но неожиданно это оказалось в чем-то и полезным — позволило непредвзято, свежим глазом взглянуть на проблему. Помогли и условия Прибалтики. В ту пору крестьяне в Латвии жили на хуторах. Один-два двора — вот и все поселение. Всегда можно было выяснить, кто из хуторян куда ездил, с кем и когда встречался. Потому и удалось понять, как возникает и распространяется эпидемия. Перемещения вируса прослеживались легко, как в хорошо задуманном эксперименте. Это давало ключ к дальнейшим исследованиям.

Корр. Но и тогда было ясно, что одними санитарно-гигиеническими, профилактическими мерами полиомиелит не одолеть?

Ворошилова. Да, конечно. Нужно было действенное и кардинальное средство — вакцина. Но, чтобы создать ее, требовалось глубже познать природу заболевания, изучить защитные—иммунные реакции организма на вирус. Работа по ликвидации вспышек заболевания в Казахстане, Белоруссии, в разрушенном, послевоенном Берлине позволила нам сделать еще один шаг вперед. Мы выяснили: полиомиелит вызывается не одним, а тремя вирусами. Три разновидности, три типа. Значит, и препарат должен состоять из трех вакцин. Только все вместе они могли надежно защитить детей от инфекции.

Корр. И такой препарат был создан. Чудодейственные прививки гарантировали устойчивость к инфекции...

Ворошилова. Первые партии вакцины мы получили в 1956 году, произведена она была по методу американского ученого Солка. Надо сказать, что американцы начали изучать полиомиелит раньше нас (как я уже говорила, в США он раньше проявил свои устрашающие свойства). Исследования здесь велись во многих крупных, прекрасно оборудованных лабораториях. Америка ведь не знала военной разрухи.

Тем с большей гордостью могу сказать: советские ученые в труднейшие для Родины послевоенные годы, в сложных условиях работы шли от одного этапа борьбы с полиомиелитом к другому параллельно с американцами. И обгоняли другие страны. А к ликвидации эпидемии страшной болезни мы пришли первыми.

Корр. И здесь сыграла роль правильно выбранная научная стратегия? То, что советские ученые проголосовали за живую вакцину?

Ворошилова. Да, это так. Термин «убитая вакцина» означает, что вирус полиомиелита в ней при определенной обработке (формалином) становится совершенно безвредным. Но все же он способен вызвать защитную реакцию организма — появление в крови тех антител, которые защищают ребенка и от живого вируса полиомиелита. Убитая вакцина вводилась подкожно. Инъекция обеспечивала индивидуальную защиту, но не прекращала передачу вируса от одного человека к другому. Провакцинированн ый ребенок мог оставаться носителем инфекции: вирус полиомиелита селится в клетках пищеварительного тракта, на которые инъекция воздействия практически не оказывала. Кстати, именно поэтому в борьбе с полиомиелитом мало помогали традиционные меры, надежно снижавшие скорость распространения других детских болезней,— такие, как изоляция больных ребятишек. Ведь и здоровые дети подчас были вирусоносителями и заражали других.

В живой вакцине вирус только ослаблен. И за рубежом и у нас в стране было немало противников живой вакцины — ее считали опасной. В несоциалистических странах против живой вакцины высказывались частно практикующие врачи из корыстных интересов. За инъекцию убитой вакцины они получали со своих пациентов гонорар, а живую вакцину, в отличие от убитой, легко было производить в виде конфет — драже или простых капель. Она дешева, ею может воспользоваться каждый, не прибегая к помощи доктора. Но именно потому, что ее можно было проглотить, закапать малышу в рот, она оказалась столь эффективной — делала невосприимчивым к вирусу пищеварительный тракт. И цепочка эпидемии обрывалась в самом начале.

Корр. Живая вакцина оказалась абсолютно безопасной?

Ворошилова. Абсолютно. После многочисленных опытов на животных, после того, как вакцинации подверглись добровольцы, после того, как препаратом воспользовались сотруд-

Марина Константиновна Ворошилова принадлежит к большому отряду тех советских ученых, которые вели напряженную борьбу с полиомиелитом в нашей стране и за ее пределами. Борьба эта, как мы знаем, вошла славной страницей в историю советской медицины и закончилась полной победой.

Доктор наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР М. К. Ворошилова до недавнего времени руководила отделом детских вирусных инфекций в институте полиомиелита и вирусных энцефалитов, сейчас она научный консультант института и директор справочного и научно-исследовательского центра Всемирной организации здравоохранения.

С М. К. ВОРОШИЛОВОЙ беседует наш корреспондент В. КЛЯЧКО.

ники нашего института, только после этого мы запустили его в массовое производство. Помню, как мы промывали желудок ребенку, съевшему по недосмотру старших целую коробочку конфет с вакциной. Боялись: вдруг организм не справится с такой дозой вакцины и поддастся ослабленным (но все же живым!) вирусам. Обошлось.

В борьбе с полиомиелитом сказались и преимущества нашего общественного строя: во многих капиталистических странах эта борьба велась на средства благотворительности, а то и на коммерческих основах. У нас же это стало делом общенародным, предметом особой заботы партии и правительства. Органы здравоохранения вели вакцинацию повсеместно и организованно.

Страна не жалела средств для здоровья детей. Был создан институт по изучению полиомиелита...

Корр. Его создавал ваш муж, коллега, академик Михаил Петрович Чумаков?

Ворошилова. Да. В этом институте мы оба работаем и сейчас. Работа велась и в Ленинграде под руководством академика АМН СССР А. А. Смородинцева.

Корр. Марина Константиновна, эпидемиологи стремятся избежать малейшего риска, когда речь идет о других. Ну, а сами... Работая с коварным вирусом, они подвергают себя опасности?

Ворошилова. Известная доля риска содержится не только в нашем деле. И риск не является приметой нашей профессии.

Корр. И все-таки, я слышал, что вам самой не удалось избежать заражения полиомиелитом.

Ворошилова. Я заразилась в 1952 году, когда еще не было вакцины. И, что совсем горько, заболел и мой семимесячный сын. Не на эпидемии, представляете? Во время работы. Мы ставили опыты на обезьянах Сухумского питомника. Уже начался учебный год, и я отпустила сотрудников своей лаборатории в Москву, где их ждали дети. Тем более что в ответ на прививку полиомиелита обезьяны вроде бы не собирались болеть. Мне оставалось лишь свернуть работу. И вдруг... Заболело одно, второе, третье животное. А у меня, как назло, началась ангина — высокая температура. Болезнь ли сказалась? Усталость? Потеря бдительности? Как это произошло? Не знаю. В то время я кормила грудью сына, и беда не миновала малыша. К счастью, болезнь протекала в легкой форме. Сына удалось полностью вылечить, не осталось никаких последствий. Я болела тяжелее. Три года потом пришлось ходить с палочкой, перенесенная болезнь сказывается и теперь.

Корр. К счастью, насколько мне известно, перенесенное заболевание не сказалось на вашей работоспособности. Ведь последующие годы были очень напряженными.

Ворошилова. Началось генеральное сражение с болезнью. Мы обеспечивали вакциной не только социалистические и многие развивающиеся страны, но и некоторые высокоразвитые капиталистические государства — всего около сорока. Не раз мне приходилось выезжать за рубеж для консультаций, для помощи в организации борьбы с эпидемиями. Наша вакцина очень высоких стандартов. И дешевая.

Корр. В последние годы вы занимаетесь полиомиелитоподобными заболеваниями — что это такое? Расскажите о них, пожалуйста.

Ворошилова. Впервые они дали о себе знать еще в 1952 году в Караганде. Выявилось не совсем типичное течение болезни. Вирус, не принадлежащий к трем типам, уже известным нам. С той поры выделено более 70 разных кишечных вирусов, в том числе и вирусы, дающие сходную с полиомиелитом картину.

Занимаясь полиомиелитоподобными заболеваниями, я вновь и вновь анализировала природу полиомиелита. Некоторыми выводами я и поделилась с коллегами, на советско-американском симпозиуме в 1960 году.

Зарубежные ученые часто именовали полиомиелит болезнью высокоразвитых стран. Они считали, что с повышением бытовой культуры меняются условия заражения человека — ему меньше приходится встречаться с инфекцией, защитные возможности организма не тренируются и падают. Мне казалось это утверждение неверным. Я видела немало вспышек болезни в ряде стран, и они возникали в разных местах на разных уровнях культуры. Убеждалась, что куда более точно народное определение полиомиелита. Приметливые сельские жители называли его болезнью шоссейных дорог. В отдаленных селах он встречался редко, но поражал тех, кто селился около больших трасс.

Я думала так: вирус полиомиелита был сравнительно мирным, пока люди мало передвигались. Но вот начались массовые миграции. Стали встречаться друг с другом представители отдаленных районов мира, начался обмен вирусами разного происхождения. Зная, что вирусы легко рекомбинируются — обмениваются своими частями, логично было предположить, что возникают новые разновидности возбудителя полиомиелита. К ним человек не привык, на них-то он и реагирует тяжелыми заболеваниями.

Основываясь на идее непрерывной изменчивости вирусов, я и говорила в своем докладе, что не исключены новые вспышки заболеваний, сходных с полиомиелитом. Так и случилось. В 1975 году мне пришлось принимать участие в ликвидации такой вспышки в Болгарии, в 1978-м похожая вспышка возникла в Венгрии.

Корр. Зная принципы борьбы с полиомиелитом, сегодня легче выделить вирус, вызвавший новое заболевание, и проще создать вакцину против этого врага. И все-таки... Для этого требуются и средства и время. А болезнь не ждет, и первым жертвам подчас нечем помочь. Скажите, а нет ли надежды найти принципиально новый, универсальный метод борьбы с инфекцией?

Ворошилова. Все мы, эпидемиологи, вирусологи, стремимся именно к этому. Во время эпидемий приходилось не раз убеждаться, что есть дети, которые, даже находясь в центре опасного очага, остаются здоровыми. Почему же у одних малышей возбудитель полиомиелита прижился в кишечнике, а у других, как мы выяснили, — нет? Оказалось, что у них в пищеварительном тракте присутствовали особого типа безвредные энтеровирусы. Они-то и не пускали туда «чужаков».

Возникла мысль — использовать эти безвредные микроорганизмы для того, чтобы вытеснять болезнетворные. Впоследствии было установлено, что некоторым разновидностям энтеровирусов (так называются вирусы, обитающие в основном в желудочно-кишечном тракте человека) можно поручить самую различную оздоровляющую работу. Они могут вытеснять даже те вирусы, которые населяют дыхательные пути человека — например, вирус гриппа.

На Горьковском автозаводе энтеровирусная вакцина в виде драже была дана всем рабочим одного из конвейеров. Конфеты без вакцины давались на другом конвейере — контрольном (это для того, чтобы исключить психологический фактор, то, что мы называем силой внушения). Во время эпидемии гриппа контрольный конвейер подолгу простаивал из-за болезни многих рабочих, а «наш» работал бесперебойно. Стоит ли говорить, как важна борьба с гриппом? Этот коварный недуг донимает людей постоянно. Вирус гриппа изменчив, он как бы все время обманывает нашу защитную систему. И вот сейчас появилась надежда лишить его былой силы.

Установлено, что энтеровирусы обладают и еще одним ценным свойством: размножаясь в раковых клетках, они могут разрушать их и повышать противоопухолевый иммунитет организма. Эта проблема изучается также в институте имени А. Кирхенштейна Академии наук Латвийской ССР, руководимом академиком Латвийской ССР Ритой Александровной Кукейн.

Человек научился использовать в своих интересах многие микроорганизмы: грибки молочнокислого брожения, дрожжи, полезные бактерии (колибактерии), вещества, синтезируемые различными видами плесеней (антибиотики). Есть все основания поставить на службу человечеству и полезные вирусы.

Корр. Марина Константиновна, так уж обычно складывается научная судьба: в какой-то вершинный период жизни ученому становятся особенно необходимыми единомышленники, ученики, чтобы реализовать возникшие идеи, проверить предположения, гипотезы. Вам не приходится сетовать на отсутствие собственной школы. Вы воспитали трех докторов наук, около тридцати кандидатов... Как складываются ваши с ними отношения?

Ворошилова. Больше всего я радуюсь, когда у них возникают собственные научные интересы, даже если они уводят их от моих научных проблем.

Корр. Ну, а теперь, если позволите, переключимся на другую сферу вашей жизни. Как вам удается справляться и с научной работой и своими семейными обязанностями?

Ворошилова. У меня большая семья. Поженившись, мы с мужем единодушно решили: у нас должно быть не меньше трех детей. Михаил Петрович вышел из многодетной семьи, его родители воспитали пятерых своих детей и двух племянников. Муж знал, как это хорошо — большой, многодетный дом. А я была у матери единственным ребенком и всегда остро чувствовала отсутствие сестер и братьев. Оба мы хотели иметь в доме целый детский коллектив. Один за другим появились три наших сына. Но мы хотели еще и девочку, потому наша семья пополнилась (правда, это уже позже) четвертым мальчиком.

Я никогда не прекращала работу в институте, растить сыновей помогала мама, но времени все равно не хватало. Вставать ежедневно приходилось в шесть утра, чтобы успевать прочесть литературу по специальности, проанализировать опыты, написать статью. Зато все время после работы я отдавала дому, своим ребятам. Но вот что интересно: они росли, а времени у меня становилось словно бы меньше. Видимо, все больше увлекала наука, и я использовала всякие возможности, чтобы заняться ею. За время последнего декретного отпуска написала свою третью монографию, отлеживаясь после инфаркта — четвертую, а во время последней болезни, уже в этом году, работала над специальным руководством для врачей по заказу из ГДР. Но на детей времени никогда не жалела и не жалею.



Марина Константиновна Ворошилова и Михаил Петрович Чумаков с сыновьями.
Фото Н. МАТОРИНА.

Все свои отпуска до той поры, когда сыновья мои стали совсем взрослыми, проводила с ними.

Корр. Каких принципов придерживались вы в их воспитании?

Ворошилова. Можно ли назвать принципом требование трудиться? Работать естественно в такой большой семье, как наша, дети дежурили по дому в очередь, все на равных.

Всегда старались иметь духовный контакт с сыновьями. Ничего от них не скрывали, ни к чему их не принуждали... Решения, как поступить в том или ином случае жизни, они принимают всегда сами.

Но, конечно, я стремилась сделать притягательным для мальчиков все то, что люблю сама: природу, книги и особенно свое дело. Я всегда рассказывала детям (даже когда они были маленькими) о своей работе. Отвечала на любые вопросы так, как ответила бы сверстнику, другу. И вот результат: в семье у нас сейчас все коллеги. Три моих сына работают в области молекулярной вирусологии, успели защитить кандидатские диссертации. Младший в этом году окончил школу и поступил на биофак МГУ.

Корр. Какой из профессиональных принципов вы бы хотели в первую очередь передать своим детям, ученикам и другим молодым ученым?

Ворошилова. Это правило и профессиональное и нравственное одновременно. Любовь к науке не может быть холодной, только рациональной. Необходимо ощущать, что цель всякого исследования (в медицине это видно особенно отчетливо) — человек, его благополучие, здоровье, счастье. Если об этом помнить, то не станешь щадить себя, а значит, добьешься максимальной эффективности жизни. Удовлетворение от жизни и от работы получает тот, кто может сказать: «Я делаю все, что могу».



В. УЛЬЯНОВ. **СЧАСТЛИВО ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ.**

Несовместимость

Дом Михалевых считался на Шурфовой образцовым: аккуратный, побеленный, окна чисто вымытые, на подоконниках цветы. В саду яблони, абрикосы, вишни, у крыльца — грядка ночной фиалки. Жили в доме четверо — мастер-взрывник Владимир Михалев с женой Татьяной и дочкой Оленькой да брат хозяина дома Василий, навалоотбойщик. В тридцать шестом, еще парнем, попал он в завал в шахте, остался инвалидом. Семью не завел.

Когда грянула война, Владимира призвали в саперы, Татьяна ушла в полевой медсанбат. У калитки, топча пыльную лебеду, долго махали уходящим девчушка и хромой горняк...

За кленами, за соседними крышами вертелись на копре шкивы, шахта давала уголь. Василий достал с полатей старую брезентовую куртку, пошел к шахтному начальству, упросил вернуть его в бригаду навалоотбойщиков. И покатились дни — тяжелые, тревожные. Все ближе грохотала канонада. Спешно демонтировали оборудование, отправляли в тыл все, что можно было уберечь от фашистов. Навсегда осталось в памяти, как взрывали родную шахту, как отворачивались суровые мужчины, пряча слезы.

Пережили оккупацию. Скрывался Василий с племянницей в погребе у соседей, потом на степном хуторе у дружка. А когда схлынули страшные времена, спрятал горняк поглубже в комод извещения о гибели брата Владимира и его жены Тани, тщательно вскопал братову грядку под фиалки, подрезал его любимую яблоню. Подправил, подремонтировал дом.

Взорванную шахту восстановили, и на вес золота ценились умелые рабочие руки. Тут уж про инвалидность Василий и не вспоминал, порой по две-три смены не выходил из шахты. А дома тоже надо все успеть — и сварить и постирать. Правда, подрастала помощница, на удивление, ловкая, расторопная.

В редкие свободные минуты садился Василий Миронович на порожек дома, играл потихоньку на балалайке, ждал из школы Олю. Корил себя: мало он с девчонкой разговаривает, урывками. И сам же себя утешал: чего беспокоиться — отличница, аккуратистка растет. Пальто справил, ботинки, платье шерстяное, все честь честью. Другие с отцом-матерью так не наряжены, с завистью на Олю поглядывают. Окончит Оля школу — материнскую стежку продолжит, врачом будет.

Страшился Василий Миронович заглядывать в будущее: пугало одиночество. С юности компанейский парень, он и суток не мог вытерпеть без душевной беседы с друзьями, без песни. Бывало, выводили друзья разговор на давнюю, уж сколько раз обсужденную тему: так и проживешь бобылем? Даже сватать его пытались, но Василий отшучивался: какой же он бобыль, если у него растет дочка?

Уехала Ольга в Ростов, в медицинское училище, и затосковал дядька. На столе в картонной рамке — Олина фотография. «Материнские очи, смелые, честные»,— сам себе толкует Василий Миронович, словно утешает себя. Обидно ему, что на «доктора натурального» учиться Оля не пожелала. «В институте, дядя, шесть лет, а тут через два — диплом,— так объяснила свой выбор.— И вообще, зубной техник — профессия модная и денежная».

Училась Ольга по-прежнему отлично. По воскресеньям приезжала домой. Наготовит Василий Миронович, вычистит весь дом, как перед смотром. Но племянница лишь умоется с дороги, принарядится — и была такова. Дядька и узнать не успевал, как там у нее течет студенческая жизнь.

Пустил Василий Миронович в дом квартирантов — крепильщика Семена Карегодина с женой. Пустил бесплатно, лишь бы была рядом душа живая. Племянница не возражала, но обронила: «Ну и чудной ты, дядя. Хоть бы десятку брал. Не курево».

«Все с пользой норовит,— думал, вспоминая эти слова, Василий Миронович.— Зеленая дюже, жизни не понимает».

Перед летними каникулами пришло от Ольги письмо. Писала, что на практику приедет домой, направили их с подружкой Неллей в стоматологическую поликлинику. Что подружка — ростовчанка, отец у нее большой человек, а потому хорошо бы освободить комнату, а квартирантов — в боковушку. Но лучше бы совсем отказать им, стеснят они гостью.

Скрепя сердце нашел Семену и Зине флигелек у соседки. А Нелля и слышать об отдельной комнате не захотела: «Никаких особых условий!» Оказалась ласковой, небалованной. Помогала Василию Мироновичу стряпать, поливать огород, допоздна сидела с шахтером на крылечке. И в общественные его дела вникала: «Для чего приглашают в школу? О чем будет беседа? А по той вашей заметке в газете меры приняли?»

Растревожила душу приезжая. Почему, переживал Михалев, его Ольга не такая? Вспомнилось: в день зачисления в училище он долго ждал ее на скамейке у дома. Рубашку надел вышитую, сапоги начистил. Хотелось все, все, что на душу за годы легло, высказать. И о своей доле и о том, что каждый человек должен продолжить то лучшее, что принесли с собой на этот свет его батька и мама. Волновался, затягивался сердитым самосадом... Ольга лишь на минутку присела на скамейку, перебила дядю на полуслове. Не получилось разговора.

Тревог своих никому Василий Миронович не показывал — чужие тревоги привык врачевать. К нему, коммунисту, бессменному депутату райсовета, рабкору местной газеты, шли с жалобами, за советами. Его, почетного шахтера, приглашали на торжества, с ним здоровались, издалека улыбаясь. Это грело...

* * *

Стороной дошло: вечерами провожает Ольгу сын главного инженера их шахты Виктор. Что ж, парень видный, самостоятельный. Дай бог счастья.

Вышла племянница замуж через год после училища — подождала, пока жених защитит диплом в своем горном. Поселились под одной крышей с Василием Мироновичем, пригласили штукатуров, маляров, плотников. Половину молодых украсили дорогая мебель, ковры, пианино. Племянница безраздельно командовала на семейном корабле — готовила мужчинам наваристые борщи, следила, чтобы на Викторе всегда была свежая рубашка, чтобы дядя не чадил табачищем, не таскал залатанных брюк. Такая забота радовала. Но Ольга решила отвадить от дома друзей Михалева. Впервые он обиделся, запротестовал. Племянница обняла его, поцеловала в щеку: «Милый дядечка, ну как ты не понимаешь? Ко мне будут приходить клиенты. А у нас тут толчея, как на агитпункте»...

По воскресеньям у молодых собирались гости. Приходили родственники Виктора, врачи из Ольгиной поликлиники. Не спеша обедали, степенно разговаривали. К Михалеву обращались уважительно. А вот приятели его стали заглядывать все реже. И если кому-то нужен он был, старались вызвать его из дому.

По очереди с домработницей Нюрой качал Василий Миронович колыбель внука, названного в честь погибшего деда Владимиром. Всматривался в смуглое михалевское личико, радовался. И таяли тревоги — семья у Ольги не хуже, чем у других. А если чего-то она недопонимает, жизнь научит.

В тот год на День шахтера пригласили гостей. Михалев помогал Нюре на кухне. Ну вот, кажется, все в порядке. Переоделся, посмотрелся в зеркало. С веранды долетали голоса, смех. Хотелось старому шахтеру пригубить чарочку там, при народе, рассказать про житье-бытье, похвалиться внуком.

Но к столу его не пригласили...

Так и повелось: в выходные едут молодые на Дон загорать — за руль голубой «Волги» садится хозяйка, рядом — сынок, сзади муж. А Михалева не догадаются позвать с собой. Пыля, машина скрывалась за поворотом. Василий Миронович вынимал запрещенный Ольгой самосад, смотрел на пеньки спиленных вишен, что мешали племяннице загонять «Волгу» в гараж, на ровную, камень в камень, дорожку, на крашенные суриком железные ворота — и ему чудилось, что попал он в чужой двор.

* * *

...Мы встретились с почетным шахтером Василием Мироновичем Михалевым в доме престарелых инвалидов труда. За окнами накрапывал осенний дождь. Ронял листву засыпающий сад.

Разговор не клеился. Михалев был насторожен, сдержан. Отвечал коротко. Да, это Ольга выхлопотала ему здесь место. По согласию. И хату продала по согласию. Виктор Михайлович нынче доцентом в институте. И Ольге хотелось перебраться в большой город, и ребята рады — бассейн, музыкальная школа, театры.

— Мне здесь по всем статьям лучше доживать. Уход прекрасный. Старые вам, молодым, лишняя обуза. Зачем вставать поперек судьбы? — Шахтер через силу улыбнулся.

В коридоре меня догнала нянечка:

— Раньше хоть внук наезжал. Потом звонить повадились. А Миронычу эти звонки хуже ножа. Он-то, как вечер, сядет на лавочке и ждет, ждет... Товарищи с шахты не бросили: гостинцы несут, поздравления к празднику, а родные...

Я попал на семейное торжество — отмечали отъезд Володи в московский институт. Потолковали о городских новостях, о новом кинофильме. Ольга Владимировна, красивая, в светлом брючном костюме, была похожа скорее на старшую сестру Володи.

Спросил, почему нет на торжестве старейшины рода Михалевых. Ольга Владимировна поморщилась:

— Случилось то, что иногда случается со стариками. Видимо, комплекс несовместимости. Не осуждаю дядю — тяжелая жизнь, работа на шахте. Но и ему, по-моему, нас упрекнуть не в чем.

Быстро обернулась к мужу:

— Витенька, ты не забыл о раках?

Тот поспешил на кухню...

Потом доцент провожал меня до трамвая. Подавленно молчал. Но прорвалась давняя, видимо, боль:

— Да, жалко... Спорили мы с Василием Мироновичем порой, но его я уважал и уважаю. Вообще зря... Не живет он теперь с нами, и я лично ощущаю это как потерю. Не только потому, что стольким обязана ему жена, но и потому... Сверял с ним многое свое... Правильный он человек.

Возле остановки он попрощался, сказав почему-то «извините». Я смотрел, как он уходил — высокий, плечистый, с понурой головой.

М. РАБИЧЕВ

Ростовская обл.

В нашей стране, которая строит много и неустанно, не столь уж грандиозны эти объекты в ряду других по масштабу, но вот внимания требуют исключительного. Почему же?

Давно прошли времена, когда нужно было доказывать важность, необходимость детских учреждений. И для ребенка. И для мамы. И для предприятия. И для государства в целом. Все это сегодня понимают. Но все ли подкрепляют понимание делом? Сейчас, когда на финише пятилетки подводятся итоги выполнения планов социально-экономического развития, выявляется, как же позаботились взрослые о малышах. И, к сожалению, кое-кому приходится краснеть.

Но только не ивановцам. Сопоставим такие цифры: 66 процентов и 74,1 процента. Таков в текстильном крае за пятилетку рост охвата малышей яслями и садами. Юные ивановцы получили почти 20 тысяч новых мест. А на селе число введенных мест больше, чем за все прежние пятилетки. О полной ликвидации очереди, правда, говорить преждевременно, но некоторые города области — Фурманов, Шуя, Кинешма, Заволжск — уже приближаются к этому.

Каким же образом сумели ивановцы сделать за пятилетку так много?

Если попытаться сформулировать главный секрет успеха, придется вернуться к заголовку: строящиеся сады и ясли действительно стали здесь объектами особого значения, заботой всех, заботой каждого — партийного работника и ткачихи, архитектора и активистки женсовета, строителя и профсоюзного вожака.

ОБЪЕКТЫ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

Подходящее название для детского учреждения — «Улыбка». Сказочный кот, ухмыляясь с мозаичного панно, кого угодно распотешит. А на другой стене здания пока идут работы: хотя садик уже полгода как обжит, художники готовят еще какой-то сюрприз для малышей.

— Азарт у мебельного объединения! — говорит Зуева.— Всех норовят обскакать. Посмотрим, какой они бассейн для своих ребятишек соорудили. А такие деревянные скульптуры где-нибудь видели?

Откровенно признаемся: нет. Глянули — и ахнули! И прохожие у ограды останавливаются, ни один мимо деревянного чуда равнодушно не пройдет...

Ездим по Иванову с заместителем председателя горисполкома Ниной Ивановной Зуевой. Осматривая очередной садик, она бросает вроде бы даже неодобрительно:

— Друг перед другом! Столько хороших типовых проектов, а у заказчиков непременно просьбы, дополнения. Проектировщики наши загружены сверх головы.

Однако Зуевой явно по душе и соревновательный азарт и привередливость заказчиков. Чувствуется: сама она человек той же породы. Как и многие из тех, с кем доводилось беседовать: вникают в плюсы и минусы каждого проекта, объяснят, почему в него вносились коррективы, посетуют, если чего-то из задуманного сделать не сумели.

Это стоит подчеркнуть сразу в рассказе об ивановской «детской пятилетке»: нельзя говорить лишь о количестве новых мест, упуская из виду добротность, комфортабельность зданий, стремление к дополнительным удобствам и для ребятишек и для персонала. В одном комбинате вынесли из здания на улицу прачечную, а в освободившемся помещении оборудовали плавательный бассейн; в другом отвели больше комнат для самых маленьких — ведь многие матери не хотят сидеть дома с ребенком до года; а чтобы малыши не тревожили друг друга, спальня разгорожена застекленными перегородками, это и заслон для возможной инфекции. Где-то рядом с умывальниками видишь мойки для ног — значит, есть условия для закаливения, а где-то решетки на лестницах подняты повыше, чтобы любопытные не сумели вскарабкаться...

Конечно, эти предложения несколько удорожали и усложняли строительство. Когда стоит задача ввести в сжатые сроки детские комбинаты на тысячи мест, понятен соблазн воспользоваться проектами стандартными. Первая, дескать, цель — всех ребятишек обеспечить, а уж следующая — помудрить на досуге над усовершенствованиями. Но ивановцам не хотелось подразделять цели на первую и вторую. К тому же они озабочены тем, чтобы детские комбинаты вписались в обжитые кварталы, чтобы архитектурно украсили районы новостроек, не были стандартно-унылыми.

Сами признаются: ради выигрыша в качестве шли даже на определенные жертвы и нарушения правил. В начале пятилетки собрали в горисполкоме всех заведующих детскими учреждениями, и Зуева начистоту рассказала им о положении в городе — столько-то тысяч малышей в очереди, такой-то по годам и даже по месяцам график ввода новых яслей и садов. Попросила: нельзя ли в действующих комбинатах еще немного потесниться? Нужно разместить ребят из детских учреждений, которые встают на капитальный ремонт. Но многие сады и без того были перегружены, и убедительная просьба горисполкома сначала понимания не встретила. Кому же не понятно, насколько труднее работать в переполненных группах?

— Слово дали — начнем разгружать точно по графику,— рассказывает Нина Ивановна.— Одна заведующая согласилась взять ребят, вторая... Есть ведь самоотверженные люди.

Это, конечно, не для передачи опыта. Мера была вынужденная. И группы, как обещали, вскоре разгрузили.

...Соцгородок. Так в тридцатые годы называли район меланжевого комбината имени Фролова. Тогда же, в тридцатые годы, вырос здесь детский сад; казался он, вероятно, дворцом. А сейчас рядом с ветераном поднялась новостройка. Решили и старый расширить, чтобы каждая группа имела свою спальню. Почему же ребятишки должны расти и воспитываться в разных условиях? Дополнительных мест пристройка дала всего ничего — не больше пятидесяти. Это еще подтверждение: количество новых мест было в пятилетке заботой отнюдь не единственной. Но там добавится пятьдесят мест, там семьдесят, а в сумме — приблизительно 5 тысяч ребятишек разместили благодаря пристройкам. Разве это не настоящий хозяйский подход к решению проблемы? Конечно, ремонтировались, перестраивались сады и прежде. Но не в таких масштабах.

— Теперь на Сортировку,— командует Зуева.— Посмотрим крупноблочный.

Ясли-сад фабрики имени рабочего Федора Зиновьева — первый крупноблочный комбинат, строившийся в области. И был он настоящим «первым блином». Будет нетяжкой сказать, что фабрика взялась за него с энтузиазмом. Напротив, проблему детских учреждений она считала решенной; если и накапливается небольшая очередь, не строить же дополнительный сад. Ну, уж маленький — куда ни шло. Однако в городе сейчас ориентация преимущественно на крупные учреждения — на 280 или 320 детей. И в горкоме партии сумели убедить руководителей фабрики: хорошо иметь сад «на вырост», а пока что он остро необходим прилегающему району.

Завод железобетонных конструкций — ЖБК — обещал поставить в срок все детали для комбината. Строители быстро расчистили площадку, возвели коробку. Однако поставщики отнеслись к заказу без должной ответственности, строители то и дело оказывались в простое: то одной детали не хватает, то другой. Отговорки у завода ЖБК всегда наготове: мало ли у него объектов — и предприятия, и жилье, и магазины...

— Частное слово, не верилось, что мы его введем,— вспоминает муки строительства заведующая Татьяна Григорьевна Дегтярева; ее назначили на эту должность еще до ввода комбината.

— Действовали сообща — и представители администрации фабрики, и народные контролеры, и женсовет,— объясняет нам Зуева.— В конце концов директора завода ЖБК вызвали на бюро горкома партии. И получил товарищ серьезное взыскание. Что ж делать? Недопонял. А потом живо наладили дело... Хороший сад. Посмотрите — у каждой группы свой выход, так что в случае инфекции никаких контактов. Больше ясельных групп. Процедурный кабинет рядом с кабинетом врача... Многим понравился проект: и завод автокранов такой сад выстроил, и завод «Искож» сейчас строит...

«Обычная история»,— скажет читатель. Застопорится стройка детского сада — и сразу начинают бить тревогу и заказчик, и женсовет, и родители, и пресса. Но не всюду, к сожалению, так внимательно прислушиваются к сигналам общественности, так оперативно реагируют на них.

В ивановской областной газете «Рабочий край» давно уже стала традиционной женская страница «Красная косынка». И редколлегия ее первейшим своим долгом считала участие в реализации плана строительства дошкольных учреждений.

Вот, к примеру, какой репортаж с фабрики имени Крупской был напечатан в одном из выпусков «Красной косынки». Собрался на заседание фабричный женсовет. Пригласили строителей. Решили выяснить, почему затягиваются сроки ввода детского комбината. Начальник отдела труда и заработной платы Т. П. Яковлева подсчитала, какие потери несет из-за этого производство.

И разговор подействовал. СМУ № 10 треста «Ивгорстрой» направило на стройку бригаду коммунистического труда А. И. Мокруева. Отделывали сад маляры специального управления отделочных работ под руководством известного строителя Л. М. Мигуновой. Родители устраивали субботники и воскресники, помогали убирать мусор, благоустраивали игровые площадки. И та же «Красная косынка» рассказала об открытии комбината как о празднике для всей фабрики.

Ценность ивановского опыта в том, что общественность подключается не только к контролю за строительством, а гораздо раньше, еще на этапе предварительном, подготовительном.

Попросим рассказать про это **Нину Николаевну ВАРЗИНУ**, заведующую отделом науки и учебных заведений Ивановского обкома КПСС.

— В конце 1975 года, то есть еще в преддверии пятилетки, ЦК КПСС принял постановление «О состоянии воспитания и обслуживания детей в дошкольных учреждениях Ивановской и Семеркендской областей». Это постановление заставило нас по-новому, комплексно рассмотреть проблему — во всей ее сложности и важности, критически оценить деятельность всех, кто участвует в ее решении.

Нужно было изучить положение дел в каждом районе, городе, в целом по области. Где самая большая нужда в детских учреждениях? Какие старые сады необходимо поставить на капитальный ремонт или перестроить? Где целесообразнее разместить крупные комбинаты, чтобы родителям не приходилось возить ребенка издалека? Для обследования были привлечены сотни людей на местах.

Трудовые ресурсы у нас в области практически исчерпаны: занятость взрослого населения общественно полезным трудом превышает 99,6 процента. И при такой острой проблеме кадров многие матери не могут вернуться к станкам, потому что у них на руках малыши. Надо было дойти до каждой, расспросить о планах.

Прежде всего выявилась нехватка ясельных мест. Поэтому, обсуждая подготовленные материалы, бюро обкома партии обратило внимание и предприятий, и проектировщиков, и строителей: нужно больше групп для самых маленьких, максимум удобств для них. И сейчас еще нужда в ясельных местах большая. Так что забот и на следующую пятилетку хватит!

«Реконструкция» — популярное сейчас слово в текстильном крае. Напряженно ведется техническое перевооружение предприятий, улучшаются условия работы, становятся все более производительными и удобными в обслуживании станки и машины.

Убеждены: забота об эффективности труда находится в самой прямой связи и с темой нашего сегодняшнего разговора. Ведь чтобы женщина трудилась с полной отдачей, она должна быть спокойна за детей.

...В горисполкоме — прием населения. Зашла молодая женщина. На карточка записывают данные: Кантонистова Вика Валентиновна, место работы — старший техник ГПИ-6. Малышу 6 месяцев, хотела бы отдать его в ясли. Старшему сыну два с половиной года, посещает детский сад. Претензий к саду нет, но ребенка приходится возить. Нельзя ли ребят определить вместе куда-нибудь поближе к дому?

— Ближайший ясли-сад — меланжевого комбината,— выясняет Зуева и обещает:— Попробуем устроить.

— Но ведь ни мать, ни отец не имеют отношения к меланжевому,— сомневаемся мы.— Могут ребятишек не взять.

— Свои или не свои — теперь уже не так важно. Разбогатели. Один вариант можем посмотреть, второй. Это прежде трудно было настаивать, чтобы сад брал чужого ребенка, если предприятие, на балансе которого он находится, само нуждалось в местах. При райисполкомах созданы межведомственные комиссии, они решают подобные вопросы...

Заговорили о ведомственности — и опять же хочется вернуться к началу пятилетки, к моменту подготовки наступления. Как создавалась единая стратегия, учитывавшая потребности и возможности всех предприятий и учреждений, всех городов и сел области? Этот вопрос мы задаем заместителю председателя Ивановского облисполкома **Адольфу Георгиевичу ДЕМИДОВУ.**

— В нашей области находятся предприятия и учреждения 46 министерств и ведомств. Представляете? Сорока шести! И надо было всех их впрячь в одну упряжку. Как? Мы подготовили письма руководителям министерств и ведомств, объяснили, какова положение в области, и попросили пересмотреть планы. Ведь есть отрасли, которые за время существования их предприятий на территории области не построили ни одного детского учреждения.

К примеру, завод тяжелого станкостроения имени 50-летия СССР вошел в строй 20 лет назад. Детских учреждений недостаточно. Логика, вероятно, такая: «У нас трудится папа, а мама в другом месте, вот пускай мама и устраивает ребенка». Или взять завод испытательных приборов. Современное предприятие, столько работает молодежи, а министерство не выделило средств на детские учреждения.

Принятая общесоюзная норма — на 100 работающих женщин должно быть 27 мест в детских дошкольных учреждениях. Мы проанализировали, сколько же у нас мест по отраслям. Текстильные предприятия недотягивали до нормы, но все-таки в среднем имели 20 мест на 100 работниц, на предприятиях же автотранспорта — всего 3 места, а для женщин, работающих в торговле и связи,— меньше одного! Вот такие перепады.

Глубокий анализ позволил нам аргументированно говорить с министерствами. Правда, на письма свои получили мы сначала ответы в большинстве или отрицательные, или уклончивые: при первой возможности постараемся... Нет, нас такие обещания не устроили.

Группа ведущих текстильщиц решила обратиться к руководителям соответствующих министерств и ведомств через газету «Известия». Очень весомо прозвучали их слова о том, что детские учреждения — это забота о работающей матери, о ее трудовом настрое. На повторные письма многие министерства отвечали уже более определенно.

Радует, что за пятилетку у наших хозяйственников — ну, скажем помягче, у большинства хозяйственников — в корне изменилось отношение к проблеме. Прежде приезжаешь на завод или в совхоз и спрашиваешь директора: «Большая очередь в детские учреждения? Есть сады, которые необходимо реконструировать? Везде спальни отдельные? Как проводится закаливание ребят и оздоровление?» — так редко кто сразу на вопросы ответит. А теперь директор тут же, не обращаясь за справками, все объяснит, да и сам выйдет в разговоре на проблемы, которые надо решать общими силами.

Перед Адольфом Георгиевичем — папка документации. Это снова переписка с министерствами: уточняются планы на одиннадцатую пятилетку. Очередь в ясли и сады все-таки еще большая — около 9 тысяч (за последнее время кое-какие старые сады пришлось закрыть, вывести часть детей из перегруженных детских учреждений; и еще такое приятное обстоятельство — несколько увеличилась рождаемость, тоже к очереди добавка).

Знакомимся с документами. Вот обращение в Министерство путей сообщения СССР. На предприятиях и в учреждениях Ивановского отделения Северной железной дороги работает более 4800 женщин, сеть дошкольных учреждений должна быть рассчитана примерно на 1300 детей, а сейчас в детских садах и яслях лишь 860 мест. Просьба к министерству включить в план на 1981—1985 годы два детских учреждения. Читаем и ответ министерства. Пока что он, к сожалению, уклончив...

Наметки будущего плана обсуждаются сейчас на разных уровнях. Участвует в обсуждении плана и женская общественность. По какому бы вопросу ни собирался областной женский совет, возглавляемый секретарем обкома КПСС Лидией Ивановной Кужлевой, непременно зачитывается сводка о ходе строительства детских учреждений, о причинах задержки на том или ином объекте... Идет разговор о подготовке кадров для детских учреждений.

Председатель Ивановского городского женского совета, профессор мединститута Елизавета Петровна Ужинова рассказывала, как активистки женсовета проверяли летние дачи, какое внимание уделяется специальным группам для больных или ослабленных детей. Много еще нерешенных проблем, много работы.

Финиширует десятая пятилетка, принимает у нее эстафету следующая, одиннадцатая. И хочется верить, что ивановцам удастся в следующей пятилетке воплотить в жизнь мечту: чтобы любая мать, обратившись с просьбой устроить ребенка в ясли или сад, тут же получила направление.

А. ДМИТРИЕВА,
член Ивановского областного женского совета,
Т. РЯБИКИНА,
наш спец. корреспондент

Размышляя над фактом

Бутылка на асфальте

Летний вечер прозрачен и тих. В воздухе смешались неостывшее тепло дня и прохлада наступающей ночи. Во дворе многоэтажного московского дома в этот час людно: копошатся в песочницах малыши, гоняют на велосипедах подростки. Возле подъездов степенно расположились на скамейках старики и старушки. Нет-нет да и присядет рядом с ними возвращающийся с работы сосед — обменяться новостями, перекинуться парой добрых слов.

И вдруг неспешный разговор прерывает звон разбитого стекла. Все поворачивают головы в ту сторону, откуда он раздался. Под окнами на асфальтовой дорожке — осколки бутылки...

Присматриваетесь ли вы к тому, как выглядит небольшой кусочек территории, примыкающий к вашему дому, к вашему подъезду? И, наверное, нередко замечаете, как чистенький, убранный утром газон к вечеру оказывается густо усеянным обрывками бумаги, окурками, спичечными коробками, фантиками от конфет, яичной скорлупой и даже консервными банками.

Я живу в доме с лифтом. На каждом этаже — мусоропровод, и требуется всего две-три минуты, чтобы вынести корзину с мусором. А уж бросить окурок или клочок бумаги в ведро на кухне — и вовсе секундное дело. И тем не менее все эти отбросы нередко оказываются не в мусоропроводе, а на лестнице или на газоне, где зеленеет трава, растут цветы.

Но откуда такое, с чего начинается?

Вот рядом с отцом шагает по улице мальчишка с мороженым в руках. Стаканчик опустел — и тут же летит в сторону, не тротуар, хотя урна в двух шагах. Отец словно не замечает этого. И так раз за разом. Дурная манера становится привычкой. Ребенок подрастает — привычка укореняется.

Конечно, кто-то из свидетелей подобной сцены возмутится, но сделать замечание не осмелится — чего доброго, еще нарвешься не грубость: скандалист, мол, поднимает шум из-за пустяка.

В другой раз тот же ребенок или его папа швырнет из окна пакет с остатками молока, окурок, ничуть не заботясь о последствиях. А они, эти последствия, к сожалению, могут быть весьма серьезными.

«Иду как-то по улице,— рассказывает мне приятельница,— чувствую — пахнет паленым. Озираюсь вокруг — ничего горящего не видно. Шагаю дальше, а запах усиливается. Не могу понять, в чем дело. И только когда заглянула в магазин, увидела в зеркале, что дымлюсь... я сама. На голове моей была шапочка из мохера. И на нее упала брошенная из окна непогашенная сигарета».

А разве может не тревожить цифра, которую назвали мне в Управлении пожарной охраны Москвы: в прошлом году потушено 45 пожаров, причиной которых стал брошенный на балкон окурок. Только за одну неделю сентября по этой же причине в столице горело 14 мусоропроводов, 3 балконе.

— Не такая уж большая редкость — травмы, которые люди получают от разных предметов, летящих из окон,— добавили в Московском институте скорой помощи имени Склифосовского.

Недавно в редакцию пришло письмо из Баку от З. И. Пурясевой. Августовским днем прошлого года, рассказывалось в нем, во дворе дома № 92 по Кислотной улице играли дети. Среди них был шестилетний сынишка Зои Ивановны. А на верхнем этаже шумело праздничное застолье. Выпита очередная бутылка — и чья-то рука лихо запускает ее в раскрытое окно. Бутылка попадает в голову малыша.

Уже год длится следствие по делу. Найти виновного крайне трудно — гостей в квартире было много, все они утверждают, что ничего не видели. Следственные работники ищут, сопоставляют факты. Надо надеяться, что им удастся установить истину.

Но давайте задумаемся: отчего произошла трагедия? Не со злым, конечно, умыслом кинул человек бутылку в распахнутое окно. Не хотел он кого-то поранить, искалечить. Вся беда как раз в том, что он ни о чем не думал. Не привык нарушать свой душевный комфорт мыслями о каких-то плохих последствиях. Лишь глубоко в подсознании вяло шевелилось привычное: ерунда, ничего не случится. А вот случилось, и можно теперь биться головой об стену, сожалеть, каяться — содеянного не изменишь...

«Всякому поступку предшествует размышление»,— утверждал Д. И. Писарев. Да, человек обязан размышлять. Всегда. И тогда, когда принимает важное в своей жизни решение. И тогда, когда собирается совершить поступок самый вроде незначительный, как те, о которых идет речь в этих заметках. Разумеется, он обязан думать и о чистоте своего двора, города. Но в первую очередь, наверное, о том, что вокруг люди. Каким эхом отзовется каждое наше движение, не причинит ли беды окружающим такой «пустяк», как небрежно брошенная сигарета? Если мы приучим себя задаваться подобными вопросами — уверена, случаи, о которых здесь рассказано, станут редкостью чрезвычайной.

Н. ФЕДОРОВА

По следам наших выступлений

И бригада состоялась

«Почему не состоялась бригада» — так называлась статья, опубликованная в № 7 журнала. В ней шла речь о том, как на Свердловском заводе радиоаппаратуры невнимательно отнеслись к предложению Нины Чещиной и ее подруг о создании бригады сдельщиков. А предложение это, как и ее письмо в редакцию, было продиктовано заботой о росте в цехе производительности труда сдельщиков, об укреплении трудовой дисциплины. Однако на заводе инициативу работницы не поддержали.

Как сообщил редакции секретарь парткома завода И. В. Булыгин, статья «Почему не состоялась бригада» широко обсуждалась на собраниях смен в сборочном цехе, с интересом прочитана в заводском коллективе. В результате проведенной партийной и профсоюзной организациями работы 39 процентов сдельщиков объединены в бригады.

На заводе избран совет бригадиров. Организовано соревнование бригад за достойную встречу XXVI съезда партии. Приняты повышенные обязательства. На участке, где работает Н. Чащина, создана комплексная сквозная бригада.



О тех, кто рядом

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

За партой сидели муж и жена. Так уж получилось, что сегодня в вечернюю школу они пришли вместе.

Выросли Михаил и Татьяна в больших рабочих семьях. Его мать — Валентина Степановна Шутова — потомственная текстильщица, одна из лучших работниц нашего хлопчатобумажного комбината. Отец Татьяны — тракторист, мать — доярка. Росла Таня шестой дочкой в семье Коптяковых.

После восьмилетки Михаил пошел в ПТУ учиться на электрика, а Татьяна приехала в Тейково из деревни, стала работать на комбинате мотальщицей.

Встретились они в селе, куда Татьяну послали в числе других помогать подшефному совхозу. Михаил гостил там у бабушки. Полюбили друг друга, а через несколько месяцев сыграли свадьбу. В 1975 году родилась у них дочка Леночка. Спустя два года появилась Маринка, а в прошлом году — Олечка.

В перерыве между уроками я подошел к супругам.

— Решили снова учиться?

Татьяна, улыбаясь, ответила:

— Да, хотим получить среднее образование. Вовремя не успели, теперь навертываем.

Учиться, имея троих малышей! Как это удается?

Утром Татьяна спешит в школу, а Михаил везет дочек в сад, ясли. Оля остается с бабушкой. Вечером у Михаила — школа. А у Тани — рабочая смена. Так, разделяя семейные заботы, воспитывая ребятишек, учатся они уже третий год. Любовь и согласие — их спутники. В будущем году оба получат аттестат об окончании средней школы.

О супругах Шутовых меня попросили написать преподаватели школы рабочей молодежи хлопчатобумажного комбината. И я с удовольствием выполняю их просьбу.

Р. ГОРБУШЕВ

г. Тейково,
Ивановская обл.

Планируем праздник



О том, что до новогоднего праздника не так уж далеко, думаешь с удовольствием. И заранее строишь планы. И греет надежда: если встретишь Новый год весело, в окружении близких,— будет и весь следующий год похож на этот новогодний вечер. Загадываешь сокровенные желания — хорошо бы они осуществились! Такой уж он, этот праздник, ни на какие другие не похож, со своими традициями, которые живут нам на радость. И елка, сверкающая огнями, увешанная игрушками и сладостями, и обычай дарить подарки, и тосты, которые мы произносим за праздничным столом...

И если мы жаждем новогодних радостей, давайте сами создавать их. Заблаговременно, загодя спланируем будущий праздник.

У каждого, разумеется, свое представление о том, как встречать Новый год.

Собраться веселой компанией за городом, нарядить в лесу елку, и перемежеть сидение за столом с гуляньем среди заснеженных деревьев, под светом луны и звезд...

Заказать в кафе или ресторане столик и танцевать до утра под шумное буйство оркестра...

Пойти к друзьям (у кого посвободней квартира) и, совместными усилиями соорудив стол, смотреть по телевидению веселые новогодние программы...

Хорошо, конечно, уйти из дома и не обременять себя хлопотами, но давно принято именно Новый год встречать в кругу родных и самых близких друзей. Можно объединиться с соседями по квартире. Стены дома раздвинутся — в одной комнате накроем главный стол, в другой — стол чайный, какую-то выделим для танцев. Всем будет хорошо — и тем, кто предпочитает тихо посидеть у телевизора, и тем, кто хочет вволю повеселиться. Да и дети смогут лечь спать, как только устанут.

Итак, подумаем, где мы хотим встречать Новый год, а решив, будем планировать программу праздника.

Подсчитаем, сколько будет гостей. Взрослых. Детей. Решим, будем ли устраивать застолье или обойдемся легкими закусками. Надо прикинуть, хватит ли всем места за столом. Ребятишки, которых не всегда допускают на торжество, на этот раз пусть посидят вместе со всеми (но не допоздна!).

Итак, число и состав гостей определены. Надо разобраться с расходами. Нередко этот праздник отмечают в складчину. Каждый из гостей вносит определенную сумму денег, и на них закупается все необходимое. Но есть и другой путь. Каждый приносит на стол свои «фирменные» блюда: пироги и торты, салаты, заливные, соленья, маринады... Стол получится разнообразным. Заранее нужно прикинуть, хватит ли посуды, столовых приборов, и договориться, кому из гостей что прихватить из дому, чтобы не пришлось испытывать недостатка в каких-то мелочах.

Конечно, подарки на Новый год приносит Дед Мороз, но позаботиться об этом придется тоже заранее. Ведь так приятно получить какой-то милый пустячок, даже если ты уже взрослый, вполне серьезный человек. Можно купить подарки в магазине, но завернуть их, оформить с выдумкой. Можно договориться между собой, чтобы каждый приготовил какой-то сюрприз, и так создать общий подарочный фонд. Этим могут заняться старшие дети и в условиях строгой секретности смастерить из бумаги, картона и тканей забавные игрушки, мелочи. А на празднике провести веселую лотерею — кому что достанется.

Вот мы и перешли к распределению обязанностей, появились первые поручения. Прежде чем продолжить разговор, придется решить, хотя бы в общих чертах, как будет проходить праздник. Если гостей соберется много и предполагаются танцы, надо подумать, кто будет отвечать за музыку, кто принесет магнитофонные записи, пластинки. В большой компании можно устроить бар и выбрать бармена, который подберет подходящие рецепты коктейлей и крюшонов и позаботится, чтобы было все для них необходимое. Всегда найдется человек, который лучше других умеет заваривать и сервировать чай, варить необыкновенный кофе — он-то и может стать хозяином чайно-кофейного стола.

Один будет организатором новогодней лотереи, другой сыграет роль Снегурочки, а третий — Деда Мороза. Важно только, чтобы у каждого оказалось поручение — тогда все будут заинтересованы в успехе вечера. И не придется кому-то одному проводить время на кухне, обслуживая других.

Последнюю неделю перед Новым годом надо хорошо спланировать. Стирка, генеральная уборка — все эти трудоемкие занятия закончить пораньше, иначе не останется времени ни на что другое. Уже в чистой, прибранной квартире можно заниматься новогодним оформлением.

Прежде всего подумаем об освещении. Гирлянды елочных ламп годятся

на только для алки, они могут украсить вход а комнату, где аы намараны устроить танцы. Даже самым обычным саатильникам можно придать аид праздничный, подвесиа, напримар, к люстре гроздь стаклянных елочных шаров. Придатся, конечно, считаться с правилами пожарной безопасности — кому хочатся, чтобы аачар омрачился бедой.

В какой комната поставить елку, решаам в зависимости от. размаров помвщания. Вовсе не обязательно ей стоять там, где праздничный стол. Можно обойтись и вовсе без алки. На стол или сервант, тумбочку достаточно поставить новогодний букат с двумя-тремя (на пареборщить!) игрушками. Для подобных композиций годятся лесные коряги, аловыа и сосноаыа ветки, сухиа цваты, ввтки с рябиной, бузиной. Сюда же хорошо апишутся комнатные растания, особенно цаатущиа. Еловые и сосновые ветки лучша ставить а воду, зачистиа их и подрезав. Елочку можно смастарить из фольги и цветной бумаги, картона. Намного выдумки плюс кусочки шпагата, гвозди, клай, пластилин — и вы добьетесь желаемого эффакта.

И посладнее. Как бы вы ни были парегружаны далами, паред самой ноаогодняй встречей даа-три часа напременно оставьте на отдых, чтобы снять усталость и настроиться на праздничный лад.

Есть аща одна забота, о которой стоит подумать на а самый последний момант. Праздничное платье. Позавидуешь мужчинам — нарядная сорочка, удачно подобранный галстук, тщательно выглажвнный костюм, начищанныа до блеска ботинки — и можно чувствовать себя уваранно. А жанщине всегда хочатся чего-нибудь нового, красивого.

Строгая, требоватальная мода заставляат нас выбирать платье соотаетстванно случаю, и мы стараамся одаться на работу по-двловому, в театр — нарядно, но корранктно. На Новый год мы можам позволить себе приятныа вольности. Тут хороши и длинные, открытые платья, и красочная шаль, и кружввной воротничок, и самые яркиа украшвния. Если компания собираатся большая, можно нарядиться и в карнавальныв костюмы, но даже и в узком семайном кругу, гда карнавальный наряд вряд ли уместан, нарядко устраиватся маскарад для датай. Это вадь тожа одна из новогодних традиций.

Какое выбрать платье? В нашам журнала мы ужа публиковали модали нарядных платьев (с выкройками). И на этот раз художник Вячеслав Зайцев прадлагаат свои новинки. Длинныв юбки с блузками из однотонного шалка или ткани с ярким рисунком, элвгантныа платья из тонкого шарстяного крапа с изящной отделкой, платья-костюмы, украшвнные плиссировкой или дакоративной тесьмой. Маланькиа жилеты с вышивкой, нарядных пояса украсят любое платье. Какую бы модаль мы ни выбрали, ткань должна идти к цвету лица, волос. А покрой платья — подчаркивать достоинства и скрывать нвдостатки фигуры.

Можно соорудить праздничный наряд из имвющихся в продажв набивных платков (как зто сдвлать, рассказываатся в приложении к этому номеру) или обноаить платье, сдвлав к нему нарядный кружавной воротник, пояс, жилат.

Л. ОРЛОВА



На пераой страница обложки: Рисунок из книги «Повстречались магистрали на Амуре». Художник Г. Павлишин.

В приложении к этому номеру: платья и блузки из платков, нарядные воротнички, новогодние мелочи.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, ГСП, Москва, Бумажный пр., 14

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания — 250-12-30; семьи и быта, науки и атеистической пропаганды — 250-11-93; художественного оформления — 212-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 212-20-39.

Сдано в набор 24.09.60.
Подписано к печ. 16.10.60. А 06676.
Формат 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13119000 экз.
(3-й завод: 9541924—10620081 экз.).
Изд. № 2544. Заказ №4496.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

Главный художник
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.
Оформление
Т. Р. ГОРЕЛОВОЙ.
Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.







Париж. Улица Иены.

Отец и сын. Год 1920.

Литовская свадьба.



ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЗЕМЛЕ

Ее работы дарят ощущение глубины и серьезности. И то, что художница часто предпочитает выигрышному цвету черно-белый рисунок, не снижает эмоционального воздействия ее полотен.

Творческая судьба Елены Флёровой сложилась счастливо. Мать, заметив любовь трехлетней дочери к рисованию, не только поощряла, но и направляла ее. Затем Центральная художественная школа, факультет станковой графики Суриковского института и, наконец, аспирантура Академии художеств, где наставником и другом молодой художницы стал известный мастер Евгений Кибрик.

Уже в своей дипломной работе «Дневник Анны Франк» — пять листов, несущих беспощадный приговор фашизму и в то же время полных восхищения мужеством героини и сострадания к ее судьбе,— Флёрова проявила творческую зрелость и профессионализм.

Еще в студенческие годы она увлеклась тематическими композициями революционного звучания. И «Арест Временного правительства» и романтичные листы, посвященные Парижской коммуне, отличались образной завершенностью и композиционным своеобразием. (Кстати, цикл «Парижская коммуна» и офорт «Вечер» в 1972 году были удостоены серебряной медали Академии художеств.)

Творческие интересы художницы разнообразны. Она автор иллюстраций к «Легенде об Уленшпигеле» и сказкам Андерсена. Есть у нее и портреты — все, как правило, глубоко психологичны и очень индивидуальны. И пейзажи. «Чистых» пейзажей, правда, немного, но зато каждый увиден и прочувствован по-своему. Смотришь на ее парижские бульвары, например, и ощущаешь, как пахнет туманный влажный воздух, слышишь, как шуршат под ногами прохожих опавшие листья.

Есть у Флёровой и жанровые полотна. Два из них — «Отец и сын» и «Литовская свадьба» — мы воспроизводим сегодня.

— «Литовская свадьба» — центральная часть триптиха, написанного лет восемь назад,— рассказала мне художница.— Я случайно оказалась на этой свадьбе. И, признаюсь, была пленена невестой. Она в этот счастливый миг своей жизни была так далека от всего земного, людей, которые ее окружали. Помнится, меня поразило то, как по-разному собравшиеся относились к свадьбе, что говорили вокруг и о невесте и о женихе... Именно об этой разности восприятия одного и того же события я и думала, работая над полотном.

Сейчас Елена Николаевна Флёрова начала работу над большой серией, условно назвав ее «Крестьянская». Задача достаточно серьезная — проследить за изменениями во внутреннем мире человека, связанного с землей, за шестьдесят с лишним лет. Несколько работ готовы. Остальные — в набросках и замыслах.

— Почему вы, горожанка, решили писать крестьян? — спросила я Елену Николаевну.

— Еще в студенческие годы, увлекшись темой революции, я много сидела в архивах, изучала иконографию. Тогда-то и натолкнулась на интереснейший материал о дореволюционной деревне, ну, а современную наблюдала часто, бывая в средней полосе России. А то, что я родилась в Москве, на Плющихе, не помеха. Тем интереснее встретиться с другим, не похожим на мой образом жизни. В этом случае и глаз острее и требования, которые предъявляешь к себе, выше. А главное — прикосновение к душе земледельца помогает глубже понять и ощутить Россию.



Е. ТАРАСОВА



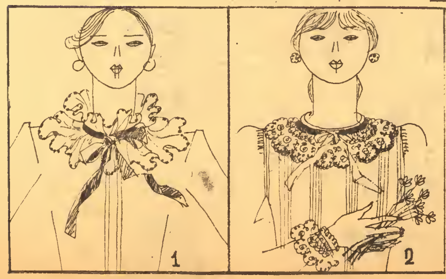
Индекс 70770
Цена 15 копеек

Бесплатное приложение
к журналу «Работница» № 11 за 1980 год

Воротник-украшение







Красивый воротник обиовит, сделает нарядным даже простенькое платье.

1. Полоска легкого шелка, обработаииого по краю тоиким узким кружевом, собирается так, чтобы треть шириıы полоски оказалась наверху. По этой линии пришивается тонкая леита или бархотка, которая завязывается баитом. Можıо сделать такой воротиик и плиссироваииым.

2. Для этого воротника можно использовать готовое кружево, ио можно и связать его из тоиких хлопчатобумажиых ниток. По горловиие пришивается лента или бейка, которая завязывается бантом.

3. Вырез платья и вставку из ткаии коитрастиого цвета украшает пышный кружевной воротиик. Его можно сшить и из ткани, отделав по краю вышивкой ришелье.

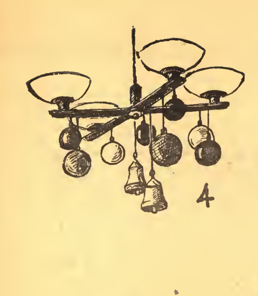
4. Широкий, сосборенный по горловиие воротник-пелерина из кружевного полотна или легкой, типа маркизета, набивной ткани с нежным мелким рисунком.

Художиик В. ЗАЙЦЕВ

Новогодние мелочи



ПЛАНИРУЕМ



4



6



8



5



9

1. Скатерть для праздничного стола не обязательно должна быть белой. Ее можно сшить из красного, малинового или розового полотна (годятся лен, тик, ситец, рогожка), а под столовые приборы подложить (а можно и нашить) квадратики из набивной ткани. Можно сделать скатерть из набивной ткани с мелким или крупным цветочным орнаментом, отделать цветным кружевом, которое нетрудно связать крючком. Хороши и одноцветные салфетки с легкой вышивкой: зеленая еловая веточка, красная свеча, желтое «сияние».

2,3. Вот такие композиции нетрудно сделать из веток ели и сосны. Яркая — оранжевая, желтая — свечка помещается в цветок из фольги и укрепляется в плоской широкой вазе, где разложены еловые ветки. Можно использовать и обычный цветочный горшок с землей, воткнуть туда еловые ветки и спицы или палочки с елочными игрушками на конце.

4,5. Обычные светильники-люстры и торшеры будут выглядеть празднично, если украсить их елочными игрушками. Шары можно подобрать одного цвета или же, напротив, использовать контрастные цвета. Электрические огни будут многократно отражаться и дробиться в них.

6. Новогодний подарок для ребенка можно поместить в такой вот фунтик из плотной бумаги (внутри оклеенный цветной тканью) или в хлопушку, которую нетрудно сделать самим (бахрома из фольги). Хороший подарок — тканевый мешок с «кладом» из золотых шоколадных монет, запечатанный сургучом или печатью из фольги. Не одни только конфеты — любой подарок можно спрятать в такую упаковку.

7. Многоэтажный «чулок» должен быть большого размера, чтобы в нем свободно разместились самые разные подарки. На чулок нашиты карманы, для которых используются разноцветные полоски ткани.

8. Почтовый ящик для новогодних пожеланий чуть больше обычного. Ткань — синяя или голубая, лучше джинсовая, карман — конверт из белой ткани, красная «печать».

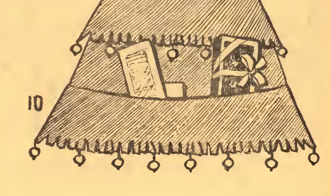
9. Такие бусы очень хороши для новогоднего подарка. Бусины разной формы и цвета нанизаны на тонкий кожаный шнурок или толстую шерстяную нить, кисточки из того же материала.



7

10. Елку с карманами для подарков можно повесить на стену. Треугольник высотой 50 см, в основании — 35 см. Поперечные полосы — карманы с бахромой имеют ширину 13—15 см и нашиты сверху. Звездочку можно сделать из фольги или использовать готовую елочную игрушку. Под звездой — шнур, завязанный бантами с мелкими елочными шариками на концах. Такие же шарики и по низу елки.

Художник Н. ГОЛИКОВА.



10

ПРАЗДНИК

НАРЯД ЗА ПЯТЬ МИНУТ

Во всех этих моделях используются готовые набивные платки. Если размер их окажется меньше, чем требует выкройка, можно, подобрав соответственно рисунок, сшить несколько платков, чтобы получилось полотно нужной величины.

●

1. Юбка со швом спереди и сзади, с каймой, расположенной по подолу, сосборена по талии. Пояс, завязывающийся бантом, можно продеть в кулиску, можно носить и поверх кулиски, в которую продета резинка. Для юбки использованы два или три платка размером 75×75 см. Низ и верх юбки подшивать не надо.

Блузка делается по фигуре. По линиям пройм — узкие канты из тесьмы или ткани юбки. Можно использовать гладкую трикотажную маечку, отпоров манжеты и заменив их узкой бейкой.

●

2. Для блузки нужны четыре платка: два на перед и спинку, два — на рукава. Вырежьте два прямоугольника для переда и спинки (длина их и ширина зависят от вашего размера). Стачайте внизу с двух сторон на 8—10 см. К образовавшейся пройме пришейте рукава. Платье для рукавов сложите, как показано на схеме (шов наверху). По низу рукавов — резинка в несколько рядов. Для обработки горловины использована ткань от каймы платка, которая настрачивается по лицевой стороне; блузка заправляется в юбку модного теперь покроя «солнце-клеш». Пояс завязывается спереди бантом.

●

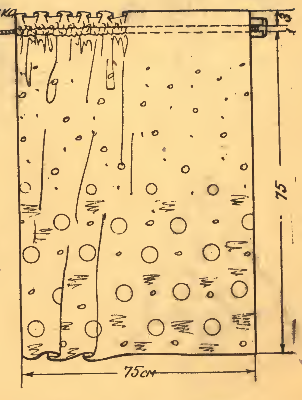
3. Из двух платков сшита блузка, напоминающая короткое платьице. К отогнутым уголкам платка спереди и сзади пришейте короткие тесемки, которые завязываются на плечах. Стачайте боковые швы. Нижний угол не срезайте, он сыграет роль нижней юбки. Юбка сделана из двух платков, собранных вверху на пояс, завязанный спереди длинным бантом, спереди юбка не зашита. Ее можно носить и как пляжную

●

4. Узкая юбка из двух платков сосборена по талии, спереди и сзади по встречной складке. Глубина их зависит от вашей фигуры и размеров платка. Спереди и сзади можно сделать по две неглубокие вытачки. Остальное забрать в боковые вытачки. Пришейте пояс. Можно, не делая вытачек и пояса, собрать верх юбки на несколько рядов резинки

Блузка из легкого однотонного шелка скроена по форме эллипса. Сложите ткань углом, вырежьте эллипс. Найдите середину сгиба и сделайте разрез для горловины (осторожно! Не разрежьте чересчур много!). Форму выреза (следуя пунктирной линии на чертеже) уточните после примерки. Длина рукава зависит от ширины ткани. Если хотите его удлинить — надставьте кусок ткани. Низ рукава можно закончить мелкими складочками, манжетой или собрать на резинку.

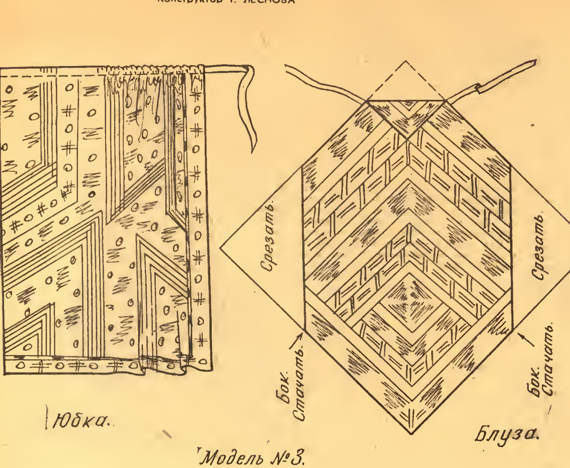
Художник В. ЗАЙЦЕВ.
Конструктор Т. ЛЕСНОВА



Модель №1. Юбка.


1


3



Юбка.

Блуза.

Модель №3.

Плечо.
Стачать.
20см.
Горловина
Прима.
Шов.
Срезать.
Пройма.
Рукав.
Сгиб.
Стачать.
8-10см.

Перед и спинка.

Модель №2. Блуза.

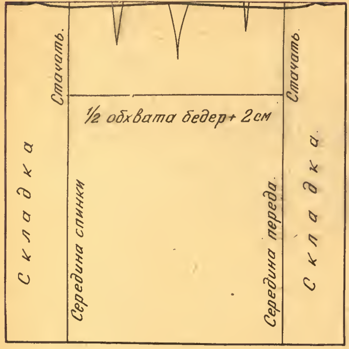
НАРЯД ЗА ПЯТЬ МИНУТ

2

4

Срезать
Сгиб.
Стачать.
Горловина.
Разрез.
Блуза
Сгиб.
резинка.
срезать
Стачать.
Срезать.

Модель №4



Юбка.